

Михаил Семёнов

Я, Яромир Гулливер

Михаил Семенов Я, Яромир Гулливер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69359920

SelfPub; 2023

Аннотация

Облик героя книги, словно воплощённого сказочного Леля, в реальной жизни завораживал, заставлял обернуться, замерев вслушиваться в его негромкую речь. Этот почти былинный герой – наш современник, удивительным образом явившийся в провинциальном Новгороде на исходе советских десятилетий. Он жил одновременно глубинным прошлым и непознанным будущим, сшивая собою эти времена. Вернул нам из прошлого звуки древних музыкальных инструментов. История этой яркой, драматичной жизни полна тайн и недомолвок, поэтому в книге его образ и даже имя во многом художественно домыслены. Описание произошедших событий неизбежно сплелось в пёстрое мемуарно – исторически – фэнтезийное полотно памяти об этом замечательном человеке – легенде.

Содержание

1. Задание	5
2. Тропами поиска	15
3. Муки и радости на берегу вечности	36
4. Рождение Яромира	52
5. Орфей и его Эвридика	73
6. Беседы с новгородским Волхвом. Битвы первой Гражданской войны	92
7. Путешествие в русский Раскол. Вторая Гражданская	121
8. Межстоличная провинция на грани 19- 20 веков. Канун третьей Гражданской	138
9. Звёздочка Полистьева	156
10. Яромиров Холм	178

Михаил Семенов Я, Яромир Гулливер

*Всегда есть немного правды за
каждым «Я шучу!»,
немного знаний за каждым
«Я не знаю!»,
немного эмоций за каждым
«Мне без разницы!»,
и немного боли за каждым
«Всё хорошо!»*

1. Задание

Новогодние праздники как обычно наполнили зимние дни приятным возбуждением, что не радовало только местное воронье. Сутками беспорядочное салютование фейерверками будоражило их размеренный, обычно деловой уклад, заставляло с безумным граем сбиваться в стаи, мечущиеся по вершинам голых крон деревьев на старых новгородских улицах Торговой стороны. Пройтись по тротуару, не исчерченному кляксами «приветов» их жизнедеятельности и не попасть под их раздачу, было удачей. Для утешения в ином случае я сохранял в памяти добрую примету жителей причерноморья, правда, в отношении чаек и глаурисов – трижды получивший подобную отметину, мог рассчитывать на успех в делах, кто-то – на близкое счастье. В тот раз счастья «не наобещали», благополучно добрёл до Музея кино. Накануне их афиша «зацепила» анонсом очередного немого черно-белого фильма с музыкальным сопровождением тапёра тут же в зале. Живой инструмент всегда согревает и в баре, и на открытии выставок, мероприятий, фуршетов. Саксофон, фортепьяно, бывает ненавязчивый вокал. К этому почти привыкли, но вот в кинозале такое вживую не встречал. Пианино стояло у стены боком к подиуму, «попадать» в происходящее на экране, пианистке помогало специально установленное под углом зеркало. Мелодии были иг-

ривы, незатейливы, но разнообразны, главное, стилизованы под соответствующее содержание фильма и его потешных, вроде Чарли Чаплина, героев. Красивые, изящно порхающие руки пианистки, её тонкие запястья отвлекали от экрана. Думалось, как чаровали бы хрустальной грустью в её исполнении ноктюрны Шопена. На стене рядом с инструментом, на её личной афише рассмотрел имя – Анна. Вспомнил своих прабабушек по двум линиям, хранительниц генной памяти, породнившихся в советской России двух родов, ветвящихся ещё от библейской Евы. Обе Анны. Где теперь их души, что надеялись они передать своему будущему правнуку? Держу ли я перед ними ныне ответ?

Кинозал оказался современным, с удобными «офисными» креслами, некоторые даже с подлокотниками и выдвижными столиками для записей. Этот комфорт явно диссонировал с стилем ретрофильмов и аурой этого музейного действия в целом. Хотелось чего-то соответствующего, пусть даже шуршания во время сеанса конфетных обёрток, запаха ванили и шоколада. Вспомнился любимый кинотеатр юности, ещё дореволюционного устройства, в наше время – «Арс» на площади Льва Толстого Петроградской. Тот кинотеатр был наполнен какой-то тайной. На потолке сохранялись остатки плафонной росписи с флористическими элементами. В воздухе витал едва уловимый сладковатый запах запылённости давно обжитого пространства. Сиденья – старинные, деревянные, покрытые лаком тёмно-вишневого цвета. При расс-

живании зрителей зал наполнялся приятным цокающим постукиванием отвердевшего с годами старого дерева опускаемых сидений. В дождливый день нашей юности он запросто мог приютить нас с избранницей, и мы сидели обнявшись в его притененном уютном зале, а в головах у нас крутился свой фильм, в романтическом расфокусе, манящий и тогда совсем непонятный.

Уже на улице после сеанса задорный эквилибр экранных киногероев вдруг обернулся нахлынувшей тоской и осязанием сжимающегося времени судьбы, не сложившихся путей, надежд, незавершенных дел. Ноги сами подвели к церковной ограде храма Филиппа Апостола. Его сказочный облик, воссозданный идеями Леонида Красноречьева, деловитой смёткой его честолюбивых учеников и коллег-соперников, притягивал всегда, в любую погоду. Часто хотелось просто зайти, даже без прикладных нужд, вроде – записок, свечей за болящих или почивших друзей и близких. Неофиту такая необязательность простительна. Поднялся по ступеням, снег с ботинок обмёл, стоящим в тамбуре веником. Всё знакомо. Время – к закрытию, почти никого. Свечи затушены, мягкий полумрак выявил таинство ликов. Рука ощутила тепло иконы Богородицы, вроде доброго напутственного знака.

У калитки ограды стояла одинокая фигура, будто просто так, полуотвернувшись. Узнал лицо цыганки, её иногда видел и у некоторых универсамов в центре города. Она была всегда довольно прилично одета, лицо приятное, со следами

былой, растроченной с годами красоты. Протянул ей, оставшуюся в кармане сдачу, 50-рублёвку, спросил – как имя. Слегка удивилась, имя Марианна. Так, Мария или Анна? – попробовал пошутить я.

– Меня зовут с детства Аней.

– Аня, а зачем ты тут просишь, где муж?

– Муж погиб, убили, какие-то денежные разборки, двое детей. Надо кормить.

Не верить ей мне сейчас не хотелось, да и не было нужды. После храма, тепла оклада «своей» иконы надлежало сочувствовать, быть великодушным, поддержать хоть словом. На улице уже никого не было, с балкона лукаво задрапированного деревом кирпичного новодела – «дома Передольского» в глаза бил луч внешнего освещения церкви.

– Знаешь, – сказала она – я, ведь, вижу людей насквозь. Вижу, что могла бы тебе помочь, унять душу. Хочешь, погадаю, подскажу судьбу, подправлю, что в силах. Могу по ладони, или на картах. Я, ведь, училась в школе, два года до замужества – в училище, много читала. Отец был бароном, любил меня, желал, чтоб выучилась, получила профессию. Его уже давно нет. А я изучила и расклады карт Таро. Приезжай к нам в Чечулино.

Тут я немного напрягся, представив подобный визит.

– Ты не думай, я денег не возьму, вижу – ты дал мне их сейчас от чистого сердца, и я также от души погадаю тебе. Не опасайся.

– Подумаю, приходи завтра сюда же к часу дня, что-нибудь решим – сказал я.

Переполненный этой трудноразрешимой задачей, следуя наугад, я оказался у рампы окон «Джаз-бара», что напротив Ярославова дворища. Бар работал, но, не считая парочки в дальнем углу, был пуст. Приятный полумрак, из колонок – деликатная музыка. Заказал кофе, для расширения эмоционального горизонта с давних пор помогала рюмка ликёра, вернее, его аромат, когда-то в молодости – изумрудного «Шартрез», теперь «Куантро». Пальцем отметил официантке его позицию в винной карте. Оказалось, «опоздал», такого божественного напитка больше нет и не будет, забыли вычеркнуть – санкционный «привет» Макрона. Однако, огорчиться не успел. Внезапно забрезжила идея, и ей, словно, фигурой в шахматах, мы разменялись потерей драгоценной капли этого заморского алкоголя. Допив остывший кофе, я вышел и поспешил к зданию Главпочтамта на Дворцовой. Здесь на третьем этаже уж как пару лет возник отель «Трувор». Почему в Новгороде «обосновался» Изборский князь, предположительно, брат Рюрика – это вопрос. Впрочем, не принципиальный и его редко кто задаёт. Название всё равно удачное, растущий интерес постояльцев это подтверждает. Всегда, в любые дни недели, в любую погоду здесь светятся окна его номеров, с улицы привлекая и наличием изнутри экзотических деревянных ставен. Вход со двора, по узкой выщербленной лестнице, лифта нет. Каково на тре-

тий этаж с чемоданом, детской коляской? А если пожар? На «элит» явно не тянет, несмотря на декорирование лестничных стен экспозицией картин и стилизованными предметами «под старину». Поднялся к стойке портье, теперь – администратора. Попросил показать номера, чтобы выбрать подходящий для бронирования. Внутри оказалось стильно и уютно. Часть стен коридора расчищены до кирпича в стиле «лофт». В номерах мягкие паласы, много тканей, идеальный цвет стен, мебели. Прекрасный вид из окон. Небольшой кафетерий на несколько столиков. Деликатный авторский дизайн аксессуаров, светильников, стеллаж-перегородка в виде сквозной книжной полки, книги можно взять почитать в номер. Кроме кофе и выпечки тут можно заказать завтрак и даже обед. Я попросил забронировать номер на завтра, свободной «однушки» не оказалось, только – «де люкс».

Мы подошли с Марианной к часу дня. Администраторы успели смениться. Снова предъявил паспорт, назвал номер брони. Она выдала ключ, внимательно оглядев мою спутницу, спросила паспорт и у неё.

– Это мой партнер по бизнесу, встречаемся для переговоров, совместных проектов, ночевать не останется, да, и я тоже. А в чем дело? Может у вас вместо номера найдётся зал для переговоров? Хотите, оставлю открытой дверь?

И, чтобы быть до конца убедительным, попросил пригласить нас к обеду, ближе к вечеру.

Нет, нет, извините, всё нормально. Проходите, номер го-

тов.

Подходящего стола в номере не оказалось, и мы расположились на паласе пола вприсядку, затем по-турецки с обеих сторон ровно застеленной покрывалом кровати.

– Знаешь – сказала она – чтоб увидеть судьбу, её перекаты мне достаточно твоей ладони. Но теперь в моде Таро, хотя всё скрыто в одном месте, оттуда возможно, многое узнать, но что-то и закрыто ото всех навсегда. Я сделаю большой расклад картами колоды Уэйта, для уточнения – карты Ленорман. Обычно вначале смотрят твой ли это расклад, про тебя ли, похож ли на твой образ, внутренние энергии и обстоятельства. Уточняют вопрос или задачу. Мы это пропустим, вижу всё итак. Вопросы у тебя может и не быть вовсе, ведь обычно мы все живём как живём, по-инерции, кто-то лучше, кто-то хуже, но счастьем это назовешь не всегда, правит привычка, поэтому, и судьбы своей не поймёшь. Мало кто ощущает правильность жизни, бывает, где-то саднит, не разберешь почему. Каждый день, такой долгий в детстве, теперь всё короче и приближает нас к финалу. Вдруг не успеешь что-то важное, что должен успеть. Помни – то, что сегодня узнаешь, это не приговор, а совет, рекомендация. Решения принимаем и действуем сами. Бог поможет. Но уроки судьбы пройти обязан каждый, за этим мы тут в этом мире. Мы, ромалы много веков назад покинули ныне индийский Кашмир, теперь там ислам, здесь мы православные христиане. Но в каждом из нас жива вера в будущие возвращения

душ на грешную землю, поэтому и важна личная карма, от неё не укрыться, не перехитрить. Только живя по-призванию Всевышнего можно исполнить свой нынешний житейский долг. Такая судьба и наполняет ощущением счастья. В это твоё сегодняшнее я попробую взглядеться, подскажу как двигаться дальше, как смотреть на окружение, ощущать и взаимодействовать. Поймём, что ещё можно успеть по-судьбе. Тогда всё выстроится вокруг этого стержня.

Пару часов потребовалось разложить по полочкам Нечто – знакомое и не очень, свершившееся и манящее, осязаемое и мечтаемое во снах. Мелькали и переплетались таинственные символические персонажи: маги, отшельники, колесо фортуны, звезда и солнце с луной, королевы пентаклей, император, короли, шуты и Страшный суд с Верховной Жрицей. Итог оказался вовсе не таким уж плачевным. В перспективах и шансах не отказано. Есть основы оптимизма. Так показалось мне.

«Ты должен решить важную задачу, считай, что это твой долг, – произнесла она завершая свой труд – «собрать» объективный образ одного известного тебе, уже ушедшего человека. Осколки или черепки памяти о нём живут ещё в чьих-то слабеющих душах. Многое под спудом, и вскоре будет скрыто навсегда, эти пустоты заполнишь сам, как недостающие пазлы. Он жил и работал здесь рядом, я часто встречала его на улице, разглядела его земную миссию. В конце жизни он уже не был лишен почестей, общения с известными

и властными. Были те, кто помогал ему, порой, не ведая за-
чем. Но многими он был опутан как Гулливер, заснувший
на берегу земли лилипутов. Он жил и неистово творил, по-
рой, словно, стянутый смирительной рубашкой. Это был че-
ловек-тайна, провидец и маг, кто-то скажет – святой, он был
способен проникать сквозь время, сшивать далекое прошлое
с настоящим. В будущее ему заглянуть не удалось, не поз-
волили, боялись его откровений. Чтобы наметать этот мо-
стик, потрудись памятно воссоздать грани его личности, её
сущность, пусть образно. Дополнить пока малоизвестным и
нарочито скрытым, – это вдохнёт жизнь, явит продолжате-
лей духа, а не только имитаторов оставленных им наработок
и традиций. Эстафета подобных титанов не должна преры-
ваться. Знаю, ты справишься. Иначе, время заметёт его жиз-
ненный подвиг, засыплет мелочной корыстью причастных. В
этой работе ты обретёшь и многое желаемое по-судьбе».

– Кто же этот Гулливер, как его звали? И почему я?

– Кроме тебя этого сделать никто не сможет, или не захо-
чет, что, в общем-то, всё равно. А звали – Полистьев Яро-
мир, божьей милостью, ты, ведь, знал его тоже.

– Как и где мне всё это искать, какими тропинками сле-
довать? – без надежды на решимость взяться за этот труд,
спросил я.

– Далеко бродить не придётся, здесь всё рядом: Двори-
ще, старые улицы Торговой, сохранившиеся дома, главное,
успеть услышать его друзей и даже недругов, тех кто остал-

ся, кто будет откровенен. Хотя насколько. Учти при этом, что память их избирательна, наполнена болью, горечью, у кого-то завистью и не прощенными обидами. Их взгляды будут наверняка противоречивы, ведь, у каждого было своё, но всё вместе это высветит некую голограмму. Она станет живой, заговорит, и ты услышишь её повесть.

Неделю всё это как-то укладывалось в моей голове. Я пытался нащупать начальные нити, ведь клубка Ариадны мне никто не вручал. Может, всё услышанное в номере «Труво-ра» это мистификация, почему я, да, и зачем? «Нужно снова встретиться с ней» – подумал я. Но встречи больше не случилось. Она просто исчезла. На расспросы об Анне ни одна из соплеменниц, годами просящих у той ограды, ничего не знала. Отвечали – такой у нас никогда не было и нет. Стало ясно – других разъяснений к моему «Заданию» больше не положено.

2. Тропами поиска

Следующий день прошел в раздумьях. Что известно о моём герое? В общем-то, уже почти всё. Всё что положено знать широкой общественности о знаковой личности в череде прочих статусных лиц и событий культурной жизни этого провинциального города за последние 30 лет. Срок немалый, большинства уже нет, но политес тот же – не выбиваться из сложившейся за годы иерархии авторитетов, не ворошить прошлое и его сюжеты, не «выносить сор из избы». В этом колумбарии памяти каждому отведено местечко исключительно в своём закутке – от «элит» до «эконом» класса. Сдвигать их границы, очерченные этим кадастром, не положено, да и вряд ли кто решиться – враз окажешься белой вороной, вылетишь из привычного круга интеллигентского мотыляния, почти ритуального междусобоя. Его образ застыл канонически удобным, словно давно несменяемый пароль, своего рода, культурный дресс-код интеллектуалов местного ряда.

О Полистьеве, его достижениях написаны десятки статей, много о своём творчестве успел написать и он сам. Специальный выпуск университетского альманаха «Чело», для которого еще при жизни он отрисовал стильный титул, тот и просто – справочное пособие, путеводитель по его разрешённым заслугам. Отсняты многочисленные сюжеты и пе-

редачи для телезрителей. Студия Лентелефильм – творцы кино-«нетленки», сняли в своё время специальный фильм о нём, о его незаурядном, таком экзотичном для советских строителей коммунизма, творчестве. Почти каждое юбилейное собрание, посвящённое этому Творцу, ныне превращается в ритуальные позы, сказания и «плачи», будто по некому сложившемуся с годами протоколу. Понятно, что для хранителей его наследства – Центра, с экспонатами, скульптурами, архивами и прочими «сокровищами» подобный статус-кво спасителен. Это единственно верная стратегия выживания на таком, лакомом для застройщиков, пяточке центра города. Единственный способ избежать разгрома и расхищения.

Что же к этому можно добавить, чего не хватает для понимания образа нашего незаурядного творца? Почестей, славы? Так, ведь увенчан – звание, памятная доска Почётному гражданину. Но это в конце жизни. Стало ли утешением то признание, чем пришлось расплатиться. Как складывалась первая, самая трепетная и драматичная половина его жизненного пути? Какова роль окружения, структур и фигурантов мучительных изломов его сложной судьбы?

Создавая символ, история довольствуется немногими крупными мазками. Частная жизнь для национальной памяти безразлична. Быт брэнного человека, его земные страсти – все это мелочи, их уносит река забвения. В такой избирательности есть свой резон, потому что история запоминает

прежде всего героев, но есть и опасность, ведь, подлинный облик человека невольно искажается.

Его дневники не опубликованы и вряд ли увидят свет вообще. Поэтому, нынче перед собой мы видим его застывшую, отполированную славой восковую фигуру, словно экспонат музея мадам Тюссо. Поняв это, я обернулся и будто встретился с ней взглядом.

Чтобы настроиться на пульсацию души нашего героя, на камертон её струн, вначале я вновь, уже в какой раз обошёл здание Центра. На остеклении входных дверей, изнутри – сильно выгоревшие, полинявшие лоскутные занавески. Плиты дорожек, выложенных по краям валунами, покоробились. Для знатоков и своих это плюс, ведь, аутентично сохраняет тепло его рук. Деревянная пристройка тоже его творение. Идеально притёсанные бревенчатые стены, кровлю венчает охлупень со смотрящей в восточную даль головой коня. Примечательно и выполненное им из дерева крыльцо с небольшим гульбищем. Над входом – дощатое перекрестье пропиленной резьбы с орнаментом славянских солнечных дисков. Каждый, переступая этот порог, получает незримый настрой, словно от мастера Рейки. Но, вот парадокс – вышло так, что наш Мастер, Яромир со временем незаметно становился невольным пленником, даже узником этого, выстраданного его трудом и многолетним подвигом, волшебного пространства.

Один из моих друзей был преданным адептом Полистье-

ва. Он не был музыкантом, не интересовался археологией, да и рок-музыка была ему ближе гусельного строя, обожал группу «Калинов мост». Полистьева он чувствовал душой, боготворил и был всегда готов для того на любой подвиг. Добытые правдой и неправдой видеосюжеты о нашем герое, часто рабочие исходники, он считал долгом, даже без спроса, выложить в интернете, обнародовать, не томить под спудом даже капли драгоценной информации о Полистьеве.

Яромира он видел много раз со стороны, издали, в основном, на Дворище, не мог оторвать взгляда от этого, будто былинного незнакомца. Но в его душу тот запал однажды. Оказалось – до конца дней. Это произошло в начале марта. Навещая друга тут неподалёку, он услышал поодаль диковинное пение похожее на детские считалки, смех молодёжи, одетой в яркие традиционные наряды. Они подбрасывали рукотворных, испечённых из теста, жаворонков, будто из своих распахнувшихся душ выкрикивая:

...жаворонки, жаворонки

а где ваши дети?

Наши дети на повети

глинку колупают,

в масло окунают.

....летите к нам жаворонки

мы вас угостим

колобками, крендельками
и даже вашими птушками
мы их много поискали, на всех хватит.

Здесь, на оттаявшей полянке берега протоки Тарасовец происходило нечто загадочно-сакральное. Яромир, в центре этой удивительного действия Закличек весны, был одновременно и участником и режиссёром. Просьбы к весне, чтоб пришла с радостью, милостью, хлебом, льном и любовью. Просьба к птицам принести ключи, чтобы замкнуть зиму, отомкнуть лето. Что мы знали об этой древней традиции? Кто-то – что-то, но увидеть и услышать так явно, так неожиданно для Петра в его грубо «осовеченном» городе, близ его улицы и дома! Как зачарованный тут он не почувствовал времени. Осознание какого-то преобразования в своей душе ощутил не сразу, это пришло позже, но бесповоротно изменило его мироощущение. С Яромиром с тех пор старался сблизиться, что было не просто. От денег тот отказывался, но однажды принял в дар мешок с сушеными яблоками. Так и повелось – каждую осень такой гостинец готовился, давая повод увидеться, коснуться душами.

Принимая у себя гостей, Яромир всегда предлагал чай с травами. Их он заготавливал летом, сам собирал в «чистом» поле «12 века», что между Тарасовцем и Малым Волховцом. К чаю всегда были пряники. Они покупались на его небольшие доходы. В последние годы в магазины сам он уже не хо-

дил, давал поручения сотрудникам Центра. Порой сердился, если вовремя они не запасали впрок мешок макарон или сахара. Такая привычка сложилась еще с голодных студенческих лет, может, раньше – с послевоенных.

Пётр был своим в этом небольшом провинциальном городе, здесь родился и вырос. Знал всех местных «пацанов», любил жизнь, да и сам был, похоже, её любимчиком. Внешне – копия Микеле Плачидо, «комиссара полиции», от женщин не было отбоя, лет на десять младше меня. Когда и почему мы сдружились уже не вспомнить, но стали близки, он внимал всем советам, делился сокровенным, радовался любой нашей встрече. В 90-х наладил цех по выпуску декоративной керамики, почти одновременно со строительством Центра, и неподалёку он построил себе большой дом с бассейном, сауной и огромным холлом с камином на первом этаже. В последние годы, будто торопясь, желая завершения своего пути достойным аккордом, устраивал там у себя бесплатные квартирники. Приглашал и оплачивал выступления музыкальных групп и вокалистов из разных городов. Однажды, у него возникла невероятная идея. В её осуществимость, зная Яромира, верилось с трудом. Забежав как-то в Центр, обнаружил того одного. Набравшись смелости, предложил съездить вместе в супермаркет «Лента», закупить всё что пожелает. Как подарок за годы приязни, тёплой душевной близости, прояснения души. Произошло невероятное – Яромир согласился.

Стильный ретро-Ровер Петра с кожаным салоном и отделанной ореховым шпоном приборной панелью вмиг домчал их по Великой до этого дворца услады гурманов. В тот час народу было немного, в основном, молодые родители с детьми, кто-то на руках, пожилые степенные пары, просто весёлые парочки, одинокие неспешные джентльмены, деловитые хозяйки и порывистые, уверенные в себе, «ресурсные» фурии средних лет. Каждый взял тележку, наметили план действий и начали свой путь, почти, как грибники, с трепетом вступающие в окоём загадочного леса. Через какое-то время Яромир потерялся из вида. Тут, ведь, не мудроно заплутать. А он, загрузившись сперва привычными макаронами, поднял голову и вдруг, так неожиданно для себя, так близко увидел счастливые лица молодых родителей, услышал обрывки заботливого отцовского рокота, мягкого грудного женского отклика в ответ. Полистьев был неприхотлив в быту, много лет для чаепитий использовал старые гранённые стаканы, обрамлённые берестяным окружьем. Эти подстаканники его изготовления позволяли удерживать горячий стакан, да и просто радовали взгляд. Они были одним из штрихов его «берендеева» царства. А тут он не смог оторвать взгляда от этой молодой семьи, выбирающей простые незатейливые керамические кружки. За этим немудрёным приобретением он ощутил желанное, и не испытанное им тепло семейной близости, как у этих незнакомых ему людей, хранителей огонька лампы их счастья. Нимб этой тихой

неприметной любви явился ему вдруг в таком, не самом романтичном интерьере. И здесь, в этом возбуждённо-суетном публичном месте он вдруг признался себе, что так и не наполнился за свою жизнь этим женским теплом, желанной, но уже не материнской лаской. Милое баловство и капризы увиденных рядом детей пронзили Яромира болью от внезапного осознания не случившегося в своей жизни. В горле собрался болезненный комок, отчаяние сдавило грудь и он неожиданно заплакал. Чтобы никто не увидел его в этом состоянии пришлось вместе с тележкой укрыться за дальними стеллажами, там, где ему не было что-либо нужно, где его не было возможности отыскать. Слёзы текли не переставая, их было не унять. Так он не плакал никогда, даже, больно поранившись, и обняв маму в своём далёком детстве. Обычно он всегда держал удар, мужество считал своим долгом и земной обязанностью. Но тут сдержаться не смог. С лентовскими покупками Пётр доставил его к Центру совершенно опустошённого, впервые в жизни не поблагодарившего за подарки. Не было сил. Яромир чувствовал себя просто раздавленным.

Пётр не был «корпоративным», не терпел «контор», дресс-кода и галстуков, не был способен подчиняться, подлаживаться, лебезить, исподтишка подсиживать и интриговать. Никогда не брал и не давал взяток, не «отстёгивал» браткам, не брал чужого. Был гордым, открытым и смелым. Наступление торговых сетей помалу разрушало его бизнес, он переживал, старался не сдаваться до конца. Настроение

портилось, и это омрачало семейный быт. Очередной развод и алкогольное забытьё.

Однажды обмолвился, что лет пять назад расстался с любимой женщиной, вспоминает её до сих пор. Правда, она с тех пор уже замужем, родила двух сыновей. Как-то решившись, я подъехал к парку где она обычно прогуливалась с детьми и просто доставил их к нему. С того вечера они больше не расставались до его последнего дня. Родилась девочка, и я был счастлив подержать её на руках.

То что он прооперирован узнал не сразу. Затем длительная трёхкратная «химия». Увиделись спустя полгода. Он надеялся выкарабкаться, навещал «свою» полянку за городом, окруженную молодыми дубками, ощущал её «местом силы», надеялся с её помощью воспрянуть. Последний месяц, бывало, его туда отвозил уже и я, поддерживая помогая выйти из машины.

Как-то утром, почувствовав неладное, я позвонил ему, попросил увидеться. Калитка была приоткрыта, дорожки в саду заметены снегом, его огромный особняк под ветвями старых раскидистых дубов будто сжался, наполнился безнадежностью и предстоящей скорбью.

Он появился в прихожей бледный и уже совсем чужой. Мы обнялись, от боли он сложился, присел на корточки, присел и я. И мы стояли с ним так на коленях обнявшись, в небольшой лужице от подтаивающего снега с моих ботинок. По щекам текли и сливались наши слёзы: у него от беспо-

мощности и боли, у меня о горя предстоящей потери друга.

Через несколько дней его не стало. На отпевание прибыли все жены, взрослые дети, из Голландии прилетела старшая дочь. Я еле сдерживал себя из-за фатальности «проделок» этого неумолимого и жестокого Рока, забирающего лучших друзей, родных и близких.

Помню, в последние месяцы, он часто вспоминал Яромира, благодарил судьбу за это близкое соседство и знакомство, считал это не случайным. Надеялся на встречу с ним в дальних мирах. Кто-бы мог тогда подумать, что их встреча там состоится так скоро?

Напротив особняка Петра прочно обосновался русский терем. Бревенчатые стены, опоясывающие балконы второго этажа с простирающимися гульбищами, как и положено на открытом ветру, не скрывают следы времени. Здесь жили замечательные иконописцы, но у Бога для каждого свой земной срок, и «добавки» тут не попросишь. Видимо, даже и столь короткий век бывает исполнен необходимыми земными уроками. Как объяснить иначе?

Похожий терем, его старший брат, – на соседней улице. Да, их обитатели – близкие люди. В этом живёт Влад Решетников – патриарх семейства с роднёй. Красивей дома-терема в городе нет. Состоятельный торговый и чиновный люд так не строит, мыслит в другой октаве. Этот терем встал однажды, выстраданный художественным талантом, упорством и оплаченным бесчеловечными страданиями предшествую-

щих лет. Подняться ему позволила только любовь и преданность, в которые нынче мало кто поверит. Этот сказочный дом – благодарное подношение любимой женщине, матери их детей за её любовь, ангельское терпение и подвиг преданности в их непростой судьбе, переполненной ранее нечеловеческими обстоятельствами.

Решетников с Полистьевым были из одного города, с 12 лет оказались в кружке ИЗО Дома пионеров, в 14 поступили в местное художественное училище, потом разминулись, чтобы вновь встретиться в Ленинграде, а затем обосноваться в Новгороде. Эти годы сложили характер Яромира, стержень его личности. Повторно пройденный последний училищный курс, но уже в Ленинграде, срочная служба на флоте. Четыре года службы, сколько красоты он мог сотворить за это время! К счастью, его руки оказались востребованы и там, не забыли своего ремесла – сутками вычерчивал оперативно-тактические карты боевых манёвров. Вернувшись – работа в молодежной городской газете на Тракторном заводе. Жилья не было, жили уже без отца, мама обиталась в стреноженном автомобильном фургоне. Получив небольшой пригородный участок, своими руками отстроил небольшой домишко. Из чего было. Сам сложил кирпичную печь, таскал и и тесал брёвна. Как ребёнок удивился гудению пчел в незамеченном им дупле одного из таких брёвен. Он никогда этому не учился, но руки, казалось, будто всё помнили. Неподалёку подходил любоваться полуразрушенным заброшенным храмом,

его просвечивающими куполами, сводами, кирпичной кладки. Однажды узнал о планах его сноса. Встал на защиту, бился до конца, до изнеможения. Не помогло. Понял, что выдержать такое не по силам, что не смиритя никогда. Оставалось покинуть родной город, и так он оказался в Ленинграде. Без денег, без жилья, но захватил две тяжелые деревянные плахи от разрушенного купола церкви, из них он впоследствии вырежет изумительные скульптуры. Таких фантастических образов мало кто мыслил, «авангард» отдыхает.

Решетниковы занимали небольшую комнатку в общежитии Академии художеств, уже двое детей, ждали третьего. Чем-то помочь не могли. Поэтому, Полистьев устроился в охрану складов – сутки через трое, зато койка в общежитии и скромная зарплата. Основная работа это реставрация: ветхих рукописных книг, музейных экспонатов. Трудились с Решетниковым и над общими заказами. Однажды получили приглашение из Новгорода. С тех пор весь остаток их удивительных жизней сложился именно там.

Тут же неподалёку, на Торговой стороне с рождения проживал ещё один из добрых знакомых. Помогал строить родительский дом своему деду с отцом. Появление в городе Полистьева заметил сразу, подростком, ведь, мальчишками часто играли на Дворище и не раз наблюдали харизматичного стройного Леля в русской косоворотке, с выправкой отставного военного моряка. Замирали с едва сдерживаемым смехом, когда тот артистично-деликатно выносил под кусты

сирени отхожее ведро. Ведра же с водой в своё экзотическое жилище в старинной гриднице надвратной башни на Дворище тому приходилось таскать издалека. Паренькам даже тех неухоженных лет было трудно представить проживание взрослых в подобных условиях. Шутки товарищей по этому поводу Павел не разделял, что-то внутри подсказывало о незаурядности, необычной стойкости и возвышенности этого, то ли монаха, то ли былинного сказочного героя-воина.

Павел родился необычным, наблюдательным, с живой подвижной психикой. Взрослым он был уже способен управлять явлениями, видеть скрытое, чувствовать неявное, предвидеть невероятное. Запросто мог запросить и получить в ясный день, пусть и небольшой, дождь, прекратить нескончаемый ливень или грозу. После Политехнического работал в автотранспортных парках, с 90-х – главным механиком на приватизированной, ещё с советским «душком», автобазе. Однажды, при пробое силового кабеля в подземном коробе заводского двора он на бумажном листе со схемой его пролегания ладонью определил место аварии. Объяснял это каким-то своим образом, полагая, что всё связано в природе некими информационными морфогенными полями. Что это за поля объяснить уже не мог. Он был местным, вырос в этом городе, но мама родилась в Петергофе, её отец был русским немцем, может это нас сблизило, потом и сдружило.

К Полистьеву Павел относился с уважением, всегда держал почтительную дистанцию. При встречах на улице не

скрывал радости. Особо тёплыми и запоминающимися для него стали первые «выездные» колядования сотрудников Центра Яромира накануне Рождества. Дети Павла, тогда и соседские, были в восторге. Увидеть и услышать наяву подобную ожившую сказку казалось невероятным. Уже за неделю до очередного Рождества даже подростками они загодя собирали гостинцы колядовщикам. Как-то для этих дарений красиво расшили и специальный холщёвый мешочек.

Однажды после сильной грозы со шквалистым ветром обломилась тяжёлая ветка старого дуба, стоящего у него в саду. Падая, повредила крышу крыльца. Я посоветовал спилить хотя бы часть этого дуба, растущего «у него» на участке. Он будто обидевшись отвернулся, потом задумчиво произнёс: «это не он у меня, а я у него в гостях, присоседился, ты ведь знаешь, сколько ему лет?» Под этим дубом он построил небольшой флигель с печью, оборудовал там «клуб» для рок-сессий, обзавелся приличными инструментами и аппаратурой. Собирал своих друзей, таких же музыкантов-любителей, играли джаз, рок и даже классику. Сам прекрасно владел соло гитарой. Даже зимой в этом натопленном небольшом помещении кипела радость. Музыканты – взрослые серьезные мужчины: кто врач, кто преподаватель или адвокат, здесь становились задорными и даже немного бесшабашными мальчишками и, казалось, не расстанутся никогда. Спустя несколько лет мы незаметно, будто исподволь осиротели. Почти все ушли из жизни. Приглашать им на замену он ни-

кого не решился. Наверное, в память о них. Посчитал, что это не «они были у него, а он у них», в их добром кругу, пусть и в его рукотворном «клубе».

Было у Павла ещё одно увлечение – живопись, в основном, любил акварель. В любую погоду, мороз и дождь его можно было видеть с расстрепанным этюдником где нибудь на любимой Торговой. Авторитетом в этом искусстве для него был и один из друзей Яромира – художник-акварелист Иван Полноватов. Недавний фронтовик, чудаковатый разговорщик, в прохудившихся сандалиях и дурацкой тубетейке. На своих акварелях он сохранил образы большинства новгородских храмов, их послевоенный облик, состояние их того грустного таинства. Стиль письма – необычен и неповторим, узнаваем даже по небольшим фрагментам. Мрачное звучание тайной затемнённости, почти пастозной ауры, вдруг открывается зрителю фантастической надеждой, верой в справедливость вечности. Это работы нашего Врубеля, пусть в акварели. Их роднит мощь творений. Свои работы Иван часто просто дарил, Яромиру – целую коллекцию.

Иван казался блаженным, видимо, в первую очередь себе самому. Болтал, что думал, не стеснялся. А что было бояться после пройденного военного ада? И вот этого ветерана-чудака пригласили однажды на беседу, затем – допрос. Показался чем-то опасен. Памятная доска на доме, где он – Почетный гражданин города, прожил последние годы об этом «скромно» умалчивает. Так же и с Красноречьевым. Их дома

– пост-хрущевские полубомжатники. Рядом дома-особняки других Почетных. Задумаешься, если они были одинаково почётны и дороги городу, почему так по-разному оценены материально при жизни? Может эти творцы заняли место с списке почетных случайно, как цветные лоскутки на камуфляже тщеславных баронов. Ведь, не для бесплатных же похорон – для вечности, отливалась в этом списке почетных советская и постперестроечная знать.

Как-то раз я попросил Павла помочь определить на своей даче место для колодца, найти водяную жилу. После работы отвез его туда на своём «сливочном» Саабе. Это процедура не заняла много времени, воспользовался лозой. Сидя на сложенных сосновых брёвнах в лучах вечернего солнца потом мы пили чай из термоса, разговорились, вспомнили ушедших друзей. Я решился спросить его о судьбах и моих близких, что растерялись где-то вдаль. Спросил и даре Полистьева, как он видит его душу и линию судьбы. Достали из бардачка машины карты Новгорода и Питера, разложили на ровном спиле древесины. Он провел ладонью. О ком-то ответил сразу. Кого-то не опознал.

«Я ничего не вижу, но может некоторых уже нет, а кто-то за рубежом, давай завтра попробую на свежую голову снова», сказал он.

Чтобы ответить о Полистьеве Павел молча задумался, тяжело вздохнул. Яромира он именовал всегда почтительно, по имени и отчеству.

«Так кратко сказать о нём, значит не сказать ничего, – с некой досадой, чуть в сторону, вымолвил он – знаю, что он был способен перемещаться во времени, мог проникать в прошлые эпохи, недолго гостить и в будущем. Судьба драматичная, хоть и случилась по его по силам. Душа чистая, почти неземная, он жил для нас в попытках сшить разорванные времена, наполнить обыденность очищенным смыслом. А твоих потерянных друзей я ещё поищу завтра».

Он позвонил на следующее утро: «я наверное искал тех, которых ты помнишь, возможно они нынче совсем другие, таких ты их уже не знаешь, они чужие теперь тебе, а ты им. Я все равно попробую снова, но не сегодня».

Через день сообщили, что он в реанимации, разбита голова после дорожной аварии – в их служебный «газик» врезался военный фургон, за рулём был пьяный контрактник.

Два года восстановления. Выручала живопись, он за пару часов сотворял изумительные акварели большого формата. Даже зимой, в карманы для обогрева рук вкладывал каталитические грелки. Влага красок при морозе замерзала на бумаге диковинными узорами, придавая этим работам особую неповторимость. Целительны были и «морские» прогулки на его катере к озерным островам. Туда же он брал с собой и этюдник с красками. Я надеялся на него, ждал выздоровления. Но не дождался...

Слова же о Полистьеве, о его даре телепортации запомнились, но принять их реальность и понять смысл требовало

времени. Какого? – не знал никто.

Одним из ближайших друзей-единомышленников Полистьева на этом многовековом новгородском пространстве был Михаил Лобашов. Питерский по рождению, образованию, «закваске» он мог стать харизматичным политиком, блестящим маститым ученым, да он и был таким, вспомним только его фундаментальный научный труд – «Русская свадьба». Препятствовала абсолютная независимость, исключая жизнь не по-правде. За это его люто ненавидела власть, вначале партийно-советская, позже – «перестроечная». Также он относился и к ним, мысленно старательно выстругивая для этих недругов свой авторский осиновый кол. Таких бесстрашных людей – по-пальцам, и долго они не живут. Лобашов «прорвался», прожил немало, ярко и независимо. Стал классиком исторического романа, приблизил к нам князей средневековой Руси, «поработал» для нас машиной времени. Написал 60 книг, большинство – исторические романы. Лобашов – это наш русский Морис Дрюон, уже лишь только одним циклом – «Государи Московские». Его облик производил впечатление на горожан. Не раз слышал о нем от знакомых: «наш Князь!».

Лобашов не был "сухарём", кабинетным книжным «червём», был живым, тёплым и ярким. Одним из признаков правильности мужской траектории жизни является любовь окружающих женщин, их не проведёшь. И многие тянулись к нему, хотели от него детей. Не отказывал, ведь, иначе можно

и обидеть. Только тринадцать официальных отпрысков – вот это по-княжески, ведь все были счастливы. Он любил жизнь, поэтому писал и стихи, когда чувства выплёскивались через край. В 90-е многие путали два города, оба Новгорода, Нижний и Великий, и только привязка, что в этом живет Лобашов проясняла ситуацию. Именно он был брендом этого города, мог стать и любого столичного. Казалось, какие-то черты сближали его с образом Князя Андрея Боголюбского. Может, и не случайно, он как князь также погиб от рук заговорщиков.

Ещё в советское, перестроечное и постперестроечное время только они двое в городе позволяли себе повсеместно быть в традиционной русской одежде. Стойко и мужественно несли эту вахту. Кто-то, не подумав, сказал бы – вызывающе. Ожидая автобус на остановке, не раз слышали шепот удивлённых подростков – «поп». Эта одежда была для них доспехом, твердыней границы самости. Каждый принял как клятву сбережение этого сакрального для них рубежа-символа. Лобашов поселился в Новгороде уже известным историческим писателем. Не однажды становился самым тиражным в стране. Для понимания своих средневековых персонажей он, современным языком, поставил натурный эксперимент. Насчитал 14 профессий, которыми владел тогда каждый крестьянин: шорник, печник, плотник, кузнец, столяр и т.д. Упорно овладел ими, сам клал печи и камины, шил себе рубахи, сапоги, кафтаны. Своими руками изготавливал ме-

бель для дома, строил дом на берегу Ильменя, держал корову и кур. Все деревянные изделия украшал затейливой резьбой. Вырытый им на участке бассейн украсил изготовленной лично скульптурой Нептуна. Удивлялся упорству анонимных вандалов, раз за разом сбивающих камнями этого Олимпийца. С таким же упорством его восстанавливал. Во время работы рук он складывал в уме главы романов, обдумывал поступки героев своих будущих книг. Был резкий, прямолинейный, взрывной, писал крупным детским почерком, сразу чистовик, практически без исправлений. Типичный экстраверт. Единственное, с чем он так и не справился – безаварийная езда на личном автомобиле. Это было загадкой, ведь руки – сильны и послушны, очков не носил вовсе, характер решительный и твёрдый. С интровертом Полистьевым они были психотипическими антиподами, но мировоззренчески, энциклопедическими знаниями и любовью к родной земле и её людям были словно сиамские близнецы. Один из немногих он имел право по-свойски зайти к другу для разговора. Содержание этих бесед унесло время, поэтому сегодня, мысленно, мы можем лишь что-то предполагать. Оба они из глубины веков извлекали для нас далёкое прошлое, а может, и наоборот, были проводниками нас в ту, неосязаемую современниками древность. Один текстуально воссоздал, наполнил живыми голосами русское средневековье, устройство того общества, иерархии власти, механизмы управления, идеологию и ментальность граждан. Другой позволил зазвучать

средневековым музыкальным инструментам этих краёв, на основе археологических находок, воссоздав их в том же виде. Не хватало только визуальных образов. Но и они подоспели тихим подвигом труда художника Николая Пунина. Тоже друга Яромира. Откуда в его голове возникли лица средневекового люда, обустройство их улиц, домов, инструментов, панорам видов города 12-14 веков? Симфония трудов этого трио завораживает. Ансамбль образов, голосов и звуков не имеет аналогов, он будто выверен взмахами некой дирижёрской палочки. За той партитурой кому-то, похоже, пришлось побывать в прошлых эпохах, вернувшись оттуда не с пустым рюкзаком. Тут я вспомнил видение Павла, о межвременных путешествиях Яромира. Да, и кто смог бы это кроме него?

3. Муки и радости на берегу вечности

Какой-то магической силой притягивает берег «седого» Волхова в створе кремля и Софии. Неудержим мощный поток тяжелой воды. Мысленно играешь его именем: тут и всезнающие прорицатели – древние Волхвы и нежная, преданная царевна Волхова.

Я был счастлив, пусть, и не долгим знакомством в этом городе с фантастическим мыслителем и поэтом Евгением Курдаковым. Сколько лет его уже нет. Здесь, на набережной, впервые услышал его глубокий бархатный голос. Поэт читал вслух – «Мой берег вечный...»:

«Мой берег вечный, река без края, волна и ветер!
Как мало надо, чтоб быть счастливым на белом свете!
На белом свете, под этим небом, на этих пашнях
Простим заблудших, претерпим властных, поднимем падших!

Нагих оденем, обуем босых, напоим жаждых,
Накормим алчных, проводим мертвых и тихо скажем:
Мой берег вечный, река без края, волна и ветер,
Что еще надо, чтоб быть счастливым на белом свете!»

Последние годы он жил в доме на набережной, неподалёку от Центра Полистьева. Знал Яромира лично, интересовался и его творчеством. У них было много общего. Главное – оба были равны мощью интеллекта и невероятными «глубинными» знаниями. Осознавая это, держали дистанцию почтения, почти, как Микеланджело с Леонардо. Курдаков тоже «резал» дерево, творил скульптуры и барельефы, был виртуозом «маховой» резьбы. Мышлением обладал художественно-ассоциативным, обожал выискивать неожиданные, диковинные образы в сплетениях ветвей и корней. Создал единственный в таком роде – общественный «сад корней» под открытым небом. Обладал абсолютным музыкальным слухом, и хоть на инструментах не играл, применил этот дар в стихосложении. Каждое слово, фразу он мысленно проверял на гармонию созвучия. Поэтому, любое из его стихотворений словно подвергалось им алмазной огранке, и достойно поэтической палаты мер и весов. Он тоже работал со Временем. Заглядывал ещё глубже, даже в периоды Земных оледенений. Искал разгадки возникновения человеческой речи, истоков письменности. Искал и исследовал наскальные знаки, первые слова. Здесь, на нашей земле выискивал ледниковые валуны-щяглецы с высеченными таинственными знаками. Разработал методику их дешифровки и составил понятийный словарь, сопоставив этрусским письменам. Вот тут его музыкальное чутьё пригодилось сполна ещё раз, ведь, для озвучивания, огласовки этой высеченной

на камне графики использовал мелодику пения птиц. Утверждал, что столь сложный звукоряд первые люди «подслушали», восприняли и воспроизвели в речи как синтез пения птиц.

Бывало, мы бродили с ним по Ярославову дворищу и по запущенному парку путевого дворца Екатерины, наполненному щемящим душу, колючим гортанным вороньим граем. Эту грусть разбавляли лишь звуки рояля, доносимые ветром из окон музыкальной школы. Шопен и Рахманинов так трепетно, деликатно напоминали о существующем где-то счастье, о бессмертии души. Наверное, в одной из подобных прогулок родились и такие строки:

«Я, к старости стихнув, фотографом стану
И в парке, раскинув треногу и зонт,
Душой осветлённой жалеть не устану
Закаты, летящие за горизонт.-
Любить не устану ту зыбкую вечность
Теней, мимолётностей, полутонов,
Что раньше не видел, надеясь на вечность,
Что, в общем, и видеть-то был не готов.-
Что, доски пластая, что, вирши верстая,
Сквозь юность спеша, разглядеть не успел,
Быть может, к концу рассмотрю, постигая
Любви этой вечно прощальный удел.-
Чтоб с этой убогой и ветхой обскурой,

Бесстрастно смотрящей сквозь жизнь и сквозь вас,
Стать в парке том старом такой же фигурой,
Как эти обычные ясень и вяз.-
А к вечеру по отдалённой аллее,
На плечи закинув треногу и зонт,
Неспешно уйти, ни о чём не жалея,
Навстречу закату за свой горизонт.»

Что-то в этих, ювелирно тонко выверенных строках, несмотря на их пронзительную силу, меня уже тогда немного смущало, чуть «царапало». Понял – неоправданный пафос «финального оптимизма». Курдаков и сам это знал, как никто другой. В попытке на что-то опереться он поэтическими пассажами «уговаривал» себя и, конечно же нас, читателей, поверить в достаточность для счастья лишь этих обстоятельств. Может, чтобы успеть оправдаться перед вечностью, торопясь хоть за что-то отблагодарить завершающуюся судьбу. Мне казалось, что подобные горькие сомнения переполняли и последние годы Яромира. Его горение, сжигание себя без остатка в непосильной круглосуточной работе последних лет было по-сути последней земной агонией таланта этого творца.

Неужели, думалось, можно просто «неспешно уйти, ни о чём не жалея за свой последний горизонт...». Я догадывался – поэту, конечно, и Полистьеву было о чём сожалеть, да, как и некоторым из нас. А чтоб быть счастливым на белом све-

те, берегом и волной с ветром, хоть и вкупе со своими гениальными «погремушками» явно не «отбиться». Этот драгоценный эликсир замешивается на делах поважней. Курдаков беспрестанно думал об этом, пытался пробиться к истокам судьбы:

«Где-то вдали или в юности где-то,
Там, где живая томится душа,
Иволга тихо окликнула лето,
Май востепенулся, дождями шурша.
Где это, что это, как не забылось?
Как удалось, затаившись, сберечь
Этих дождей морозящую сырость,
Этой реки хлопотливую речь?
Как удалось не утратить надежду,
Вновь и навеки вернуться душой
К дальней тропе, пробредающей между
Явью и нами в пыли золотой?
К миру, где дождь шелестит, пролетая,
Вереск цветёт и в тумане речном
В дальней дали, не смолкая, взывая,
Иволга тихо свистит о былом.»

Ответы на эти вопросы наверняка искал и Яромир. Траектория его судьбы во многом перекликалась с курдаковской. Много лет назад Яромир сложил книжку своих сказок,

оформил личными рисунками, художественными титлами. Эта рукопись – Жар-птица в одном экземпляре ждала издания, просилась в полёт. В те годы такое было почти не реально. Издать у себя с достойной полиграфией предложили скандинавы, заезжие экскурсанты Центра. Потом исчезли вместе с книгой, по-сути – украли. Подобное случилось и у Курдакова. В последний год жизни для присвоения звания академика Петровской академии он выслал единственный том своих исследований, и тот также, таинственным образом исчез, даже из кабинета Президента академии.

Так вышло, что главным в их жизнях стало выживание, отстаивание и сбережение своего дара, призвания в обстоятельствах стоического преодоление нищеты и лишений, упорный, порой, подвижнический труд, и запоздалое признание. Личные жизни сложились по-разному, но по итогу – драматичный финал, горькое осознание упущенного и не случившегося.

Ярославово дворище во времена Ярослава Мудрого именовали Ярославлем. Именно здесь, а не за кремлёвской стеной находилась резиденция этого Князя. Можно сказать – дворец, ведь величественней тогда не было во всей Европе. Ему не мешало соседство с местным Торгом. Здесь собиралось и Вече – городской, тогда вернее, республиканский парламент. Сто «золотых поясов». Решали как лучше использовать заработанное на благо своего города и горожан. Демократия! На надвратной башне висел Вечевой колокол, соби-

равших этих влиятельных господ для решения важнейших вопросов. Торг был пульсирующим сердцем этой самоуправляющейся республики, он кормил городской люд, на доходы от торговли позволял содержать войско, княжий двор, главное – накапливать богатства, а их излишки щедро инвестировать в строительство храмов, укрепление и благосостояние города. Успешный купец был столь же влиятелен, как и боярин. Известно, что знаменитый былинный купец и гуслияр Садко, «заморский гость» для сопровождения караванов и судов со своими товарами содержал специальную дружину, нынче – ЧВК (частную военную компанию). Как с таким было не считаться?

Храмы, возведённые на этой небольшой площади, вначале строились бревенчатыми, потом из камня и кирпича. Все они были задействованы в торговых делах не только молитвой, но и проком. Так, их подклети, первые ярусы, в основном служили как склады. В храме «Иоанна на опоках» работала, в современных терминах – палата мер и весов. Там же купцы отмечали завершение успешных торговых сделок, вершили суд.

Сколько раз мы прогуливались тут с Курдаковым, старались ближе к ночи, когда замирает людской гомон и только отдельные горожане, чаще студенты музыкального колледжа, возвращались из Кремля домой, на Торговую сторону. Курдаков знал тут каждый памятник, каждую дорожку, тропу. Мог бродить с закрытыми глазами. Главное, будто,

расшифровал это спрессованное веками безмолвие, ощущал вибрации, может, голоса случившихся эпох. Зимой до боли в ладонях терпел прикосновение к заледеневшей кладке храмовых стен. Это место казалось ему таинственным лабиринтом ушедшего времени, туго свернутой спиралью, хранившей драмы и тайны, таившей почти космическую мощь. Храмы на Славне он видел космическими кораблями, готовыми к старту, дат которых мы пока не знаем. Особо близок ему был Спас на Ильине. Очищенный от «балласта» поздних приделов, он первым был готов взмыть в вечность. Видимо, никак не складывался его экипаж. Вспомнил Красноречьева, как тот бился за расчистку наших храмов от прилипших к ним за долгие, ещё дореволюционные годы, хозяйственных приделов, неуместных в таком соседстве архитектурных стилей, уродливых куполов, двускатных, будто для сельских клубов, кровель. Особо был удручен состоянием церкви Никиты Мученика. Курдаков жил тогда рядом, в хмуром, сыром полуподвале. Следуя утром на работу, всегда подходил к его абсиде, касался ладонью и, склонив голову, шептал: «держись, Никита». Ему казалось, что Никита слышит его. Однажды в благодарность написал стихотворение:

"На Мстинской улице моей летят метели,
И сквозь метельное безвременье глядят
Две церкви древние, две ветхие скудели,-
Никита Мученик и Федор Стратилат.

Безумен снег, смятенна ночь, но и в смятенье
Святая стража эта страждет до конца,-
Никита Мученик в мучительном терпенье,
Воитель Федор – с твердой стойкостью бойца.

Не бойся ночи, не сдавайся, обессилев,-
В пустом безвременье не спят, еще хранят
На Мстинской улице моей-мою Россию
Никита Мученик и Федор Стратилат."

Красноречьева он считал почти святым, вернее – осенённым их помощью. Бывал у того в последние годы. Зрелище грустное, будто Меньшиков в Берёзове. Похоже на ссылку, почётom не пахло. В своих творческих полётах тот был открытым, искренним, щедро фонтанировал идеями, моментально воплощал их на бумаге, ни от кого не скрывал. Бери и используй. Вот и попользовались. В своих публикациях даже не постеснялись упомянуть эпизод, когда Красноречьеву отказали в работе над проектом реконструкции церкви Филиппа Апостола и восстановления Никольской, что рядом. Предлог – член партии, а церковь-то действующая. Не надо иметь проницательность герцога Ришелье, чтобы понять подлую подоплёку этого парадокса. Ведь, именно членам партии, как надёжным, «проверенным» кадрам и поручали такие заказы. Именно для этого, для возможности сво-

бодно работать, склоняли и принимали в КПСС наиболее талантливых. А сколько до этого Красноречьевым было выполнено аналогичных проектов! Шито белыми нитками, явно кто-то корыстно похлопотал, в итоге – казуистика на грани с издёвкой. Заинтересанты известны. С некоторых пор, похоже, Мастер оказался, в неявной опале, унижен и раздавлен. А реагировал на это как мог, подобно Левше, да, и как многие наши мужики в подобной ситуации.

За этими грустными воспоминаниями Курдакова мы подошли к надвратной башне.

– Знаешь, – сказал он – ведь, именно здесь, на третьем этаже, под колокольной Вечевого колокола жил Полистьев. Десять лет в помещении без воды, канализации и отопления. Вернее, печь он сложил там сам, но не высокая из-за технических ограничений труба дымохода часто при некоторых ветрах задувалась извне, блокируя тягу. Слышал от его друзей той поры, как однажды совпали: его болезнь с температурой под 40, мороз на улице и этот коварный ветер. Попытки обогреть помещение привели к задымлению, невозможности дышать и даже открыть глаза. Пришлось распахнуть окна, температура в комнате опустилась с 10 до 4-х градусов. Через 10 лет такого «счастья», получив скромное жильё в старом фонде тут на Торговой, он спустился последний раз с этого, своего «орлиного гнезда» на костылях. Отказали спина и суставы. Почти год отлёживался пока молодой организм не воспрял.

Он, его труд, уникальные навыки, чутьё реставратора были нужны городу и музею. Только поэтому его до поры подкармливали скромными договорными гонорарами, держали на поводке. В штат не брали, зарплаты не платили. Все же его работодатели той поры жили в благоустроенных тёплых квартирах, носили звания, награды, писали статьи, диссертации и книги, уверенно строили свои карьеры, кто-то имел служебный автомобиль с водителем – «персональный поджопник», как метко определила Инна Собакина, автор знаменитых прежде «Новгородских баек». Что имел тогда он? Только то, что позволяло физически выжить. К примеру – сезонная должность «зимнего» сторожа базы летней экспедиции археологов. Это называется – с «барского плеча».

Может, теми его десятилетними страданиями, так дорого оплачена возможность напитаться чудом, кто-то скажет – Инициацией. Здесь, в этой вертикали Вечевого колокола древнего Новгорода он, не думая об этом, обрёл способность телепортации, кружения по времени. Возможности проникать в глубь веков, возвращаться, соединять разорванные временем связи, смыслы, идеалы. Тут на Дворище он обнаружил некий временнОй портал, воронку, вход в лабиринт вечности. Что-то вроде провала Тенар в болгарских Родопах, куда некогда устремился Орфей для поиска своей Эвридики.

– Подробней тебе смог бы поведать Святой блаженный. Фёдор, что упокоен тут у Георгиевской церкви в 13 веке – сказал Курдаков – этот мальчик был с ним близок, помогал

Яромиру в тех странствиях, да, и выручал не раз.

Загадку Дворища одним из первых почувствовал Николай Рерих. Бывал тут не раз. Изучал археологию края. объехал всю область, тогда – губернию. Завершил тот вояж на Валдае, в удивительном месте бьющего ключа-реки из карстового разлома. Написал очерк- пророчество «Неиспитая чаша». Чета Рерихов были рождены Посвященными, чудесным образом нашли друг друга и прожили долгую наполненную откровениями жизнь. Их мысли и идеи доступны ныне каждому. Кого-то настораживают, кому-то пока не прояснены. Ждут, как неиспитая чаша, притягивая раскрытыми, осветленными душами. За этим пока и заминка.

Слова Курдакова о св.Фёдоре не выходили у меня из головы.

Думалось, что история каждого города наполнена преданиями и легендами. Чем древней город, чем отдаленней временной горизонт событий, тем удивительней персонажи и их дела. Сегодня в них остаётся только верить. Хотя, кто-то способен чувствовать сердцем, прикасаться душой. Одна из легенд средневекового Новгорода, о которой расскажет каждый экскурсовод, зафиксирована в житиях русских святых, ведь их участники канонизированы навек. Это Блаж. Николай Кочанов, Хр. ради юродивый и Блаж. Фёдор Новгородский, Хр. ради юродивый. Пересказывать их жития нет смысла, каждый сможет прочесть. Так получилось, что листая том «Русские святые», собранные монахиней Таисией,

тот, что посоветовал Курдаков, к своему удивлению я обнаружил подтверждение – действительно, Блаж. Фёдор «погребён у церкви св. Георгия на Торгу (Ярославом дворище). На могиле была воздвигнута часовня. Новгородские купцы всегда считали его своим покровителем». Следов часовни сегодня нет, разве, контуры фундаментов, место это никак не отмечено, да и покровителем той блестящей средневековой купеческой торговли ныне почему-то предлагают св. Параскеву, жившую в турецкой Анатолии.

Со временем, проходя мимо этого места, я ощутил в душе симпатию и какую-то близость с этим святым, представил его еще отроком, мальчиком Федей, потом юношей с чистой распахнутой душой. Он был из богатой семьи, получил хорошее образование, жил тут на Торговой стороне, где-то рядом. Что определило его выбор стать нищим юродивым, раздав после смерти родителей все добро и капиталы? Убежденность, отчаяние неразделенной юношеской любви или что-то другое? Уже не узнать. Жития фиксируют его частые моления в церкви Фёдора Стратилата, тут неподалёку.

Одно из городских поверий советует просить Фёдора Стратилата о помощи в поиске потерянного. Все просто: надо подойти к его абсиде и тихонько попросить. Сработает или нет каждый поймет сам. Бывало помогал. А что считать потерей, тоже решаете сами. Кто-то ищет ключи, колечко или часы. А кто-то, как у Вергинского:

«Самой нежной любви наступает конец,
Бесконечной тоски обрывается пряжа...
Что мне делать с тобой, с собой, наконец,
Как тебя позабыть, дорогая пропажа ? !

Но ответит тебе чей-то голос чужой:
"Он уехал давно, нет и адреса даже..."
И тогда ты заплачешь: "Единственный мой !
Как тебя позабыть, дорогая пропажа ? ! "

Как-то раз Курдаков в одной из поездок по области вспомнил, что в военном Аракчеевском поселении села Медведь, А.К. Толстым было написано стихотворение знакомое всем советским школярам с «Родной речи»:

«Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?...

Возникла идея отметить это, увековечив на памятной доске. Доску сделали, но укрепить на фасаде офицерских ка-

зарм тогда не позволили без согласований. Прибили к сосне на ближайшей опушке. «Послали» в Космос.

Вспомнив это, я решился тут на газоне, рядом с контуром часовни, самовольно в темное время тоже установить памятную доску «своему» Фёдору. Простую, укрепив на двух стальных трубах, вбитых в землю. Кто-то счел бы это хулиганством, но, подумал я – святой заступится, как иначе. Тот и заступился, решив как положено «по-божески». Вот уж где промысел! Ровно через неделю именно на этом месте город установил памятный знак добровольцам народного ополчения. Ведь и «мой» Федя тоже был в каком-то смысле добровольцем, избрав свой нелегкий путь, тот, что обозначал божественные контуры человечности своим современникам, может, сегодня и некоторым нам.

В завершении Жития сообщают:

«В первый февральский день 1392 года блаженный Федор был особенно радостен и светел. «Чему веселишься, Федя?»,— спрашивали горожане, и он отвечал со счастливой улыбкой: «Прощайте меня, далеко ухожу от вас!». К вечеру святой отошел в вечность. Начался отсчёт его нового служения людям— предстательства пред Богом, небесного покровительства».

Считается, что души людей живы пока о них помнят живые. Проходя мимо этого места, я, кажется, каждый раз соприкасаюсь со своим Федором, ощущаю теплые волны. Похоже, один. Но и этого достаточно. Мысленно обращаюсь:

«Блаженный Феодор, спасибо за заступничество, моли Бога о нас!»

Однажды святой приснился. О Полистьеве, его странствиях в веках обещал поведать, но прежде просил не забыть добровольцев, тех безымянных, что почти все полегли защищая в 41-м город. Кто помнит о них ныне? – ушли и не вернулись. Они тоже святые. Каждый. И память о них станет достойной поминальной свечой. Полисьев был рожден в 43-м, почти в окопе того Сталинграда, он помнил об этом всегда, трепетно ступая и по этой земле, пропитанной гарью и их кровью.

4. Рождение Яромира

Каждое лето для деревенской молодежи было радостным и помнилось долгие годы как время в заповедном окоеме родного края, любви ближних, надежд и мечтаний о счастье. Валдайская довоенная, смиренная в колхозном укладе, советская деревня раскинулась на раздолье Валдайской возвышенности. Край озерный, текли ещё полноводные и чистые реки, не задушенные бездумным тотальным осушением болот и торфяников – питающих их водных «аккумуляторов». Кругом, куда не глянь – ухоженные поля. Вечером – звон бОтало и приветственный рёв возвращающихся с пастбищ коров, затем, после дойки – звуки гармошки и живого пения. Утром – перекличка петухов. И даже сохранялись традиционные совместные праздники «из прошлого» за общим составным столом на поляне, всегда в дни бывших «престольных» у каждого села. За столом много пели, а после – танцы под аккомпанемент гармониста, обычно кадрили. Парни присматривали невест, да, многие их выбрали уже с детства, ещё в школе или по-соседству. Так было и у Павла. Его Варя жила неподалеку, давно согласилась стать Яковлевой, принять его фамилию, соединить два их рода, не примирившихся, как Монтекки и Капулетти с времен Гражданской и коллективизации. Варя жила с матерью и дедом в небольшой наклонившейся избенке в два окна. Их бывший просторный,

рубленный двухэтажный с мезонином дом, построенный еще отцом со своим братом, колхозники определили под деревенский клуб. Отца по очередному, полученному в район «лимиту», расстреляли в Чудово. Там деловито трудились за этим занятием, невесть откуда взявшиеся, «заготовители страха» для светлого будущего страны. Семья Павла коллективизацию приняла, поучаствовали в этом «наведении порядка», да, он и сам недоумевал, разве возможно по другому? Но, вот Варю, ему почему-то постоянно хотелось защищать, оградить от разлома прошлого старших, окутать заботой и нежностью. Шел 38-й год, ему предстояло отслужить три года, повестку получил накануне. Она дождется его, сомнений не было. Не знал он тогда, что окончательно вернется в родную деревню только спустя долгих 8 лет. Вернётся почти один из многих сложивших головы односельчан. Узнает, что Варя с его трёхлетним сыном, которого он так не увидит, погибнет под очередной бомбёжкой в 42 году.

Сейчас же Павел думал только о счастье быть вместе, растить детей, дожидаться внуков.

На речке с запрудой работала водяная мельница, поскрипывали жернова. Под навесом рядом с напольными весами стояли мешки с мукой, благоухая свежемолотым зерном и отрубями. Мешки развозили на подводах. И лошади, чуя этот аромат многотысячелетней человеческой цивилизации – аромат сытости, похоже, трудились с удовольствием, будто почти «за так». Тогда этой мукой отоваривали колхозные

трудодни, зарплату крестьянам не платили.

У деревенского пожарного пруда было гусиное царство. Гуси бродили и по улицам, агрессивных индюков, бывающих также тут, дети побаивались и сторонились.

На высоких гнёздах без устали выкармливали потомство аисты. После очередного скашивания зерновых они важно, не боясь, вышагивали по стерне, подбирая остатки колосков. Ведь их за это никто «не сажал». А по одной сельской легенде аист ночью, постучав в окно клювом, разбудил жильцов загоревшегося дома и спас им жизни. Подросткам, тогда прививали почтение к этим красивым птицам.

В кузнице стучали молотки. Подковать лошадь, изготовить ободы на тележные колёса, обручи для деревянных бочек, петли на ворота, да и несложный ремонт сельхозтехники – всё это запросто, как и много веков назад. Кузнец оказался местным Кулибиным, изобретателем. В его потёртой коленкоровой тетради были собраны эскизы и описания более 60 собственных «изобретений» (конечно, более точно, рацпредложений). Многие агрегаты стояли уже в металле вдоль забора. Особенно гордился «окучничком», навесным устройством для эффективного механизированного окучивания картофельных ростков на грядках. Из старых списанных агрегатов собрал и вездеход-болотоход для выездов в лес за клюквой. Капот был сделан из старого оцинкованного корыта. Когда-то и он в молодости был гармонистом, но руки стали уже не те. И только изредка вытаскивал из-под крова-

ти завёрнутую в ткань тульскую, ручного изготовления, гармонь, клал себе на колени и ласково гладил шершавыми ладонями. Потом убирал её обратно.

Они с Варей часто забегали и к старой, похоже, давно одинокой соседке. Та всегда угощала томленными в печи сладкими, как цукаты, кусочками свеклы. Эти дольки были словно конфеты-тянучки. В избе на стене висели оправленные в рамки уже выцветшие фотографии ушедших близких. Мерно тикали часы-ходики с гирей в виде еловой шишки на цепочке. На полке печи для очередного ремонта в рядок стояли несколько пар ветхих, сильно выношенных валенок.

Другой сосед – старый Иван был и остался до конца дней верующим. Причём, вызывающе открыто в советское время. Деревенские за глаза звали его Ваня-бог. Только так, немного несуразно, в этом прозвище советские сельчане смогли вербализировать свою растерянность и недоумение перед судьбой этого скромного и одновременно мужественного человека. Оглядываясь назад в то время, понимаешь, что такое его народное имя-метафора не было буквальным, как и у Ахматовой «мой сероглазый король...» не был главой какого-то государства.

В начале коллективизации он, как говорится, «тему просёк...» Сдал всё имущество и скот, но колхозником не стал. Это была плата за веру и убеждения. К счастью, рядом железная дорога между двумя столицами, пошёл туда обходчиком, стрелочником... Ну, а рабочего, как говорили тогда – геге-

мона, трогать не стали и не «прикопались» ни к одному из семерых детей. Железная дорога стала его спасительным Ковчегом, можно сказать – воплощенным Спасом, укрывшим от разгрома все семейство. Так и прожил, молясь дома, ходил к закрытой тогда церкви Параскевы. Свои взгляды никому не навязывал, не занимался прозелитизмом или миссионерством. Но на лесной дороге, когда мальчишки, соревнуясь в дальности, плевали сквозь зубы, получали от него затрещины: «...ведь и по этой дороге, возможно, ходил Бог...» – говорил он.

В конце мая 41 года его ленинградские внуки приехали в деревню на каникулы. А уже в августе практически сомкнулась блокада Ленинграда, и мальчишки остались у деда с бабушкой. Благо оккупации здесь не случилось. Наступающего сюда на Валдай врага остановили на реке Волховец, в том числе и благодаря военному гению Ивана Даниловича Черняховского. А изменение направления движения противника на столицу через болотистые старорусские ландшафты позволило выиграть дорогое время и на недели отсрочить битву за Москву. Внуки тогда выжили в этой затерянной валдайской деревне.

Павла направили на срочную службу в Киевский военный округ. За три года он стал опытным бойцом, сержантом, наводчиком стрелкового расчета. До демобилизации оставалось всего-то несколько дней. К своей Варе он летел в снах словно на крыльях. Но уже днём 22 июня 41-го, как опытный

кадровый воин, Павел встретил врага, вступив в смертельный бой. В этот же день на базе Киевского Особого военного округа был образован Юго-Западный фронт в составе 5-й, 6-й, 12-й и 26-й армий.

В ходе приграничных сражений 1941 года войска фронта отражали удары немецкой группы армий «Юг» на юго-западных границах страны. Механизированные корпуса фронта задержали продвижение противника в танковом сражении под Дубно – Луцком – Бродами потеряв много танков, что позволило основным силам фронта выйти из Львовского выступа и избежать окружения.

Во второй половине июля – начале августа вместе с войсками Южного фронта, части фронта всё же попали в окружение под Уманью и Киевом. Наши войска понесли тяжёлые потери. Только в плен попало более 500 тысяч бойцов и командиров. В развернувшемся в конце мая 1942 года встречном контрнаступательном сражении (на чём настоял Сталин вопреки оценкам Генштаба), известном, как битва под Харьковом 1942 года, войска фронта снова попали в окружение и вновь понесли тяжёлые потери, и опять плен для 300 тысяч наших бойцов, гибель всего командования. 12 июля 1942 года Юго-Западный фронт был расформирован. Действовавшие в его составе 9-я, 28-я, 29-я и 57-я армии были переданы Южному фронту, а 21-я армия, пополненная новобранцами очередного года рождения и 8-я воздушная армия — Сталинградскому фронту. Так, чудом выжив, Павел Яковлев

– Валдайский «шлемоносец» оказался в Сталинграде, став одним из символов его героической нестигаемой обороны.

Начало войны встретили недоумённо и тревожно по всей стране. Мария, будущая мать нашего Яромира, жила в одной из среднерусских деревень. К ней сватался красивый парень из районного центра, грамотный – то ли счетовод, то ли бухгалтер. Она была статная, ладная, многие засматривались. Но тот почему-то сразу стал люб. Уже распланировала их совместную жизнь, судьбу, ждала счастья. Не будем выдумывать, что произошло в их, да и в других селеньях страны 22 июня 1941 года. Лучше курчанина Евгения Носова, фронтовика и замечательного писателя, не изложить:

«Раскидывая оборванные ромашки и головки клевера, мерин с Давыдко верхом влетел на стан и, загнанно пышка боками, осел на зад. Распахнутая его пасть была набита желтой пеной. Посыльный, пепельно-серый то ли от пыли, то ли от усталости, шмякнув о землю пустую торбу, сорванно, безголосо выдохнул:

– Война!

Давыдко обмякло сполз с лошади, схватил чей-то глиняный кувшин, жадными глотками, изнутри распиравшими его тощую шею, словно брезентовый шланг, принялся тянуть воду. Обступившие мужики и бабы молча, отчужденно глядели на него, не узнавая, как на чужого, побывавшего где-то там, в ином бытии, откуда он воротился вот таким неузнаваемым и чужим.

С реки, подхватив раскиданные рубахи и майки, примчались ребяташки и, пробравшись в круг своих отцов и матерей, притихшие и настороженные, вопрошающе уставились на Давыдку. Сергунок тоже прилепился к отцу, и Касьян прижал его к себе, укрыв хрупкое горячее тельце сложенными крест-накрест руками.

Давыдко отшвырнул кувшин, тупо расколовшийся о землю, и, ни на кого не глядя, не осмеливаясь никому посмотреть в лицо, будто сам виноватый в случившемся, запаленно повторил еще раз:

– Война, братцы!

Но и теперь никто и ничего не ответил Давыдке и не строился с места.

– Да с кем война-то? Ты толком скажи!

– С кем, с кем... – Давыдко картузом вытер на висках грязные подтеки. – С германцем, вот с кем!

– погоди, погоди! Как это с германцем? – продолжал строго допытывать Иван Дронов. – Какая война с германцем, когда мы с им мир подписали? Не может того быть! И в газете о том сказано. Я сам читал. Ты откуда взял-то? За такие слова, знаешь... Народ мне смущать.

– Поди, кто сболтнул, – снова загалдели бабы, – а он подхватил, нате вам: война! Ни с того, ни с сего.

Пожарная тревожная рельса все еще надсадно гудела. Полуметровая ее культа была подвешена перед конторой на специальной опоре, покрашенной, как и сама контора, в зе-

леную краску. Звонить по обыденности строго-настрого возбранялось, и лишь однажды был подан голос, когда от грозы занялась овчарня. В остальное же время обрубков обвязывали мешковиной, чтобы не шкодили ребятишки. Конторский сторож Никита, которому в едином лице предписано право оголять набат по особому Прошкиному указанию, сегодня, поди, давно уже отбил руки, и теперь, пользуясь случаем и всеобщей сумятицей, в рельсу поочередно трезвонили пацаны, отнимая друг у друга толстый тележный шкворень. Били просто так, для собственной мальчишеской утехи, еще не очень-то понимая, что произошло и по какой нужде скликали они своих матерей и отцов.

Люди, тесня друг друга, плотным валом обложили контору. Крепко разило потом, разгоряченными бегом телами. Касьян, припозднившийся из-за Натахи и приспевший чуть ли не последним из косарей, начал проталкиваться в первый ряд, смиряя дыхание и машинально сдергивая картуз. Высунулся и ничего такого особенного не увидел: на верхней ступеньке крыльца, уронив голову в серой коверкотовой, закапанной мазутом восьмиклинке, подпершись руками, сидел Прошка-председатель, поверженно и отрешенно глядевший на свои пыльные, закочуренные сухостью сапоги.

Помимо косарей сбежался сюда и весь прочий усвятский народ – с бураков, скотного двора, Афоня-кузнец с молотобойцем и даже самые что ни на есть запечные старцы, пособляя себе клюками и костыликами, проплелись, приковыля-

ли на железный звяк, на всколыхнувшую всю деревню тревогу. И подходя, пополняя толпу, подчиняясь всеобщей напряженной, скрученной в тугую пружину тишине, люди при- молкали и сами и непроизвольно никли обнаженными голо- вами.

А Прошка-председатель все так и сидел, ничего не объяв- ляя и ни на кого не глядя. Из-под насунутой кепки виден был один лишь подбородок, время от времени приходивший в движение, когда председатель принимался тискать зубы. Ка- сьян думал поначалу, потому Прошка молчит, что выжидает время, пока соберутся все. Но вот и ждать больше некого, люди были в сборе до последней души.

Наконец, будто хворый, будто с разломленной поясницей, Прошка утруженно, по-стариковски приподнялся, придержи- ваясь рукой за стояк. И вдруг, увидев возле рельса ребя- тишек, сразу же пришел в себя, налился гневом:

– А ну, хватит! Хватит балабонить! Нашли, понимаешь, игрушку. Никита! Завяжи колокол!

И как бы только теперь увидев и всех остальных, уже тихо, устало проговорил, будто итожа свои недавние думы:

– Ну, значит, такое вот дело... Война... Война... товари- щи.

От этого чужого леденящего слова люди задвигались, за- переминались на месте, проталкивая в себе его колючий, кровенящий душу смысл. Старики сдержанно запокашлива- ли, ощупывая и куделя бороды. Старушки, сбившиеся в свою

особую кучку, белевшую в стороне платочками, торопливо зачастили перед собой щепотками.

– Нынче утром, стало быть, напали на нас... В четыре часа... Чего остерегались, то и случилось... Так что такое вот известие.

Медленно багровея от какого-то распиравшего его внутреннего давления, он сокрушенно потряс головой:

– На ж тебе: ты только за пирог, а черт на порог. Тьфу!

И второй, и третий день деревня жила под тягостным спудом неизвестности. Все как-то враз смялось и расстроилось, вышло из привычной колеи. Иван Дронов попытался было наладить прерванный сенокос, самолично объехал подворья, но в луга почти никто не вышел, и сено так и осталось там недокошенным, недокопненным. Ждали, что вот-вот должны понести повестки, какое уж там сено! Повестки, и верно, объявились уже на второй день. Правда, брали пока одних только молодых, первых пять-шесть призывных годов, в основном из тех, кто недавно отслужил действительную. Но кто знает, как оно пойдет дальше, какой примет оборот?»

А «оборот» вышел такой – эвакуация к Волге женщин, детей и стариков. Кто пешком, кто на подводах со скромным скарбом. Ну, а мужчины – «Усвятские шлемоносцы»? Мало, кто вернется с этой страшной войны, да и многие без рук, кто без ног.

В 42-м Мария неожиданно встретила со своим женихом. Случайно. Тот был в офицерской военной форме, ка-

кой-то гладкий, сытый. В окопах, видно, не сидел. Что произошло между ними в тот вечер ведал один Бог. Конечно, таинство, искра зарождения новой жизни. Но как это было не ко времени, кругом, бомбежки, пожары, голод. Война. За нас всё это решают где-то небеса.

С началом войны, понеся громадные потери в Прибалтике, Красная армия не утратила воли к упорному сопротивлению. 28 танковая дивизия без авиационного прикрытия и пехоты потеряла в этих кровопролитных боях почти всю технику, половину личного состава. Выжившие, стреноженные танкисты, потеряв в этих боях свою «броню», вместе с командиром комдивом Иваном Черняховским были переброшены на усиление обороны Новгорода. 13 августа Иван Данилович получил приказ: «Командиру 28 танковой дивизии. С наступлением темноты организовать переброску дивизии автотранспортом до восточной окраины Новгорода и к рассвету занять оборону: первый рубеж – Григорово, Новая мельница, Ляпино, Псковская слобода, Аркажа, Юрьево; второй рубеж – по обводному каналу».

Из под Шимска к Новгороду отходили остатки нашего разбитого стрелкового батальона. Всего неделю их подучивали в старых аракчеевских казармах села Медведь, а уже в середине июля парни приняли боевое крещение под Сольцами.

Всю первую половину дня 14 августа накрапывал дождь, авиация врага бездействовала, что позволило спешенным

танкистам укрепить позиции и дать время эвакуировать городские учреждения, ценное оборудование и музейные ценности, снять колокола с Софийской звонницы. Вернувшись в штаб дивизии, временно располагавшийся в подвале Софийского собора, Черняховский получил приказ генерала Коровникова: «Новгород защищать до последнего человека».

Во второй половине дня после шквального артиллерийского и минометного огня немецкая пехота пошла в атаку. Показались вражеские танки и их авиация. Трудно пришлось нашим танкистам, теперь стрелкам-пехотинцам. Горела Новая мельница. Ответить на огонь врага было уже почти нечем. С наступлением темноты остатки наших бойцов отошли к западной части города унося раненых. В эту ночь в городе никто не спал готовились к завтрашнему бою. Новый приказ из штаба уточнил задачу: «продолжать оборону второй линии, одновременно занять силами до батальона крепостные стены Кремля и подготовить к обороне здания западной половины города».

Оборонительные работы начались на Чудинской улице. Черняховский обошёл позиции своих спешенных танкистов.

– Вам известен приказ командования – город защищать до последнего. Не подведёте?

–А мы никогда и не подводили – отвечали бойцы.

–Тогда порядок – как говорил Князь Святослав: «не посрамям земли Русской!».

Этой ночью ему дополнительно подчинили подкрепление:

800, тоже спешенных танкистов бывшей 3-й танковой дивизии, вооруженных снятыми с подбитых танков 17 пулемётами. С первыми лучами солнца комдив занял свой наблюдательный пункт в разбитой трансформаторной будке у переднего края.

С утра 15-го до 80 самолётов люфтваффе начали бомбардировку города и наших позиций. Горели деревянные дома, рушились кирпичные стены. Город, напоминающий пылающий костер, наполнился едкой гарью. Особо интенсивно удары с воздуха наносились по Десятинному монастырю, его колокольне. Враг, видимо, полагал что там расположен наш наблюдательный пункт командира. Силы танкистов таяли. На помощь спешили жители города. Новгородцы, не успевшие вступить в армию или эвакуироваться, сами подбирались к древнему земляному валу брали оружие павших и бились насмерть. Среди них было много молодых женщин. Большинство погибло. Силы были неравными. В середине дня немцы ворвались на окраины города. Группа наших заняла оборону в подвале одного из домов на перекрёстке улиц Воздвиженской и Пролетарской. Десять дней они вели бой лишь 26 августа, когда остались лишь тяжелораненые, врагу удалось подобраться и взорвать подвал.

Из донесения Черняховского комкору Коровникову: «в городе гостинцев изготовили – огневые точки на всех улицах, никак не свяжусь со 128 с.д. Задачу она не выполнила и на рубеж не вышла. В течении дня ни одно наше орудие

не стреляло, ни одного нет на всём участке, 2 орудия которые были найдены вчера – самостоятельно снялись с места, нахождение их расчетов неизвестно».

Вечером 15-го враг устремился к кремлю и к мосту через Волхов. Приходилось отдавать дом за домом, улицу за улицей, почти все бойцы были ранены или контужены с перевязками на головах руках и ногах, задыхаясь от дыма пожара, они, хромя, истекая кровью, продолжали бой. В воздухе висел смрад паленого мяса, гари и тлена необрушенных тел. К ночи в дивизию поступил приказ отвести войска на восточный берег, один батальон был оставлен в кремле прикрывать отход. Больше суток они вели неравную борьбу. Авиация врага разрушила часть стен, гитлеровцы ворвались внутрь Кремля. Владычный двор, Лихудов корпус всё горит, либо рушится от взрывов. Черняховский приказал отходить. Из под шатровой главки часозвони вдруг яростно забил наш пулемёт. Братья Пётр и Дмитрий, не зная об этом приказе, до конца выполняли свой долг «стоять до последнего». Приготовившись к последней схватке, братья не знали и того, что свой первый боевой орден Черняховский получит за оборону Новгорода, а значит, и за этот их солдатский труд. Не знали, что он – самый молодой командующий фронтом, уже генералом армии, погибнет как простой солдат на поле боя перед самым штурмом Кёнигсберга. Мост рухнул в воду вместе с немецкими танками. На резиновых лодках враг на правый берег Волхова переправил десант, который достиг ули-

цы Большой Московской. Их встретили огнем и отбросили к берегу. На Дворище у рынка и Вечевой площади бои были особо ожесточёнными. Ждали подкрепления но его всё не было, поэтому, смяв наши боевые силы, противник броском овладел деревнями Хутынь и Деревяницы.

Здесь на Дворище, накануне ночью Черняховский обошел позиции наших укреплений. Иван был сиротой, усыновлен деревенской семьей. Там часто молили Бога, просили о милости. Кого можно было молить нынче? Св. Параскеву, св. Николая? Так, ведь, и враг – немецкий солдат, тоже небось просит его, св. Николаса о своей победе. Кому тот поможет, захочет ли, чью выберет правду? Почему не смирил войны прошлого? И вдруг ему показалось присутствие незнакомца. Босого, растерзанного, как нынешние беженцы. Однако, голос того был тих и спокоен.

– Я, Федор, звали блаженным, посчитали святым, покоюсь тут на Дворище – молвил тот, – не сомневайся, Иван, победим мы, но ты поляжешь героем, успев защитить страну, позволишь родиться тем, кто наполнит ее вечными смыслами, соединит времена. Здесь, на этом месте, уже в мирное время я передам частицы и твоей души герою нового времени, тому, кто станет этого достоин. Назовут того воина-инюка Яромиром. Он еще не родился, но твои воинские подвиги позволят тому случиться. Тебя буду хранить сколько смогу. Сберегу для твоих будущих подвигов и побед. Бог примет тебя как героя, святого воина. Ты – солдат святого воинства!

Ничего не бойся.

Последний день обороны Новгорода завершился самым жестоким сражением. Это случилось со второй половины 18-го и в ночь 19-го. Враг под прикрытием своей авиации повел наступление с трёх сторон: по берегу Малого Волховца, вдоль дороги на Хутынь и восточному берегу Волхова. Наша оборона была разорвана на части, погибли многие командиры, нарушена связь, многие роты, принявшие главный удар, погибли почти полностью. Но жертвы и мужество защитников Новгорода не пропали даром. Почти неделю они сковывали части армейского корпуса ударной группировки фельдмаршала фон Лееба, рвущегося к Ленинграду. Остановив врага на берегу Малый Волховец, не позволили перерезать железнодорожную ветку Москва – Ленинград в районе Бологого и Валдайской возвышенности. Создали стратегические условия для успешного наступления в будущем.

23 августа 1942 город на Волге Сталинград был подвергнут самой массовой суточной бомбардировке в истории войны. Две тысячи самолёто-вылетов 4-го воздушного флота люфтваффе разрушили город, где до начала боев проживало около 400 тысяч человек, пятая часть горожан погибла. Весь сентябрь немцы пытались сбросить наши войска в Волгу.

Защита Сталинграда, как рубежа началась в сентябре 1942 года. На улицах и площадях центральной и северной части Сталинграда разгорелись ожесточенные бои. Удивительно, но Тракторный завод даже под обстрелами продол-

жал выпускать танки, которые с проходной уходили в бой. Подкрепления шли с левого берега Волги катерами и баржами. Их подвергали постоянным бомбежкам немецкая авиация.

Тогда ожесточенные бои уже шли на площади 9 Января. Опорными пунктами обороны стали два сохранившихся четырехэтажных здания. До Сталинградской битвы в этих домах жили работники Облпотребсоюза, связисты и сотрудники НКВД. Дома оказались приспособлены для круговой обороны. За пределы зданий были вынесены огневые точки, а для сообщения с ними проделаны подземные ходы. Подступы к домам были заминированы при помощи противопехотных и противотанковых мин. Именно благодаря умелой организации обороны воины смогли столь долгий период времени отбивать атаки врагов. Один из этих домов был занят взводом лейтенанта Заболотного. Но в конце сентября 1942 года немецкая артиллерия полностью разрушила этот дом, под его развалинами погиб почти весь взвод и сам лейтенант. Сохранился только один этот второй дом, с верхних этажей которого было удобно вести наблюдение за противником. Именно в этом доме оказался Павел. С товарищами они оборонялись тут до тех пор, пока советские войска не пошли в контрнаступление в Сталинградской битве.

Тактическое значение дома сразу оценил командир 42-го гвардейского стрелкового полка полковник Иван Елин. Он приказал командиру 3-го стрелкового батальона капита-

ну Алексею Жукову захватить дом и превратить его в опорный пункт. 20 сентября 1942 год туда пробились бойцы отделения во главе с сержантом Павлом Яковлевым. А на третьи сутки подоспело подкрепление: пулеметный взвод лейтенанта Ивана Афанасьева (семь человек с одним станковым пулеметом), группа бронебойщиков старшего сержанта Андрея Собгайды (шесть человек с тремя противотанковыми ружьями), четверо минометчиков с двумя минометами под командованием лейтенанта Алексея Чернышенко и три автоматчика. Командиром этой группы был назначен лейтенант Иван Афанасьев. Для сообщения с огневыми точками проделали подземные ходы от здания. Отбивались красноармейцы через амбразуры в стенах и окна. Третий этаж являлся наблюдательным пунктом. Атаки на здание со стороны немцев проводились ежедневно, по несколько раз. Но всегда враг получал достойный ответ в виде шквального огня. Солдаты (25 человек) держали оборону на протяжении 58 дней, удивительно, что потери с нашей стороны всего 3 человека.

Для исторической правды следует отметить, что обороной дома-форпоста талантливо руководил именно лейтенант Иван Афанасьев. Он не был удостоен звания Героя. Иван Филиппович был человеком исключительной скромности и никогда не выпячивал своих заслуг, просто считал обычным воинским долгом всё, что пришлось делать на этой войне. А «наверху» решили представить к высокому званию одного из его подчинённых, младшего командира, правда, кото-

рый вместе со своими бойцами первым прорвался к дому и занял там оборону. Так или иначе, здание на площади 9 января вошло в историю как Дом Яковлева. Советской власти нужны были простые, доходчивые символы побед. У их подножья обязан был быть исключительно «правильный» крестьянский, либо пролетарский сын. Сам же Павел в этом не был виноват, несмотря на ранение, он и после Сталинграда воевал достойно – уже как артиллерист. Войну завершил на Одере в погонах старшины. Позднее ему присвоили офицерское звание и звание Героя Советского Союза. Правда, лишь только после того, как он к тому времени вступил в партию.

Среди солдат-защитников дома оказалась женщина – санитарный инструктор. Во время атак с вражеской стороны Мария откладывала в сторону санитарную сумку и брала в руки оружие. В пылу боев никто не заметил её беременности. Но срок подошел и чудо свершилось. На свет явился мальчик, сын Марии – будущий Яромир. Павел оказался тогда неподалёку и будто задохнулся от осознания невозможного, вспомнил свою Варю, сердце сжалось. Чтобы скрыть скатившуюся слезу он отвернулся к узкой амбразуре вдохнуть свежего воздуха, выглянул и не поверил глазам – словно зарево покрова Богородицы заголубевшее небо охватило своими крылами сияние радуги.

Переправить мать с ребенком на другой берег Волги долго не удавалось. Поэтому, они жили в подвале Дома вплоть до конца октября. После Мария с сыном оказались в селе на

другом берегу Волги, там, где некогда «в лесах» укрывались от никонианских репрессий русские старообрядцы.

Тогда, в подвале сталинградского дома-крепости Павел не мог и помыслить, что когда-то встретится с этим, уже повзрослевшим мальчиком, – в Новгороде, на Ярославовом дворище, рядом с Вечевой башней. Именно в ней этому, осененному Богородицей при своём рождении, молодому человеку будет суждено прожить десять лет, и беспримерно выдержать уже свою оборону.

5. Орфей и его Эвридика

Еще в школьной библиотеке Яромир узнал об Орфее, его чудесной лире, волшебных звуках этого инструмента. Книга «Мифы древней Греции» была серьезно потрепана, каких-то листов уже не хватало, иллюстрации героев Олимпа чернилами перьевых ученических «вставочек» были «творчески» дополнены недостающими деталями обнаженных мужчин. Но вот миф об Орфее, пусть в том советском изводе, дождался этого «своего» читателя и судьбоносно проник в его жизнь. Спустя годы, студентом ленинградского художественного училища, в знаменитой Публичке он листал книгу Овидия, и уже история его героя – Орфея с любимой Эвридикой, потрясла Яромира ощущением фатальности повторения этой драмы и в его судьбе. Этот миф не отпускал его всю жизнь. Что знал он тогда об Орфее? Что этот великий певец жил на севере Греции, во Фракии. В одной из версий он был сыном речного бога Эагра и музыки Каллиопы. Это имя означает "лечащий светом". Орфей играл на семиструнной кифаре и пел так прекрасно, что стихал ветер, распускались цветы, а птицы и животные окружали Орфея, чтобы послушать его пение. По другой версии Орфей был сыном греческой жрицы. Обладая великим талантом поэта, певца и музыканта, Орфей стал основателем греческой религии, наполнив её трансовыми техниками музыки и пения. По третьей

– Орфей был славянином, сыном фракийской жрицы, стал основателем всефракийского и греческого религиозного мироощущения, связующего стержня той цивилизации, заняв пост первосвященника в храме Фракии. Фракийцами же себя считают коренные жители нынешней Болгарии, этой части Балкан. Именно здесь, в горах Родоп, неподалеку с селом Гела, они уверены, – родина Орфея. Да, и та мифологическая река Стикс с входом-провалом Тенара реально находятся рядом. Вход в пещеру именуют «Дьяволско гърло». Там он пытался вернуть из этого мрачного царства Аида свою любимую Эвридику.

Полистьев узнал это позже, уже взрослым посетил эти значимые для него места. Здесь он вспомнил и Валдайский карстовый провал в таинственную земную глубь. Удивительно, но в этом волшебном уголке Валдая случился перекрёсток путей его удивительных спутников по судьбе: сержанта Сталинграда Павла Яковлева, уроженца этих мест и Николая Рериха, одного из пионеров новгородского краеведения и археологии.

След Рериха оставлен об этом месте в виде замечательного рассказа «Неиспитая чаша»:

«... Не то чудо, что еще живы русалки, жив еще «честной лес», а по городищам захоронены храмы. А вот чудо.

Среди зеленого, мшистого луга, около овечьего стада наехали на ключ живой воды. Среди кочек широкая впадина, неотпитая чаша. Яма – сажени в три шириной. Сажени три

или четыре глубиной.

По краям все заржавело, забурело от железа. В глубине – прозелень, синие тени, искры взлетов. Бьет мощный родник, песок раскидывает. Пахнет серой. Студеная вода полна железом, и пить трудно. Сильно бьет родник по камням. Бежит в поле речкою. Никому дела нет.

Такой ключ в селе Мшенцах. Живая вода по полю, по озерам разбегается.

Знают, пройдет испытание. Всенародная, крепкая доверием и делом Русь стряхнет пыль и труху. Сумеет напиться живой воды. Наберется сил. Найдет клады подземные.

Точно неотпитая чаша стоит Русь. Неотпитая чаша – полный целебный родник. Среди обычного луга притаилась сказка. Самоцветами горит подземная сила. Русь верит и ждет».

Мощный поток извергаемой воды широко и непрерывно бьет здесь из карстового разлома. Глубина жерла не измерена, определить так и не удалось. Температура +5 град. круглогодично, обжигает, окунаются только отчаянные смельчаки. Волшебный изумрудный отблеск и бесконечность глубины земного провала являют тут русский аналог входа в мрачное царство Аида, сакральное Царство мертвых и утерянных на век дорогих и близких. И пусть та мифологическая река Стикс реально находится в болгарских Родопах, болгарской Фракии. Яромир всегда помнил закон символического подобия Гермеса Трисмегиста – «что вверху, то и внизу...». По-

этому, мысленно каждый раз пытался совершить это и здесь. Конечно, как мольбу о своей Эвридике. столь же любимой и дорогой. Знал, что в этих делах важно только сильно захотеть.

Этот древнегреческий миф дошёл до нас благодаря Овидию. Он поэтически поведал, что женой Орфея была красавица – дриада (древесная нимфа) Эвридика. Однажды Эвридика собирала в лесу цветы и её укусила змея. Смерть немедленно унесла Эвридику в подземное царство мёртвых. Орфей долго тосковал по любимой и, наконец, решил пойти в подземное царство Аида и найти её. Харон не хотел переправлять Орфея через реку Стикс, но уступил, услышав его божественное пение. Добравшись до повелителя царства мёртвых, Аида Орфей стал умолять его отпустить Эвридику. Аид не соглашался, тогда Орфей запел и супруга Аида, Персефона уговорила Аида сжалиться над несчастным влюблённым. Однако, Аид поставил Орфею условие: идти вперёд и не оборачиваться. Тогда Эвридика вслед за ним выйдет из подземного царства. На обратном пути было так тихо, что Орфей захотел убедиться, что Эвридика идёт за ним. Он обернулся, но увидел её лишь на мгновение и она тотчас растворилась во тьме. Орфей навсегда потерял свою любимую. Он вернулся на землю и всю оставшуюся жизнь тосковал о ней. Конец Орфея был трагичен: по версии Овидия его растерзали вакханки за то, что он своими печальными песнями мешал их пиршеству.

Однажды Яромир увидел сон. Орфей, присев к изголовью его кровати, сам рассказал ту историю своей судьбы.

«... никогда не забыть мне того, что случилось в обители мертвых... Когда мрачный Гадес, склонясь на мольбы Персефоны, согласился отдать Эвридику и ее подвели ко мне две нимфы из темных Вод Леты, я окинул внимательным взором лицо той, кто была моей женою.

Она стояла, нагая, бледная, стыдливо потупив ресницы, словно скрывая радость свидания с мужем.

– Вот твоя Эвридика! Гермес проводит вас до входных дверей царства забвения. Супруга твоя пойдет вслед за тобой. Но горе тебе, если взглянешь назад раньше выхода!.. Ты же, сын Майи, приблизься, чтобы услышать поручения мои к эгидодержавному брату.

Гермес подошел к царю преисподней, и бессмертные боги долго шептались между собой, смеясь и глядя по временам на нас с

Твердым шагом стремился я к выходу. Гордость победы теснила мне душу. Пальцы мои перебирали лирные струны, и шествие наше сопровождалось торжественным звоном... Тени усопших молча давали нам путь. Грустные лица их безучастно смотрели на нас с разных сторон. Выход был уже близок. Лазурно-лиловым снопом врезались во тьму стрелы светлого дня.

Я замедлил шаги. Сзади почудилось мне шепот и поцелуи. Я думал сначала, что это лишь испытание, чтобы за-

ставить меня обернуться, и гнал от себя подозрения. Сделав еще десяток шагов, я очутился у поворота, за ним в лицо мне пахнуло струей теплого воздуха, а взорам открылись кусок лазурного неба и скаты покрытых цветами, сверху заросших лесом холмов... Сзади было все тихо. Но вот оттуда снова послышался тихий сдержанный смех и чьи-то протяжные вздохи... Сомнений быть не могло. Так вздыхала только она, моя Эвридика, в часы наших блаженных объятий. Не так много и оставалось до дома, когда я вдруг забеспокоился – а действительно ли Эвридика идет за ним, не сбилась ли с пути? Не в силах преодолеть любопытство, я оглянулся – и увидел ее. Она шла следом, живая и красивая. Но через мгновение исчезла, вернувшись в царство Аида...»

Каждый год нынче в Болгарии проходят научные конференции – «Орфические чтения». Специалисты убеждены, что заслуга Орфея в том, что он первый ввел в технику ритуального транса искусство воздействия музыкой и поэзией. Он же первый на примере мистерий воплотил психотехнические техники отрешенного коллективного ритуального транса, позволяющее единение с богами, донесение до них своих молитв. Точные годы жизни Орфея не известны, многое утеряно навсегда, но, согласно преданиям, он жил и творил около 30 тысяч лет тому назад. Орфей считается первым, кто пожертвовал собой, чтобы принести людям высшую трансую Мудрость, считался Сыном Бога и Божественно вдохновленным, Посвященным.

Орфей создал психотехнику, основанную на священных танцах, пении гимнов, чтении молитв, голодной диете и специальном обряде – получившем название «мистерии Диониса». Кроме этого ученики занимались философскими дискуссиями, слушали беседы Учителя и систематически пребывали в трансе с использованием специальных ароматов. Орфей укладывал своих учеников в специальное углубление в скале и погружал их сврхглубокий транс, чтобы они, встретились с богами и испытали сверхблаженство. Он стал родоначальником греческой магии, поэзии, музыки, философии, астрологии, логики, физики и медицины. Метод Орфея и его мистерии распространились по всем греческим храмам Юпитера и Аполлона.

Сквозь тысячи лет сохранилась мифическая история любви Орфея и Эвридики, включенная как главный эпизод в орфические мистические ритуалы. Второго шанса обрести Эвридику боги ему не дали. Неутешный Орфей в попытке забыть вначале странствовал по стране, играл восхитительные мелодии и проповедовал свое Учение. Поняв невозвратность случившегося, он забросил музыку и погрузился в депрессию. Бог Дионис, который отвечал за виноделие и веселье, перестал быть для него чем-то значимым. Почтение сохранил только к своему наставнику, величайшему из богов Олимпа – Аполлону (что неудивительно, учитывая, что тот покровительствовал Музам и искусству). Дионис возревновал. В гневе наслал на опечаленного певца своих фанаток –

вакханок (ныне алкоголичек), и они его растерзали. Разумеется, возьми Орфей в руки свою кифару и начни петь, даже обезумевшие менады успокоились бы и заслушались, но певец не стал использовать силу своего дара. Он хотел умереть, и пусть так воссоединиться со своей Эвридикой уже в царстве мертвых, что и произошло. Смерть Орфея оплакивали все. Природа рыдала. Музы собрали части его тела и похоронили, но голова попала к Аполлону, который поместил ее в капище, где она пророчествовала и люди ей поклонялись.

Друзья Яромира вспоминали о его попытках понять смысл и причины того рокового для Орфея условия. Зачем, думал он, мужчине ниспослано подобное кармическое испытание, ведь, разрешение богов уже итак получено?

Наверное, – рассуждал Полистьев – это, все же, испытание для двоих, их чувств, желания быть вместе до конца дней. Понял, что следуя не оборачиваясь, ты полон уверенности в своей Эвридике. Если нет, то она и не твоя. А подобная свобода выбора для женщины – это тоже возможность окончательно определиться. Только она должна решить – быть ли вам вместе. Иначе за тобой не пойдет. Получается, что боги-то разрешили, но «по-божески» дали возможность решить всё и самим, нужны ли друг другу.

С Яромиром этот драматичный сюжет в жизни случился трижды. Вот, ведь, какое сакральное число! Три незаживающих раны в его душе. Поэтому каждый раз миф об Орфее и Эвридике эту, неразрешимую и для него драму, он прожи-

вал с содроганием, искал спасительного забвения в работе.

Первый «удар» случился с ним в Юрьево. Тогда он с семьей Влада Решетникова временно ютился в одной из бывших монастырских келий. В то время это место без каких-либо условий проживания стало удивительным Монмартром таких же «бездомных» художников и поэтов. Молодости всё нипочём, здесь влюблялись, строили совместные планы. Кто-то ухитрился даже родить тут детей. Сюда слеталась и «богема» столиц. У Яромира эта вспышка судьбы здесь случилось однажды и вдруг. Знакомство, любовь с первого взгляда. Она яркая красавица, художник-реставратор из Ленинграда, выпускница Академии художеств. Яромир поверил, что она – его Эвридика до конца дней, казалось, увидел и почувствовал её насквозь, будто, на всю жизнь. А случилось, как в том древнем мифе – ушла (уехала в Питер) и не вернулась. Напоследок сообщила, что подарила надежды в отместку своему питерскому жениху. Для Яромира это стало ударом невыносимой силы.

Воду в свои комнаты-келиы зимой художники, насельники этого, тогда светского Монмартра, носили не только из колонки, но и из речной проруби. Однажды кто-то из местных, подвыпив, в темноте там подскользнулся и утонул. Сдохнули лишь на следующий день.

После отъезда любимой Яромир не находил себе места. Понимал, что не вернуть, не знал как быть дальше. С фатальностью этого удара не мог смириться. Тогда ему вдруг

показалось, что выход из этого ада – та прорубь. «Грех?» – рассуждал он – «а не вы ли, там «наверху» подвели к нему, как отнеслись к моим мольбам, вам ли меня упрекать? Испытание не должно становиться пыткой». Тогда его чудом удержали друзья.

Второй удар, будто вслед, случился уже на Дворище. Опять Эвридика, уже другая, теперь музыкант. Училась у него игре на гусях, была рядом, наверное, для чего-то и другого. Попала в сердце. Но тоже ушла, да ещё и с их родившейся дочерью.

Третья пробоина оказалась смертельной. Не сразу, спустя много лет. Рана ныла, уносила веру, подтачивала силы сопротивления этому року. Их первая встреча случилась во Пскове, затем на Дворище. Клятвы навек, трудный быт, частые разлуки. Навсегда запомнил купание с ней тут на реке. Обсыхая, лёжа на травянистом берегу, задохнувшись заметил приподнявшиеся волоски на озябшей коже её голени. Жмурясь на солнце, не смог оторвать взгляда от ямочек на её коленях. Он писал ей письма, звал замуж, ради неё был готов, бросив замыслы своей жизни, стать успешным модным и дорогим художником, скульптором, обеспечив комфортную семейную жизнь. Но Рок не дремал и тут. Не получил ни одного ответа, ни одного тёплого слова. После узнал – его письма до адресата не доходили. Мать Эвридики сжигала их, достав из почтового ящика. Желала дочери более достойного жениха. Длительная безответная разлука сдела-

ла своё дело, охладила, завершила их взаимное кружение и притяжение. Как оказалось, навсегда, хотя виделись в городе и позже. Однажды, перебирая бумаги, он наткнулся на поблёкшую фотографию. Тогда ещё не было Центра, он обживал полученное от города скромное жилище в старом фонде. Костыли стояли в прихожей, ведь боли в спине после десятилетия «заточения» в башне так и не проходили. Ушедшие Эвридики потеряны навсегда. На фотографии Яромир с другом, придумывают оформление новогодних подарков, в руках кедровые шишки для росписи. На столе стаканы в плетённых берестяных подстаканниках, несколько кусков торта на салфетке, выдавший виды, закопченный высокий медный чайник, заварной чайник – с ситечком. И, о чудо! – тут же за столом и его третья Эвридика, молодая, красивая, такой он помнил её всегда. Как это могло случиться, ведь некогда ушла навсегда? Вспомнил, – навестила его однажды вместе со своим новым парнем, тот и сделал этот снимок. Видимо поэтому, и лица у всех напряженные, нет улыбок, радости – только горечь. Зачем она тогда оказалась здесь, что-то доказать, сделать больно? Да, куда уж больней. Может, таким способом упрекнуть его в рождении дочери от другой женщины? Так, ведь, сама же и отказалась от него в те годы.

Тогда Яромир, вновь не находя себе места, спасался в работе, себя не щадил. Снова вспомнил ту прорубь. Ведь, чем думал он, может закончится эта незримая беспросветная попытка? Наверняка какой-то химией: алкоголем, ампулой

цианида, горстью Веронала, как у Цвейга, иначе – химиотерапией, пусть, спустя сколько-то лет.

Однажды, думая об этом, он вспомнил произошедшую пять лет назад на его глазах смертельную аварию молодого мотоциклиста на углу ул. Бояна, здесь неподалёку на Торговой. Тогда подумалось, что это похоже на смерть настоящего мужчины, гибели почти воина, конечно, современного, «припомаженного» городской цивилизацией, современного Айвенго только без копья. Это ведь лучше, чем на больничной койке. Тот парень был в тонированном шлеме, на байке «Сузуки». Но эти согнутые позы любителей быстрой езды, их «хищные» пригнувшиеся силуэты на подобных спортивных моделях никак не соответствовали его замыслу. В дороге, что могла бы завершит его судьбу, и особенно в последние секунды он должен быть только с прямой спиной, открытым взором. Пусть «там» знают, он не испугался их вызова, их намерения согнуть его этим безнадежным позорным смирением. Подходил только «Харлей-Девидсон». Для байкеров это самая драйвовая, но респектабельная, богато хромированная машина. Управление подобным байком знатоки считают лучшим, что можно испытать в жизни. А он лучшее в своей жизни испытал со своей Эвридикой. Пусть эта короткая «прогулка» на таком байке стала бы символическим прощальным наслаждением, как от совместного бокала хорошего вина. Главное, что только на этих машинах возможно управление с гордо расправленной спиной. И он почему-то

сразу понял где мог бы её раздобыть. Он вспомнил своего давнего молодого знакомого, как-то лежали с ним неделю на обследовании в Военно-медицинской академии в Питере. Яромира мучил раздробленный позвонок. Повредил его, заводя в одиночку на стену пристройки Центра тяжелое бревно. Тот парень, Гоша работал айтишником, много лет снимал квартиру, она была в проводах от модемов, завалена старой, отработавшей свой век аппаратурой. Возможно, на запчасти. Жил с женой и сыном. Супруга пару раз навестила его в клинике, Яромиру показалась странноватой, с виду панк, всегда выбрита голова, оставлена выкрашенная оранжевая гривка, много металла в носу и ушах. Со слов Гоши, больше всех любила животных, особенно крупных хищных птиц, которые жили в их доме, кто в клетках, кто так, на пеньке с ремешком на лапке. Чтобы «соответствовать» Гоша выбрал себе имидж брутального байкера. Оброс амуницией, бородой, купил мотоцикл Харлей. С группой приятелей часто ездили на своих мото по удаленным природным маршрутам. Любили бывать в Карелии, на тех бурных реках, водопадах, скалистых гранитных склонах. Рассказал, что жена часто отлучалась будто бы на конференции экологов, любителей природы, бывало, в другие города.

Как то, спустя пару лет, Гоша позвонил Яромиру в его Центр, спросил о здоровье, рассказал и что жена однажды не вернулась. Пол года потребовалось на её розыск и развод. Сына забрал себе, мотоцикл оказался на хранении в много-

этажном гараже, пристроил его там по договоренности сбоку, в небольшом закутке коридора. За эти годы женился второй раз, родилась дочь, ждут вторую. Мотоцикл собирается продать.

Однажды после этого разговора Яромиру явился странный сон:

«Пачка «зеленых» сотенных в банковской упаковке – приватный подарок немецких коллег, издавна хранилась в старой резной шкатулке. Это десять тысяч, примерно семьсот тысяч наших. Гоша долго не торговался, хотя просил больше, машина того стоила. Отдал и шлем с телефонной блютуз гарнитурой и солнцезащитным забралом, кожаную куртку в заклепках и фирменные сапоги, только в таких можно было легко переключать передачи нижним рычагом. Договорились, что проведёт пару тренингов на специальной площадке. Гоша не догадывался, что этот его любимец понадобится новому владельцу лишь на один выезд.

Все это «подготовительное» время Яромир постоянно думал о той своей Эвридике, ждал хоть какой-то весточки. Просил в своих молитвах о милости, чуде, что могло бы легко отменить этот роковой, выбранный им, последний маршрут. Думал и о том, что кроме него никто так искренне не будет любить её, молиться о ее здоровье и благе. Хотя понимал, что «напросил» этого уже на сто ближайших лет, но если и к этим просьбам ТАМ окажутся так же безразличны, как и к его мольбам о возможности любить её в оставшиеся годы,

то этот его рукотворный уход мало что изменит в её судьбе. Думал и о своих родных и новоявленных близких, они все наследники, этим наверняка утешатся, попользуются, сколько позволят обстоятельства, его Центром, именем, заслугами и наработками, бесплатной коммуналкой для родственников Почётных граждан города. У них всё будет хорошо. Что касается кармы, то и тут проблем, вроде, быть не должно. Никому не принёс беды, ничего не должен, в жизни сделал всё что смог. Всем, главное, себе всё доказал. Почти всю жизнь любил одну женщину, свою Эвридику, и не отказался от неё, не стёр из памяти, не предал свою любовь. Является ли этот его шаг грехом? Гораздо больший грех, думал он – от любви отказаться, сдаться, разве это было бы по-божески. Пусть все остаются при своём и будут счастливы. А её, он был уверен, дождетя. Где-то в других мирах, и уже больше не расстанется. Его душа была уверена в этом.»

Сон завершился тем, что ранним майским солнечным утром, таким же, как когда-то он впервые однажды увидел её в псковской командировке, облачившись поверх своей русской косоворотки в черную клепанную кожу, со счастливой улыбкой очутился он во дворе гаража. Вставил и повернул ключ в замке зажигания, наполнив двор низким бархатным, благородным рокотом. Не стал туго застегивать шлем, его потребуется снять и сбросить в километре от того поворота шоссе, где неподалёку через овраг располагалась транс-

форматорная будка с подходящей стеной. На том свободном участке трассы шоссе будет нетрудно разогнаться до 120-130 километров в час и этого вполне достаточно. Мысленно простился с ней, без обид, на любимых не обижаются. Поблагодарил за счастье, которым его всю жизнь наполнял её образ и за такую, казалось, невозможную возможность, пусть под конец жизни, вновь увидеться и объяснить с ней, без слов признаться в преданности «навек». Затем выжал рычаг сцепления, носком приподнял до щелчка педаль на первую передачу и не спеша подъехал к будке охраны. Заспанный дежурный выскочил, и то ли отдал честь, то ли приветственно улыбаясь махнул рукой. Шлагбаум плавно поднялся и «Харлей», будто понимая роковую неотвратимость предстоящего, со смиренным достоинством выкатился на улицу совершить свой последний, но самый важный в своей биографии рейс».

Этот фантастический сон надолго наполнил его тревожными раздумьями. Годами всплывал в памяти. Яромир, будто чувствуя приближение скорого финала, нагружал себя непосильной работой. Трудился круглосуточно, из последних сил. Буквально «на флажке» своей жизненной партии разгадал рассыпанный на восковые осколки текст с разрушенной церы, найденной археологами в очередном раскопе слоев древнего города. Может, хотел посвятить и этот свой труд той, не вышедшей за ним из Тартара, Эвридике.

Развязка же вышла совсем не такой романтической. Даже

химия уже не потребовалась, разве промедол для снятия болей. В часы таких спасительных передышек он погружался в агонию мучительного подведения итогов своей жизни. Так вышло, что почти все свои годы и силы, как реставратор он отдал на обслуживание чужих интересов и карьер. Да, ведь, и почти задаром, не разбогател. Поэтому жил совсем скромно, порой впроголодь до последних дней. Не смог выстроить свой дом, завести и обеспечить семью, вырастить детей. Как мечталось ему побывать на море с любимой женщиной, забыться в солнечных бликах, окутанным теплом её рук. Нет, конечно, плата была – это возможность создать и оберечь свой Центр. Но вышло так, что он стал его заложником и одновременно узником. Словно приковал себя здесь невидимыми цепями. А то злополучное бревно, словно гадюка из черепа павшего коня, спустя годы, как Вещему Олегу, принесло ему эти страдания и мучительную смерть. Главное, он заплатил отказом самому творить как скульптору и художнику. Может, и как писателю, ведь, его художественные тексты – это второй Ремизов. Сохранившиеся немногочисленные скульптурные работы Яромира изумительны и неповторимы, он знал это сам.

«Мы потеряли второго Шемякина, ты погубил в себе художника, не позволил ему состояться, украл у нас счастье видеть череду твоих шедевров, ведь, сколько бы чудя ты смог сотворить!» – сокрушался Решетников, художник и его ближайший друг.

Может, по этой причине в их отношениях случилась роковая размолвка, затем – охлаждение. И это на склоне лет, в таком почтенном возрасте, после столько-то совместно пережитого!

Спасать его было уже поздно. Но Эвридика, уже давно замужняя женщина, успела, примчалась к нему в областную больницу. Яромир лежал под одеялом, но ей показалось, что под этим казённым прощальным покровом уже никого нет. Она не нашла того сильного красивого Леля, что жарко обнимал ее, целовал спину и плечи, как птицу из рук выпускал на работу солнечным утром. Того, кто ждал ее вечером, наполнял собой ночью и желал этого вечно. И в этом тяжелом смраде палаты умирающих, оказавшихся уже никому не нужных мужских тел, она, задыхаясь в собственном шепоте, в слезах, склонилась над его, так непривычно беспомощно запрокинутой головой... Он оказался здесь не Почетным и не Заслуженным, а всего лишь, словно, смертельно раненым, уже почти бездыханным солдатом в подвале сталинградского дома Яковлева, того, где он появился на свет в 43-м, под треск пулеметных очередей.

«Мой мальчик», – шептала она, – «ты твердо помнил урок Орфея, сделал всё правильно, ты шел не оборачиваясь, верил в меня. Но, когда вышел к свету, я уже была с другим. Ведь, ты не был тогда даже лейтенантом, всего-то «капрал», а поверить что капрал станет императором смогла лишь одна Жозефина. Я ей не стала. Прости. Себя не прошу никогда.

Так вышло. Зачем? У меня нет ответа. Почему в этой жизни кто-то должен страдать больше другого, за что это ему? Верь, ты всегда остался в моем сердце, наполнил душу нежным ароматом возможного счастья. Я ощутила этот трепет пробужденной женственности, и благодарно пронесла его по жизни. Вдруг мы встретимся вновь в каких-то мирах. Дождись меня. Узнай. Мы будем там навечно вместе, обещаю».

Перед самой кончиной Полистьев принял крещение. Может, показалось ему с надеждой, что тогда он окажется с крещённой еще в детстве Эвридикой в одном, а не в параллельных мирах. Кто знает закоулки этого горнего мироустройства?

«Я дождусь её там», выдохнул Яромир.

6. Беседы с новгородским Волхвом. Битвы первой Гражданской войны

Не раз Яромир рассматривал картину Сергея Иванова «Христиане и язычники», вглядывался в детали. Она его завораживала, порождала вопросы, ведь, он жил тут на Дворище где произошли те столкновения далёкого прошлого. Родись в то время, он мог бы и сам стать участником или свидетелем тех драматичных событий. Этот альбом репродукций картин Третьяковки не был высокого качества полиграфии, иллюстрации с крупным «зерном», поэтому приходилось брать в руки даже лупу. Нравилась ему и картина с волхвом Сергея Рубцова «Новгородское Вече». Что было известно о том времени, нравах, порядках и об этом эпизоде?

«Повесть временных лет» концом одиннадцатого столетия датирует целый ряд выступлений волхвов, за которыми шел весь люд, против христианской веры и княжеской власти. Эти яростные протесты приобретали огромный размах, особенно на севере Руси. Действия волхвов охватили земли от Ярославля до Белозера.

Один из них, объявившийся в Новгороде, «творяся аки Богъ, многы прельсти, мало не всего града». «Вси яша ему веру», – отмечал летописец. На стороне епископа выступил лишь пришлый черниговский князь со своей дружиной, «а

люди все идоша за волхва». Поразительное единодушие пошедших «за волхва» новгородцев в их истории по-своему было уникально, ведь, речь шла не просто о городе, а уже как сто лет христианском.

«Почему в Господине Великом Новгороде именно черниговский князь занимался миссионерством, почему с применением силы», – думал Яромир. Все это походило на властное насилие, незаконный террор, весьма далёкий от христианского миролюбия. А как же новгородская демократия, где было хвалёное Вече?

Летопись донесла до нас сообщение и о физической гибели волхвов от рук князей и воевод. Об этом эпизоде она сообщает, что князь и воевода – Глеб Святославович и Ян Вышатич – вступали с волхвами в устные прения. В Новгороде князь Глеб, принеся под плащом топор на переговоры с волхвом, якобы спросил последнего: «Знаешь ли, что будет с тобой сегодня?» – и после ответа «Чудеса великие сотворю!» зарубил волхва именно тут на Торгу, близ Вечевой площади.

Яромир задумался, – насколько вообще можно доверять диалогам с волхвами, в имеющихся источниках? Ведь, в летописях перед нами прямая речь в авторском историческом сочинении. Автор при произнесении этих диалогов заведомо не присутствовал. Полистьев вспомнил, что и в Византии был особый литературный жанр «диалога с иноверцем», предназначавшийся, в первую очередь для «своих», ради укрепления их в вере, как «пособия» для споров с иновер-

цами, «буде таковые возникнут».

Сторонники достоверности диалогов с волхвами намеренно преждевременно обрывали это цитирование. А ведь следом за изложением «мифа» о сотворении человека летописец приводит вопрос Яна к волхву: «Какому Богу веруете?» Тот якобы отвечает: «Антихристу». Ян спрашивает: «Где же он?» и слышит ответ: «Сидит в бездне». Выходит, – летописец сам проговаривается о своём подлоге, уверяя, что языческие волхвы называли своего бога Антихристом, о котором те не имели никакого понятия. А «бродячий» сюжет о мнимом мудреце, не сумевшем предсказать собственную смерть, издавна известен вообще от Китая до Франции.

Яромир уверился в литературном происхождение этих диалогов с волхвами, по сути – заказном сочинительстве, намеренном фактологическом подлоге.

Образ волхва, его облик сопровождал Яромира с детства, он будто углядел того в своих снах. Сам с молодых лет носил длинные волосы, перехватывал их на лбу берестяным обручем или собственноручно сплетённой по древним сакральным орнаментам лентой. Почему? – не смог бы объяснить себе и сам.

Ольга любила его голос, засыпала, когда он что-то читал ей перед сном. Как мало она пробыла тогда с ним. Яромир в том их коротком «лебедином полёте» едва успел дочитать ей «Метаморфозы» Овидия. Укрывал спящую пледом, любовался нежными изгибами её тела, формой пальчиков.

Однажды «белой» ночью, оставив Ольгу спящей, он вышел пройтись к Волхову по пустынному Дворищу. Неожиданно заметил одинокую фигуру. Седой старик был одет как и он – в длинную холщовую рубаху, в поясе и очелье тоже был перехвачен плетеными обережными поясом и лентой. Этой встречи Полистьев будто ждал, не сомневался. Их взгляды встретились. Волхв Велеслав, даже не удивился имени Полистьева. Яромиром, оказалось, звали последнего языческого князя славянской столицы Арконы на острове Руян.

Они жили в разное время, в разных измерениях, но выяснилось, что думали подобно. Главное, одинаково чувствовали мир природы, её дыхание, неспешный пульс сменяющихся сезонов, меняющихся фаз жизни, корней всего живого на нашей Земле. Яромир как зачарованный вслушивался в неторопливый говор Волхва, внимал его удивительным, хоть, и таким знакомым истинам.

«Помни – говорил Волхв – «природа сама одаривает своего подвижника. Просто, по-детски доверчиво обратись за помощью к Матери-Земле, посылай от души добрые пожелания всему живому, и ощутишь небывалую отдачу. Вот, например, жизнь дерева. Она полна сложности и совершенства. Растения живут согласно воли природы. Они самые чистые и светлые создания, единственные на Земле, питающиеся не чужой жизнью, а улавливающие благодатные лучи нашего Светила. Поэтому и благоухают. Деревья издревле почитались существами высшего порядка, воплощением муд-

рости. Его корни в Земле, крона связана с Солнцем, оттого оно многое знает, поэтому, – молчаливо. В дереве угадывается некий замысел самой Природы. Из тьмы тысячелетий дошло до нас понятие «родового древа». Листва священного древа, увядающая осенью и вновь зеленеющая весной, была зримым подтверждением непрерывности перевоплощений жизни в смене поколений. Поэтому крепла уверенность в перевоплощение души. Люди тогда не признавали смерти как исчезновение, считали тело рубашкой, которую скидывают при вырастании из неё. Устаревшая плоть должна разрушиться, чтобы жизнь смогла продолжиться в новом воплощении. Смена обличий жизни обеспечивает ей бессмертие. Движение этому жизненному колу, возможность бесконечного возрождения, задаёт Солнце и вечная Любовь. Прославление Солнца, чествование перевоплощающихся предков и почитание священных деревьев отражало осмысление природы как единого целого.

В Радоничные волхования (родовые празднества, посвящённые перевоплощающимся предкам) неизменно вовлекалось одно из священных деревьев – берёза. Обряд кумления с Берёзой-Берегиней совершался весной. Берёза обряжалась красными лентами, полотенцами, убрусами, расшитыми оберегами-солнцеворотами. Русалии справлялись тоже в заповедной роще, где водились хороводы вокруг берёз. Священные обряды совершал глава Рода в заповедных лесных куцах. Ощущение близкого присутствия род-

ных светлых сил наполняло душу спокойствием и уверенностью, утверждало дух человека в целостном единении Рода.

У праславян не было изображений почитаемых высших сил в в человекоподобных кумирах-истуканах. Не было и построек, где эти силы «обитали». Считалось недостойным для них, чьим святилищем была вся природа, поселиться в рукотворных сооружениях. Не было у славян и особого жреческого сословия, Волхвы – это не жрецы, скорей, Ведуны.

Не разгадана чарующая тайна и пахучих цветов. Мистическое чутьё подсказывало, что благоухание нечто большее, чем запах. Это – откровение, исходящее из самой души цветка напрямиком в душу человека. Недаром слова «душистый» и «душа» – родственны. Чудодейственные волны источает дикая медоносная зелень леса. Они то истомно-сладостные, то щемящие сердце, то дурманящие и хмельные. При сборе целебных трав знахарь творил очистительные обряды, каялся, заклинал, надеясь на милость лесных духов. Человек благоговейно чтит природу. Отношение к ней покоилось на доверии, словно детей к своей матери. Природа – волшебный источник и духовных даров, она пробуждает скрытые возможности человека, дает ощущение незримых сил и восторга общности с ними.

«На сегодня, пожалуй, хватит», – заключил Волхв – «знаю ты не один, возвращайся к своей Ольге. Я же буду здесь каждую ночь и проведу тебя по самым драматичными тропами дохристианской истории славян».

Следующей ночью Волхв Велеслав продолжил свой рассказ.

«На крайнем Севере в незапамятные времена находился чудесный остров Буян, окруженный водами Моря-океана, а над ним высилась Мировая гора. Для древних славян это была сакральная «первая земля», всплывшая среди волн первобытного океана.

На острове Буяне хранились «семена» всего живого, могучие силы: весенние грозы, громы, ветры. На буяне жили самые древние существа, птицы и звери. В центре острова, под могучим мировым дубом, который соединяет все три мира – подземный, земной и небесный, лежал камень Алатырь. Изпод него били родники живой воды, что воскрешают природу, даруют земле урожай. Он хранил источники всего сущего на земле, им «запирали» все клятвы и заговоры. Здесь была сокрыта сила могучая «и силы той конца нет».

Но для всех славян "вторым", уже реальным Буяном стал остров Руян. (ныне германский остров Рюген), что лежит против датского побережья. На нём – Аркона, город-храм, последний оплот балтийских славян, главная дохристианская славянская святыня, их духовный «Иерусалим». Племя, обитавшее на нем, звалось издревле ругами. И ругами же средневековые германские документы постоянно называют киевских русов! Житие Оттона Бамбергского называет жителей Рюгена *rutheni* – русины, русы!

Здесь было средоточие всей веры, всего упования не толь-

ко языческого славянства, но даже кельтов-друидов, уничтоженных Цезарем. Еще в XI веке на поклон к его главной святыне, четырехглавому кумиру Святовита, шли пилигримы из далекой, уже два века вроде бы христианской, Чехии. Арконский храм был главным религиозным центром славянского Поморья.

Более 350 лет Аркона была центром сопротивления славян против агрессии христианских Германии-Дании-Польши. Когда, после непрестанной четырехсотлетней борьбы с франкскими, германскими, датскими крестителями, народы балтийских славян один за другим, были поработаны, Аркона стала последним вольным славянским городом чтящим праотеческих Богов. И оставалась таковой, до своего уничтожения и утраты независимости в 1168 году».

«До завтра, мой друг, наступает утро. Увидимся здесь же».

Накануне Ольга покинула Яромира, вернулась в свой Псков. В автобусе, мчавшим её от любимого в родной город, она мучилась неразрешимым вопросом: «нужна ли я ему, заполнит ли Яромир свою жизнь мною, не стану ли я ему обузой на его подвижническом пути?» Ольге казалось, что он, безусловно любя её, одновременно незримо ускользает, будто стремясь в некую непознанную ею высь. Её тянуло к нему. Ольга, дочь полковника, не испугалась, ведь, и бытовых трудностей в его «башне», делила с ним там и дни и ночи. Надеялась раствориться в нём, а его растворить в себе.

Однажды поняла, что этого не случится. Как поступить ей теперь? Ответа на этот вопрос найти не могла.

Он же надеялся, что Ольга исчезла не навсегда, вернётся, просил об этом небеса. Ждал её, писал ей письма с предложением руки и сердца, но ответов не получал. Она так и не вернулась. Только спустя годы они узнали, что эти письма до неё не доходили.

Третья ночь выдалась дождливой, и Яромир пригласил Волхва в свою опустевшую Башню, заварил травяной чай. Тот обошел жилище вдоль стен, рассмотрел скульптуры Яромира, рисунки, графические образы ведических персонажей, заметил и состояние хозяина.

«Не тужи об Ольге. У неё будет другая судьба. Твой путь, заданный Высшими силами, – это тропа, где, впитав древние знания и навыки, ты сбережешь их, обогатив, передашь следующим поколениям».

«Много знаний утеряно с тех пор, – продолжил Волхв, – замечено временем, часто, нарочито искажено или оболгано. Веками творился рукотворный подлог в искажении и стирании истории, истинных героев, их имен и подвигов. Возьми, хоть того же Рюрика. Мог ли старый слабеющий князь словен Гостомysl призвать на смену себе княжить врага? А, ведь, свеи-норманы разбойничали тут, грабили, убивали в славянских поселениях. Поднимались из Балтики на своих судах дракарах по той же реке Луге, и чинили разбой. Их сила была в оружии, обоюдоострых мечах. Таких у нас то-

гда не было. Зато, у нас они повзаимствовали приёмы деревянного «срубного в чашу» строительства, обработки брёвен. До того их жилые постройки были примитивными, в виде длинного двускатного шалаша с крышей, опертой на два ряда внутренних столбов, стены, грубо сложенные из камня. Большую часть этих холодных построек занимал скот, в одном конце у открытого очага ютились люди. Выходит – украли, как нынче по-вашему – «ноу-хау». Однажды, разграбив очередную деревню, с удивлением обнаружили развешенные на просушке выкрашенные ткани. Рядом котлы с заваренными травяными красителями. Забрали с собой пучки соответствующих растений. Стали красить у себя и сами».

– А чем тогда красили у нас? – спросил Яромир – что использовали для крашения русичи?

– Да, более двух десятков растений. Некоторые из них применялись целиком: это бессмертник, вереск, манжетка, череда, недотрога, василёк, в ход шли и листья березы. У орешника и дикой яблони для этих целей брали кору. Листья и стебли плауна, а также цветы сурепицы использовали при работе с шерстью, а купальницу применяли только для холста. Коричневый цвет получали на основе коры, листьев и ягод крушины ольховидной. Он был устойчив к выцветанию. Использовались и корни растений, в частности, сабельника. Для шерсти пользовались корнями зверобоя. «Краснели» ткани в отваре лебеды. Голубизну полотну придавали с помощью коры ясеня, цветов василька или горечавки. Яго-

ды черники использовались для окрашивания льна в голубой цвет, а шерсти – в синий. Ягоды ежевики придавали тканям малиновую и фиолетовую окраску, а кора дуба с добавлением ржавого железа – от темно-синей до черной.

«Нет, свой он был Рюрик и его друзья-братья Трувор с Синеусом» – продолжил Волхв. – «ведь, нет ни одного источника в котором бы, скандинавы называли бы себя, или своих воинов, или своих морских разбойников Варягами или Русами. Нет и ни одной саги, повествующей о том, что Новгород присылал послов с просьбой владеть ими, не каждый же день к ним приходили чуждые народы с просьбой "дайте нам князя" ... Если бы Варяги Рюрика были бы скандинавами, то они, непременно, оказали бы влияние на и язык, однако летописец говорит, что славянский и русский язык – один и тот же: "а Словеньскыи аезыкъ и Роускыи одно естъ».

Расскажу тебе еще об одном курьезе. Вспомни описание языческого святилища, возведенного в 980 году Владимиром: «И нача княжити Володимеръ в Киев ... единъ, и постави кумиры на холму вн двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усь златъ, и Хърса Дажьбога, и Стрибога, и Семарьгла, и Мокошь. И жряху имъ, наричюще я богы».

Что за «Семаргл», ведь не было такого божества у славян? Как только не определяли его ваши книжники. Симвург – волшебная птица из иранских легенд, Сенмурва – существо с головой и лапами пса, защитник восходов, потом Сима

и Регла, что потом вытесняется именем Переплута. Но кумирами могли быть только человекоподобные персонажи. Да, и в отношении «Семарьгла» нет ни названий мест, ни личных имен, ни преданий, ни песен, ни поговорок, что характерно для всех прочих божеств тех времен. Семарьгл буквально повисает в воздухе. Он считается «заимствованным» у племен, которые о нем ничего не знали и не могли знать, он оказывается совершенно забытым в тех слоях общества, где о языческих богах и обрядах, в особенности той сферы, к которой он должен принадлежать, помнили дольше всего. Поскольку же божество такого масштаба и, относящееся к такого рода культу не могло сгинуть бесследно, мы имеем полное право предполагать, что произошла ошибка, и его имя изначально было искажено писцом, впоследствии же – описка была растиражирована многократным переписыванием, и в составе цитаты из летописи попала в Поучения против язычества. С точки зрения русского христианина тех времен, а особенно представителя духовенства, к которым, естественно, принадлежали авторы летописей и таких поучений, языческие Боги были «бесами», любое упоминание которых было деянием рискованным с точки зрения спасения души и прямо осуждалось.

Тут возможно произошла и ошибка, закрепленная механическим воспроизведением первоисточника (как бы снимавшем с переписчика ответственность за воспроизведение «бесовских» имен). Подобные примеры имели место и позднее

– ошибка писца, прочитавшего летописное описание Перуна «усь златъ», как имя «Услад», надолго поселила это химерическое «божество» в описаниях славянского язычества. Переписчики приняли за две буквы – «ыг» – одну, «ы». следует не «Семарыгла», а «Сем Ярыла» (напомню, что древнерусское «Я» писалось как «ia»). Ярила, его облик – юноша в белом одеянии, на белом коне, в зеленом венке, которого встречают весной. Интересно, что в ряде русских регионов погребаемую летом куклу зовут не Ярилом, а Семиком, и Семиком у русских вообще называются весенне-летние земледельческие праздники.

Подобные курьезы породили постулаты, что укрепились в вашем сознании, в масскультуре. Трудно было «отжать» из древних былин нужное для творимой властной истории. Первые попытки решить эту задачу взаимосвязи былин и истории начались еще в шестнадцатом веке автором Никоновской летописи, конечно, на свой лад, вводя в текст былинных героев – Александра (Алешу) Поповича и Василия Буслаева. Именно он первым «превратил» былинного Владимира Красно Солнышко во Владимира I Святославича, крестителя Руси.

Новые поколения уверенно шли по его следам. Так, писатель «века золотого Екатерины» Василий Левшин написал по мотивам былин «Русские сказки» – вдохновившие, кстати, Пушкина на создание «Руслана и Людмилы». В них Левшин также отождествляет «Владимира Святославича Киев-

скаго и всея России» с былинным князем. Однако, «Святославичем» он называет князя лишь в авторском предисловии, тогда как в самих «Сказках» он «Славный князь Владимир Киевский солнышко Всеславьевич !».

Вслед за Левшиным первый издатель «Слова о полку Игореве», приводя былинную цитату из «Древних российских стихотворений» Кириши Данилова, заменяет в ней отчество «Всеславич» на «правильное» «Святославич» – последнее в былинах появляется чуть ли не в XX веке. Наконец, это отождествление узаконивает своим авторитетом Карамзин – и после него оно считается общим местом, едва ли не аксиомой. Любопытное замечание Василия Татищева, связывавшего, кажется, слышанные им от «скоморохов песни старинные о князе Владимире» не с крестителем Руси, а с древним языческим князем того же имени, предком призвавшего Рюрика Гостомысла, осталось, насколько мне известно, незамеченным.

Вот ещё. Первые известия о богатырских мощах в Киево-Печерской лавре не называют их обладателя Муромцем. Посол австрийского императора Рудольфа II к запорожцам, иезуит Эрих Лясотта, первый описывает в 1594 году останки «исполина Ильи Моровлина». Двадцатью годами ранее, вне связи с мощами и лаврой, оршанский староста Филон Кмита Чернобыльский в письме Троцкому кастеляну Остафию Воловичу упоминает былинного богатыря Илью Муравленина. Еще в конце XIX – начале XX века русские ученые

Иловайский и Соколов убедительно доказали, что причиной превращения Муравленина в крестьянского сына Муромца стало появление в начале XVII века сподвижника известного повстанца Ивана Болотникова, казака-самозванца Илейки Иванова сына Муромца, выдававшего себя за несуществующего «царевича Петра». Про других былинных богатырей – Алешу, Добрыню, Святогора и прочих – подобных легенд нет, и муромские предания о ключе, забившем из-под копыт коня Ильи, или о холме, вставшем там, где он бросил шапку, примыкают не к былинам, а к разбойничьим историям. И только позднее их связали с былинным тезкой самозванца. Сам же богатырь много древнее: его имя, как мы увидим, возникает в германских легендах и шведских сагах в XI—XIII веках.

Культ «святого Ильи Муромца» расцветает к концу семнадцатого столетия. Во время Никонова Раскола в русской церкви многочисленные паломники в Киево-Печерскую лавру устремлялись к мощам святого богатыря.

Теперь, о Владимире, князе-крестителе Руси, ныне канонизированном православной церковью. Не правда ли странно, применительно к этому персонажу, слышать эпитет «Красное солнышко». Ведь Солнце, да ещё Красное – это главный сакральный символ Родноверия, почитания основы всего живого на Земле. В те «былинные» времена «Красного солнышка» правитель являлся воплощением идеи Центра, как такового, должен быть «неподвижен». Он, былин-

ный Владимир, «никогда... не участвует в сражениях, сидит в Киеве и, по сути дела, является основным «сиднем» нашей народной поэзии». «Царь русов» никогда «не сходит с престола» и «не имеет другого дела, как сочетаться с девушками и пить». Действительно, считать Владимира «организатором обороны и военных действий», можно, лишь закрыв глаза на сами былины. В тех редчайших случаях, когда Владимир пытается как-то вмешаться в военные дела, он получает резкую отповедь былинного Ильи Муромца:

«А ты Владимир-князь да Святослаевич,
Убирайсе ты ко своей княгины Апрексеньи-то
И ты ей же да все распоряжайся же
А до нас-то тебе да все же дела нет...»

Это отнюдь не грубость в адрес нелюбимого правителя, а простое подчеркивание его функций. Военными же делами Киева тогда ведает не князь Владимир, не имеющий никаких воинских функций, а воевода Илья Муромец. Он «командует войском» и «нападает на врагов» – былинных «татар». Былинный Владимир «Ясно солнышко» – не вождь дружины, как его летописный тезка со своими отцом и дедом, а священный царь первобытной эпохи».

Волхв продолжил. «Знаю, ты изучаешь найденные здесь берестяные грамоты. Обращал ли внимание, что в них немало женских имен новгородок и их современниц из других

городов – Милуша, Великая Коса, Передслава, Сторонька, Нежка, Втора, Неделька? Правда, таких имен все же, много меньше, чем обозначений женщин по имени мужа: Тешковая, Полюжая, Путковая, Надейковая, Нежаткина, Давыжая, Павловая, Иванья – мы никогда не узнаем, как звали этих новгородок, жен Тешко, Полюда, Путко, Надейко, Нежатко, Давыда, Павла, Ивана. Как думаешь, в каком качестве появляются в грамотах все эти «несчастные» и обездоленные жертвы "домостроевщины"? Как ни странно, в качестве равноправных финансовых и торговых партнеров, вполне себе юридических лиц. Они берут или дают в долг, продают и покупают. А мужья? Сейчас уже не скажешь. В деловой поездке, может быть. Или, скажем – вполне может быть – муж не очень надежен, пьет, скажем, а жене доверяют. Или просто жена ведет свои собственные торговые дела, параллельно мужним. Для сравнения – в римском праве того времени женщина не являлась юридическим лицом в принципе. Она была живой собственностью "патер фамилия", никаких прав у нее не было вовсе.

Вот еще о новгородских грамотах, датируемых XII веком. Ты обратил, наверное, внимание на частое упоминание некой Марены. Так новгородский боярин Петр Михайлович – просит Марену оказать влияние на князя(!), некий Завид требует от неизвестного адресата, чтобы он (она?) велел(а) тому из своих сыновей, у которого есть зерно, отдать дань Марене. В другой грамоте Петр (возможно, тот же, что и в

первой грамоте) – велит какому-то Демше выдать шесть гривен Микуле, но только "перед Мареной" и никак иначе, а вот Ярко гривен не давать ни при каких условиях, как бы тот ни упрашивал.

И хотя 1166 году епископ Новгородский Илья утверждал, что земля Новгородская "крещена", и поминал, как очевидец, "первых попов", ваши археологи обнаружили в Новгороде XII столетия великое множество следов языческих обрядов – идолов, следов жертвенных пиров и заклания животных, ритуальных масок, гуслей и сосудов. Знай, что превращение Мары-Марены в основной лик Великой Матери, Пряхи Судеб произошло в Новгороде, ведь, население одного из трех древнейших концов Новгорода, Людина, составляли кривичи. Они почитали Марену, как Богиню не только, и, может быть, не столько зимы и смерти, сколько судьбы и плодородия. Тем более, что грамоты с ее именем найдены как раз в Людином конце, кривичской части Новгорода. Будешь помнить, что грамоты с упоминанием Марены из заурядных бытовых писем стали бесценным памятником духовной жизни великого русского города эпохи двоеверия. Увидимся с тобой завтра и продолжим».

Они вновь встретились у Вечевой площади Дворища, неспешно вышли к Волхову.

«Знаю, ты часто разглядываешь картины поверженья тех последних Волхвов», – продолжил Волхв. – «на самом деле сопротивление не прекращалось веками, её потаённые спо-

лохи можно обнаружить даже и ныне. Сегодня расскажу о последнем, блистательном ярком «князем» отпоре.

Это произошло в то время, когда дружины, осенённые стягами с изображениями, с одной стороны, креста и ликов святых и символов Солнца и Грома – с другой, еще сходились на кровавых полях. Тогда у Брячислава Изяславича Полоцкого, внука несчастной Рогнеды, родился сын Всеслав. Про него в летописи сказано, что родился-де полоцкий князь «от волхвованья». Якобы на его голове всю жизнь оставалась какая-то «науза» – языческий амулет, и в результате этого полоцкий князь был «жесток на кровопролитье». От какого «волхвованья» был зачат Всеслав, понять трудно, но несколько раскрывает глаза на происходящее одна много более поздняя история: когда великий князь Московский Василий III женился на юной Елене Глинской, сам при этом будучи в весьма почтенных летах, ему якобы пришлось прибегнуть к помощи чародеев, чтоб зачать молодой жене сына. От этого-де сын, Иван Васильевич, будущий первый царь Руси, которому суждено было остаться в её истории под прозвищем Грозного, вырос жестоким и кровавым. Если кровожадность православного царя несомненна, то доказательств «жестокости на кровопролитие» полоцкого государя не найти даже в летописях его врагов. Напротив, жестокими там выглядят его противники, князья Ярославичи (сыновья Ярослава, позже прозванного Мудрым) – Изяслав, Святослав и Всеволод. Впрочем, всё по порядку. «Полоцкой» летописи

до вас не дошло. По некоторым сведениям, она погибла в пожаре Москвы 1812 года, том же, что поглотил подлинник рукописи «Слова о полку Игореве» и множество других бесценных источников. Об этом, конечно, можно только сожалеть, ибо, в ней мы могли бы увидеть совсем иное отражение взаимоотношений полоцкого князя и Ярославичей. Однако кое-что можно вычитать и в «Повести временных лет» – монахи Киево-Печерского монастыря, где создавалась летопись, находились в сложных отношениях с киевскими князьями, да и искажать события люди Средневековья умели плохо, до изошрённого вранья XX века им было ещё очень и очень далеко. Там сообщается, что в результате очередной битвы властолюбивый «Злой Хромец» Ярослав, скрепя сердце всё же вынужден был смириться с независимостью Полоцка, независимостью не только политической, но, возможно, и духовной.

До какого-то периода отношения Полоцка с Киевом были мирными. В середине XI столетия из степей к русским пределам подошли новые кочевые племена, родственные печенегам – гузы, или, как называли их на Руси, торки. Все-слав Брючиславич не остался в стороне от общерусского дела, вышел на реку Рось, навстречу кочевникам, с другими князьями. Впечатлённые русской силой, торки просили мира и получили его, поселившись в качестве союзников у русских границ, южнее реки Рось – теперь граница Руси с кочевым миром пролегла здесь, в одном конном переходе от

Киева. Времена Олега, Игоря, Святослава, правда, остались в прошлом, времена побед над кочевниками, пусть и более скромных, Владимира Мономаха ещё не настали. Несколько позднее Всеслав предпринял поход на Псков. Псков, как и родной город Всеслава Брючиславича, был населён кривичами – одним из восточнославянских народов. Там Всеслав, судя по всему, пытался восстановить союз племён, «княжение» кривичей. Вероятно, он хотел и освободить псковского князя Судислава, возможного соратника в борьбе с киевскими князьями. Тому воистину не за что было любить Ярославичей – в своё время «Злой Хромец» бросил его в темницу, да ещё в собственном Пскове, где несчастный просидел двадцать четыре года. Впрочем, хорошо было уже то, что беднягу оставили в живых – он был слишком близким соседом Новгорода, чтобы его смерть можно было спихнуть на проски «окаянного» Святополка.

В 1066 году Всеслав ударил на Новгород. Ваш город тоже был частью Кривичской земли, и один из трёх старейших городских районов-концов, Людин, или Гончарный, заселяли, по мнению археологов, именно кривичи. Новгород Всеслав взял. Несколько странно, что, безуспешно осаждая Псков, в те годы совсем крохотный, полоцкий князь добился полного успеха под стенами Новгорода. Очень возможно, что ему помогали изнутри – те же жители Людина конца, для которых правитель Полоцкого княжества был их, кривичским, государем. В Новгороде Всеслав разгромил выстроенный Яро-

славом храм Святой Софии. Он снял с неё колокола и светильники-паникадила, как бы выколол глаза и отрезав язык главной христианской святыне Новгородской земли. Колокола и паникадила были отправлены в Полоцк и нашли себе место в выстроенной отцом Всеслава в 1040-х годах Софии Полоцкой – соборе-тёжке знаменитых храмов Константинополя, Новгорода и Киева. Сам Всеслав Брючиславич в друзьях новой религии не значился совершенно определённо. Иначе не объяснишь ни, «ритуальную» расправу с христианским собором в Новгороде, ни ауру языческих легенд о «волхвованье», наузах, оборотничестве вокруг полоцкого князя, якобы способного в ночи, «окутавшись синей мглой», то «лютым зверем», то волком, преодолевать чудовищные расстояния – от Новгорода до белорусской речки Немиги, от Киева до крымского Тмутороканя. После его посещения в новгородском Софийском соборе остались следы кострищ —видимо, в главном храме новгородских христиан справляли языческие обряды.

Братья Ярославичи равнодушными к походу полоцкого язычника не остались. Очень скоро их войско обрушилось... нет, не на Всеслава, а на оставшуюся без защиты Полоцкую землю. Напав на богатый город Менск (ныне Минск), «христолюбивые» братья разграбили его дотла, истребили мужское население, а детей и жён угнали в плен. Вообще, нападения киевских князей на Полоцкое княжество описываются в летописи – Киевской! – и как небывало жестокие для

войн между русичами. Тот же Всеслав, хотя и называет его летописец «немилостивым на кровопролитие», в захваченном Новгороде не вёл себя свирепо. Именно Всеслав, который, по словам летописцев и автора «Слова о полку Игореве», есть «рождённый от волхвованья» оборотень, носящий языческие наузы, творящий ворожбу, не замечен в подобном поведении, в нём проявились именно христоролюбивые Изяславичи, не оставившие в городе в живых «ни челядина, ни скотины». То есть война, которую Ярославичи вели с Полоцким княжеством, шла по тем правилам, по которым воевали христиане с язычниками. И правила такой войны заданы не где-нибудь, а в самой Библии:

«А в городах сих народов, которые господь, бог твой, даёт тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души» (Втор., 20:16),

«и взяли город... и все, что в городе, и мужей, и жен, и молодых, и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребили мечом» (Ис. Нав. 6:19-20),

Услышав о разорении своей земли, полоцкий князь ринулся навстречу захватчикам. На реке Немиге полоцкая рать столкнулась с киевской. Всеслава вызвали на переговоры, и все трое Ярославичей целовали крест, то есть присягали на кресте, заверяя полоцкого государя в его полнейшей без-

опасности. Поверив, Всеслав прибывает на переговоры с сыновьями – Борисом и Ростиславом – и... попадает в коварную ловушку. Князя и двух княжичей, заковав в кандалы, отправляют в Киев. Там бы ему и сгинуть, но...

Но в 1068 году у границ Руси появляется новый враг – половцы (на западе их называют куманами, на востоке – кипчаками). Тюрки, как и печенеги с торками, они принадлежат всё же к другой ветви тюркских народов. Навстречу ордам половцев хана Шарукана вышло киевское войско, возглавляемое Изяславом, Святославом и Всеволодом. На реке Альте противники встретились, и оказалось, что справиться с сильным противником несколько труднее, чем резать и грабить оставшихся без княжьей защиты минчан. Войско трёх князей было разбито наголову, Святослав вместе с младшим, Всеволодом, и с остатками дружины бросился в Чернигов, а старший, Изяслав, в Киев. Половцы, не торопясь лезть в конном строю на городские укрепления, принялись грабить богатые южные сёла. Киевляне собрались на вече и потребовали у Изяслава выдать им коней и оружие. Прямо с вечевой площади толпа повалила на воеводский двор, после этого киевляне разделились на две части – одна отправилась спасать из княжьей тюрьмы какую-то загадочную «дружину нашу», другая – ринулась через мост на двор самого киевского государя. Киевляне, очевидно, дождавшись подхода остальных горожан с освобождённой загадочной «дружиной», ринулись к порубу, где томился Всеслав. И тот с сыновьями были осво-

бождены. Так Киев обрёл нового, своего князя. Всеслав, потомок старшей ветви сыновей Владимира, взошёл, по праву старшинства и воле народа, на киевский престол. Это произошло 15 сентября 1068 года.

О семи месяцах, проведенных князем-волкодлаком на престоле Матери Городов Русских, летопись говорит крайне скупо. Решительно ничего не сказано о том, что случилось после водворения Всеслава Брючиславича на киевский престол с воинственными настроениями киевлян. Но летопись много о чём «красноречиво» умалчивает. Вспомни, что в «Слове о полку Игореве» походом на Тьмуторокань обозначается не просто некое странствие за тридевять земель, в тридевятое царство, а поход на половцев. И скорее всего, именно ополчение киевлян во главе с князем-чародеем отшвырнуло кочевников от столицы. Впрочем, это мог сделать за него летописец Киево-Печерской обители, чей игумен, Никон, откровенно симпатизировал черниговским князьям. И ещё один заслуживающий внимания факт – в том же «Слове о полку...» сообщается, что «Всеслав князьям города делил». Не эти ли наши города «делил» другим князьям, ставший киевским князем Всеслав? Но в таком случае приходится признать, что младшие братья изгнанного Изяслава сочли выбор киевского решения вполне законным и признали право полоцкого оборотня наделять их городами! Если так – это лишний довод в пользу того, что Всеслав приложил руку к разгрому орды Шарукана, и приложил очень серьёзно. Но

победа далась нелегко – а с запада уже двигалась на Киев новая гроза.

Изяслав с сыном Мстиславом даром времени не теряли. Они бросились в Польшу – очевидно, не рассчитывая на поддержку в Русских землях.

В лесах и болотах Полесья еще до XIX столетия молились Перуну и Яриле, а в Волынских землях только после монгольского нашествия угасли жертвенники огромных святилищ, так что это были не те края, где можно было бы искать управы на князя-оборотня, князя-чародея. С востока шли половцы, на юге лежала легко доступная их конным ордам степь, на севере – владения кривичей, подданных оборотня – там-то Ярославичей, пожалуй, встретили бы ещё «теплей», чем в половецкой степи. Поэтому, потомки «Злого Хромца» кинулись искать прибежища в ближайшей христианской столице – польском Кракове.

Подумай, чего ради киевлянам делать своим вождём человека с другого края необъятной Руси, правителя земли, которую они недавно жестоко разоряли? Чем привлекателен для них стал низвергнутый государь дальнего Полоцка? И кому в Киеве он, Всеслав Чародей. Волкудлак. «Рождённый от волхвованья мог быть нужен?

Напрашивается один ответ». Ратовали за него те же «невегласи», которые внимали киевскому жрецу Пятерых. А 15 сентября 1068 года в городе Киеве произошёл не просто «мятеж велик». В городе, в котором убили епископа и вы-

брали в князя волкодлака из дремучих полоцких лесов и болот, в которых ещё восемь веков будут славить Перуна и Ярилу, произошёл языческий переворот.

Именно поэтому вместе на Киев двинулись православные князя Ярославичи, Изяслав вместе с сыном, Мстиславом, и рыцари князя-католика Болеслава. Распри между уже разделившимися и успевшими взаимно отлучить друг дружку церквями были отложены в сторону перед лицом пробудившегося общего врага – древней Веры славян.

В Киеве в это время не будет князя. Где был Всеслав, в походе ли на половцев – если уж действительно был его целью дальний город Тьмуторокань – или, как утверждает летописец, кинулся в свой край, лежавший на пути карателей, я сказать не могу.

Окончательно Киев был взят той западной «Антантой». Семьдесят горожан были казнены по обвинению в освобождении Всеслава (само по себе примечательно – не в том вина, что взбунтовались против князя, а в том, что выпустили на волю языческое чудище-волкодлака!). В первый раз на Руси ослепили множество причастных к восстанию (вот она, византийская культура – поневоле вспоминаешь, как Василий, современник крестителя Руси, пленных болгар ослеплял чуть не полками, оставляя на сотню ослеплённых пленных одного одноглазого – в провожатые). Тех же, кого попросту, безо всякого суда, зарубили каратели Мстислава Изяславича, никто не считал. Летописец просто говорит – «без

числа».

Это было последнее крупное сражение столетней гражданской войны за стольный Киев. По трупам киевлян поднялась на Гору и водворилась на ней власть преемников Владимира и принесенная им народу «огнём и мечом» новая вера.

Всеслав ещё долго сражался. Но дело кончилось не в его пользу. Родной удел он отстоял – Полоцкому княжеству предстояло пасть двумя веками позже, под напором литвинов и тевтонских рыцарей-крестоносцев. Времена чародеев и навьев в Полоцке подошли к концу. Через век после Всеслава поэт-язычник завершит рассказ о князе-оборотне словами другого оборотня и чародея – Бояна, Велесова внука: «Ни хитрому, ни гораздому, не знающему знамения птичьи, не избежать судьбы». Победив врагов на полях сражений, полоцкий государь проиграл Судьбе, или, если угодно, истории.

Нам же важно помнить, дорогой Яромир, что война христиан Ярославичей с Всеславом Чародеем была ярким, но лишь одним эпизодом столетней гражданской, развязанной сыном хазарской рабыни в 988 году. Эта война продолжалась уже и далее, подспудно, всполохами вплоть до 17 века, передав кровавую «эстафету» Никоновскому расколу, началу второй гражданской войны на Руси и её новым жертвам».

«Я много рассказал тебе, Яромир», – молвил напоследок Волхв, – «рад был встречи с тобой. Знаю – ты наш потомок и наследник. Тебе много дано, и ты много передашь людям,

оставишь о себе добрую память. Эта эстафета незрима, но не прервётся никогда. Прощай. Дай обниму тебя».

7. Путешествие в русский Раскол. Вторая Гражданская

Яромир и Влад Решетников продолжали упорно трудиться, и им не было равных. Почти весь первый этаж музея, залы «деревянных веков» средневекового города, были оформлены ими. Многие экспонаты требовали умения и таланта этих мастеров, порой, ювелирной реставрации. Почти полгода Решетников творил уникальный музейный экспонат, копию фрагмента церковной фрески, чудом сохранившейся в одном из древних храмов города. Аутентично выполнил объёмную имитацию естественных неровностей и шероховатостей церковной стены. Рисунок фрески воспроизвёл по своей уникальной технологии, почти, как по мокрой штукатурке. В эти месяцы титанической работы Яромир и семья Влада с тремя детьми жили почти впроголодь. До поры, Влада немного выручала поздняя подработка дворником на территории детского сада, куда с трудом удалось устроиться. Однако, к утру после ночных игрищ «хорошо посидевших» тут взрослых, площадка снова покрывалась окурками и пустыми бутылками, часто битыми. Пришлось уйти, беречь силы для основной работы. Яромир, бывало, одалживал Решетникову небольшие, совсем не лишние у него, деньги. Если друг просил «трёшку», давал пять, лукавил, говорил, что имеется

только такая купюра. Возвращаемый долг никогда не брал. Отнекивался: «Разве я тебе, что-то давал?... Ну, была возможность. Будет у тебя, дашь и ты кому-то нуждающемуся».

При сдаче очередной работы оказалось, что существующие расценки позволяли заплатить им за полгода труда всего лишь месячную зарплату. Такие уникальные художественно-реставрационные работы, оказалось, не были нормированы. Вопрос мог быть решен только в столичном профильном институте. Туда со своими доводами на заседание методического совета и засобирался Яромир. Билет на поезд был взят, и он готовился в дорогу.

Ольгу, молодого специалиста архитектора-реставратора из Пскова, впервые командировали в Новгород. С Яромиром их связывала какая-то незримая нить. Ей так показалось уже при их первом знакомстве. Что-то неуловимое влекло к нему, и в этой поездке ей мечталось нечто большее.

Новгород неожиданно встретил летним проливным дождем. Телефона в башне Яромира, конечно, не было, всё случилось внезапно. Пошла с вокзала наугад, примерно знала по его рассказу куда.

Он столкнулся с ней на пороге, влага, стекая с её намоченного одеяния, очертила на полу уже небольшую лужицу. От неожиданности Яромир не поверил глазам, сразу вспомнилась сказка Андерсена «Принцесса на горошине», что читала в детстве ему мать: «...У ворот стояла принцесса. Боже мой, на кого она была похожа от дождя и непогоды! Вода

стекала с её волос и платья, стекала прямо в носки башмаков и вытекала из пяток, а она говорила, что она настоящая принцесса...»

В его Башне, чтобы переодеться, женского ничего быть не могло. Он открыл свой резной сундук, нашел то, что искал. Протянул ей свою, вышитую красным узором, льняную рубаху. Покраснел и сам. Она скрылась за створкой шкафа, с трудом стянула прилипшее платье. Прodelа руки в рукава этой его рубахи, и ткань мягко покрыла плечи и спину. Его одежда теперь обнимала ее, такое похожее на его тело. В этом случилось странное их соединение. Она закатала рукава. Луч солнца высветил пушок светлых волосинок, приподнявшихся на озябшей коже её запястий. Он почувствовал нахлынувшую нежность. От сочувствия к этой, такой же как и он, высокой худощавой девушке, облаченной в его рубаху, к горлу Яромира подкатил ком. Он ощутил, что так страстно не желал еще никого. От этого в его душе будто сжалась некая тугая пружина, энергии которой, с лихвой хватит его любви к ней до конца совместного жизненного пути. Она повернулась, чтобы он расправил складку рубахи на ее спине и Яромир задохнулся ароматом ее кожи. Высыхающие волосы Ольги пушисто светились вокруг головы, он любовался их светящимся нимбом. Видел, как у её ключицы мягко пульсировала голубая жилка. Когда она заснула, он рассматривал вены на её висках и запястьях, Чувствовал аромат её губ. Сквозь одежду он чувствовал её тёплое дыхание. Он лёг ря-

дом, они обнялись.

У Яромира началась новая жизнь – любви и страха. Страх, что она может исчезнуть так же неожиданно, как появилась в его жизни. Вдруг, этот драгоценный подарок судьбы ему доставили по-ошибке, и вот-вот попросят вернуть?

Следующим утром он был в Москве. Их вопрос решился, но только вполовину. Всё равно вышло, будто несколько месяцев они проработали бесплатно. Ну, хоть так.

Перед вечерним поездом обратно, коротая время, он зашел в Третьяковку. Бывал тут и раньше, помнил любимые залы. В этот раз будто специально ноги привели к полотну Сурикова «Боярыня Морозова». В этом образе Яромир узнавал свою мать, она и внешне была похожа. Как зачарованный он не мог оторвать взгляда. И, словно межвременной портал, картина вобрала его, поглотила, переместив в те драматичные времена 17 века, годы русского церковного Раскола, как оказалось – раскола всего общества, два века очередной «тихой» гражданской войны, скрытого неповиновения, пожаров самосожжения и огромных напрасных жертв.

Память нации каждому крупному историческому персонажу стремится придать цельный, законченный облик, как бы творит «изваяние». Иногда о нём можно говорить лишь условно, как о некоем ощущении, складывающемся из разных фактов, оценок, эмоций, существующим как образ, не нуждающимся в доказательствах. Но в некоторых случаях «изваяние» исторического деятеля явственно формирует

словесную или визуальную форму. Это произошло с боярыней Федосьей Прокопьевной Морозовой, которая в памяти России осталась такой, как ее написал В. И. Суриков, удивительно ярко представив эту замечательную женщину. Суриковская Морозова, безусловно, стала «вечным маяком и спутником» русского человека.

Древнерусский человек жил и мыслил в рамках религиозного сознания. Он «окормлялся» верой как насущным хлебом. В Древней Руси было сколько угодно еретиков и вероотступников, но не было атеистов. Боярыня Морозова – это сильный, но не фанатичный характер, без тени угрюмства, недаром Аввакум писал о ней как о «жене веселообразной и любовной» (любезной). Ей вовсе не чужды были человеческие страсти и слабости. Ведь, после смерти старого мужа Морозова осталась молодой, тридцатилетней вдовой. Она «томила» тело власяницей, но и власяница помогала не всегда. На картине боярыня обращается к московской толпе, к простолюдинам – к страннику с посохом, к старухе-нищенке, к юродивому, и они не скрывают своего сочувствия вельможной узнице. Так и было: мы знаем, что за старую веру поднялись низы, для которых посягательство властей на освященный веками обряд означало посягательство на весь уклад жизни, означало насилие и гнет. В доме боярыни находили хлеб и кров все, странники, нищие, и юродивые. Мы знаем, что люди ее сословия ставили Морозовой в вину как раз приверженность к «простецам»: «Приимала еси в дом...

юродивых и прочих таковых... их учения держася». Но был еще один человек, к которому в тот ноябрьский день простирала два перста Морозова, для которого она бряцала цепями. Этот человек – царь Алексей Михайлович.

Боярыня Морозова в национальном сознании превратилась в символ народного сопротивления, которое известно под названием Раскола. У этого движения два героя-символа: протопоп Аввакум и боярыня Морозова, духовный отец и духовная дочь, два борца и две жертвы. Но воителей, страдальцев и жертв в начале раскола были многие тысячи. Почему в исторической памяти остался Аввакум – понятно. Он гениален, обладал совершенно исключительным даром слова – и, следовательно, даром убеждения. Но почему Россия остановила выбор на Морозовой? – задумался Полистьев.

В XV—XVI веках Морозовы имели исключительно высокое положение. В полуторастолетний промежуток от Ивана III до Смуты из этой фамилии вышло до тридцати думцев, бояр и окольничих. Опалы и казни Грозного не обошли Морозовых, и хотя к моменту воцарения Романовых остались считанные представители этого рода, которому суждено было пресечься в XVII веке, но именно время правления двух первых Романовых было для Морозовых временем наибольших успехов. Ее окружало не только богатство, но и роскошь. Роскошным был ее московский дом. Роскошь проникала и в подмосковные вотчины, что тогда было ново и непривычно. Дело в том, что по старинной традиции

боярские вотчины имели чисто хозяйственное назначение. Первым эту традицию нарушил царь Алексей Михайлович, который завел под Москвой несколько роскошных усадеб. Среди них выделялись Измайлово и Коломенское, «восьмое чудо света». Народ признал Морозову своей заступницей именно потому, что она добровольно «отрясла прах» богатства и роскоши, добровольно сравнялась с «простецами».

Яромир кожей чувствовал мотивы поведения тогдашней московской знати. Примерял себе судьбу боярыни. Смог ли он быть столь же стойким? Понимал, что знать одинакова во все времена. Ну, а тогда, не преуспев в попытках образумить заблудшую овцу, увидев, что тщетны даже призывы к ее материнским чувствам, знатная элита все же долго противилась церковникам, которые с таким рвением вели «дело» боярыни. Яромир слышал, как Питирим в это время кричал: «Утре страдницу в струб!» (т. е. на костер, потому что тогда было принято сжигать людей «в сруб»). Однако «бояре не потянули», и архиереям вначале пришлось уступить. Конечно, знать тогда защищала не столько человека, не Федосью Морозову как таковую, сколько сословные привилегии. Они боялись прецедента.

Бродя по улицам той Москвы, Яромир прислушивался к разговорам. Не все слова мог разобрать в быстрой обыденной речи, но понял, что с дровяного торгового уже привезли в Китай-город «срубец» и собрали на площади недалеко от рыбных рядов, чтобы сжечь днями строптивую Морозову.

Он видел, как слабым и угодливым льстило, что вторую по чину боярыню скоро всадят на костер, как безответную воровку. Кто-то был рад, что великое богатство изымут из бабьих рук и все многие вотчины и поместья пойдут в раздачу и жалованье. Иных эта весть сковала страхом, и они ходили по городу, опустив глаза от боли и сочувствия к несчастной вдове. Полистьев понимал, что именитым боярам возможная казнь Морозовой напомнила бы о мирской тщете, получалось бы — как у последнего ребятишки можно отобрать славное родовое имя, хозяина лишить жизни, презрев прежние заслуги, близость ко Двору, родство и чины. Отдав, пусть вздорную, бабу на казнь, они подпускали тем самым и к своей шее топор палача. Лишь спустя какое-то время, убедившись, что это её дело в сословном отношении безопасно, что оно «не в пример и не в образец», зная от боярыни отреклась. Мог ли Яромир в этом сомневаться? На заблудшую овцу теперь стали смотреть как на овцу паршивую — по пословице «в семье не без урода, а на гумне не без урона». Свидетельства отмечали, что даже Аввакум, бывало, уличал Морозову и в скупости. Однако, Яромир видел, что это была не просто скупость, а домовитость рачительной хозяйки. Морозова по своему положению была «матерая вдова», т. е. вдова, которая управляет вотчинами до совершеннолетия сына. Поэтому она и пеклась о том, «как... дом строен, как славы нажить больше, как... села и деревни стройны». «Матерая вдова» хранила для сына богатства, накопленные его отцом

и дядей. Полистьев не сомневался, что и его мать вела бы себя также. Понимал – боярыня надеялась, что сын, как бы ни сложилась судьба матери, будет жить в «земной славе», приличествующей его знаменитому роду. Боярыня своего сына Ивана очень любила. Чувствуя, что терпению царя приходит конец, что беда у порога, она спешила его женить и советовалась с духовным отцом насчет невесты: «Где мне взять – из добрая ли породы или из обышняя. Которыя породою полутче девицы, те похуже, а те девицы лучше, которыя породою похуже». Мать Яромира тоже несколько раз заводила разговор о его женитьбе, но встречая боль в глазах сына, отступала, полагаясь на Всевышнего.

Полистьев стал свидетелем и разрыва царя с Никоном. Однако, к его разочарованию, противоборство царя Алексея с боярыней Морозовой не прекратилось и после. Царь остался верен церковной реформе, так как она позволяла ему держать церковь под контролем. Его очень беспокоило сопротивление старообрядцев. Он, знал, что дома она молится по старому; видимо, знал (через свояченицу Анну Ильиничну), что боярыня носит власяницу, знал и о переписке ее с заточенным в Пустозерске Аввакумом и о том, что московские ее палаты – пристанище и оплот старообрядцев. Однако решительных шагов царь долго не предпринимал и ограничивался полумерами: отбирал у Морозовой часть вотчин, а потом возвращал их, пытался воздействовать на нее через родственников. В этих колебаниях велика роль печалований

царицы Марии Ильиничны, но не стоит сводить дело лишь к ее заступничеству. Ведь после ее кончины (1669 г.) царь еще два с половиной года щадил Морозову. Судя по всему, он довольствовался «малым лицемерием» Морозовой. Все круто переменилось после ее тайного пострига. Если боярыня Федосья «приличия ради» могла кривить душой, то инокине Феодоре, давшей монашеские обеты, не пристало и «малое лицемерие». Морозова «нача уклоняться» от мирских и религиозных обязанностей, связанных с саном «верховой» (дворцовой) боярыни. 22 января 1671 г. она не явилась на свадьбу царя с Натальей Кирилловной Нарышкиной, сославшись на болезнь. Царь не поверил отговорке и воспринял отказ как тяжкое оскорбление. С этого момента Морозова стала для него личным врагом.

Яромир видел, что народ воспринимает борьбу царя и Морозовой как духовный поединок (а в битве духа соперники всегда равны) и был всецело на стороне «поединщицы». Царь безусловно это прекрасно понимал. Его приказание уморить Морозову голодом в боровской яме, в «тме несветимой», в «задухе земной» поражает не только жестокостью, но и холодным расчетом. Дело даже не в том, что на миру смерть красна. Дело в том, что публичная казнь дает человеку ореол мученичества (если, разумеется, народ на стороне казненного). Этого царь боялся больше всего, боялся, что «будет последняя беда горши первая». Поэтому он обрек Морозову и ее сестру на «тихую», долгую смерть. По-

этому их тела – в рогоже, без отпевания – зарыли внутри стен боровского острога: опасались, как бы старообрядцы не выкопали их «с великою честью, яко святых мучениц мощи». Морозову держали под стражей, пока она была жива. Ее оставили под стражей и после смерти, которая положила конец ее страданиям в ночь с 1 на 2 ноября 1675 г. Полистьев оказался и там. Волей провидения ему надлежало стать свидетелем последней героической агонии боярыни. И умирала она не как житийная героиня, а как Человек. «Раб Христов! – взывала замученная голодом боярыня к сторожившему ее стрельцу: «Есть ли у тебе отец и матери в живых или преставились? И убо аще живы, помолимся о них и о тебе; аще ж умроша – помянем их. Умилосердися, раб Христов! Зело изнемогах от глада и алчу ясти, помилуй мя, даждь ми колачика». И когда тот отказал («Ни, госпоже, боюся»), она из ямы просила у него хотя бы хлебца, хотя бы «мало сухариков», хотя бы яблоко или огурчик – и все напрасно.

Духовный поединок между царем и боярыней закончился, и в глазах народа она навеки осталась Победительницей. Яромир был в этом уверен. Человеческая немощь не умаляет подвига. Напротив, она подчеркивает его величие: чтобы совершить подвиг, нужно быть прежде всего Человеком. Этот урок Яромир выучил на всю жизнь.

В народе прекрасно понимали прозападную сущность церковной реформы Никона. Одно из требований «Медного бунта» 1654 года было прекращение этой реформы. Тогда

из епископов протестовать открыто никто не решился, хотя многие были солидарны с этим. Кроме опасений, за их молчание патриархом каждому было «дарствовано» по 100 рублей. Исключением стал только епископ Павел Коломенский. Инициатива в борьбе за старую веру перешла к простым священникам, а после физического уничтожения большинства из них, к простым мирянам. Павла Коломенского перевели под строгий надзор в новгородский Хутынский монастырь, где он и был убит. «Замечательное» для подобного злодеяния местечко! Зная об этом, Яромир избегал его даже в упоминаниях, ни разу не посетил, поэтому, перенесённой туда из кремля, прах Державина. Официальная версия: «Никто не видел, как погиб бедный: зверями ли похищен или в реку упал и утонул». Старообрядческие источники дают другую версию. В монастыре Павел стал юродствовать Христа ради, что уникально в случае юродивого епископа. Юродивых любили, к ним прислушивались. Обидеть юродивого не смел даже царь. Для Павла это была последняя возможность сохранить жизнь. Однако, как пишет дьякон Феодор, – «Никон посла слуг своих тамо в новгородские пределы, иде же он ходя странствовал. Они же обретоша его в пусте месте идуща и подхвативше его, яко волцы кроткую Христову овцу, и убиша его до смерти, и тело его сожгоша огнем». В апреля 1656 года, в Великий четверг Страстной недели, Павел Коломенский был сожжен в срубе убийцами Никоновыми «яко хлеб Богови испечеса».

В мае 1666 г был расстрижен и проклят вместе со сподвижником диаконом Феодором протопоп Аввакум. Он родился в семье священника. Воспитанием детей занималась мать, как и у Полистьева – Мария. Под ее влиянием у Аввакума с юных лет развивается стремление к аскетизму. Матери он обязан любовью к чтению. Став священником, Аввакум вел поистине подвижнический образ жизни, превратив свою жизнь в непрерывное богослужение. Попавшим с ним в опалу, священнику Лазарю и иноку Епифанию отрезали языки. Через год заключения Аввакума отправили в Пустозерск, у Полярного круга, заключили в «земляную» тюрьму. Жену с двумя сыновьями посадили в яму в Мезени. В этой тюрьме он провел 15 лет.

14 апреля 1682 года, в Страстную пятницу за свои религиозные (христианские!) убеждения Аввакум был сожжен в срубе вместе с Лазарем, Феодором и Епифанием.

После смерти Морозовой и сожжения Пустозерских узников последним оплотом сопротивления никонианству осталась главная святыня Русского Севера – Соловецкий монастырь. Там случилось неслыханное: в ответ на смиренные просьбы братии в мае 1668 года царским указом для приведения в повиновение мятежной обители была послана воинская команда стрельцов, затем подкрепление. Началась чудовищная по своему святотатству восьмилетняя осада монастыря, его блокада, обстрел из пушек и разгром. Ярости и жестокости мучителей не было границ. По списку ново-

го, присланного из Москвы настоятеля, в живых значилось 14 иноков, замучено и растерзано более 500 иноков и бельцов. Земля и камни обагрились кровью страдальцев. Морская губа с запада была завалена телами убитых, заживо замороженных и казненных насельников. Многие тела болтались на виселицах и деревьях. Монастырские святыни были разграблены. Яромир был в числе выживших 14-ти. На долгие месяцы спустя он лишился слуха и почти речи.

Церковные реформы патриарха Никона начались в 1653 году. Именно они раскололи русское общество на два лагеря. И та, «новая» Русь, покорно принявшая никоновские новшества, вскоре должна была испытать на себе очередную волну экспериментов и оплевывания своей веры – духовный сын и продолжатель дела Никона – Петр I уже выкраивал для неё камзол по голландской выкройке и точил топор, чтобы обрубить ненавистную ему русскую бороду, за одно и головы несогласных. Среди болот, на балтийских ветрах, вычерченная по линейке и циркулю, выростала новая столица, которая по замыслу должна была уничтожить всякое упоминание о прежней. Старая же Русь, вольнолюбивая и непокорная, снималась с мест, чтобы отправиться в своё многовековое странствие, взметнуться в небо горящими сжигаемых несогласных, таинственными Китежами скрыться в глубинах озёр. В пустыни и горы, на Север и в сибирские дали уходила сокровенная Русь.

Кто бы знал, какой запах гари витал тогда над Русью. По-

листьев вдохнул его сполна, поперхнулся. Во многих деревнюшках гадали, иль нынче сжечься, иль уйти куда подальше в глухие раменские места, к кержакам в скиты, пусть в чужие земли, лишь бы отстать от царской власти. В безвременье черти из православных веревки выют, а бесы владычат, и много чужого народу, хотящих скорых богатств, прикочевало вдруг в престольную, да все уселись в передний угол к самому пирогу. Вот и колокола сбросили с церкви, лишили русскую землю благодати, перелив на пушки, и бороды сбрили, и в чужие кафтаны обрядили, отняв у народа-простеца Христово обличье, не дав свобод вольно творить и работать. А кто норов высказывал, кто вздумал жить по заповеданному, как Аввакум, тому ноздри рвут, на огне нещадно коптят, гонят сквозь строй и, отняв всё нажитое имение и выжгя на лбу клеймо, ссылают в Сибири. «Да тут непременно надо было гореть, лишь бы не попасть в руки гонителей», – думали многие.

Заплутав в том мрачном «зазеркалье», Полистью выпало встретиться и с Никоном. Внезапно, лицом к лицу. Тот был уже в опале, сослан под надзор в монастырь. Давно не мыт, в полуистлевшей одежде, под ней вериги, с крестом на цепи вокруг шеи.

– Что же ты натворил, душегуб? – не сдержался Яромир прямо в лицо.

– А мне до тебя дела нет, – спокойно отозвался Никон и поднял выцветшие слезящиеся глаза, – это я то душегубец?

Кирилловские монахи прозвали меня живоядцем, хоть я никого не погублял.

– А как же речка Березовка на Тоболе? Их вопль до сих пор в ушах стоит. На Березовке-то тысяча семьсот православных кончили себя в огне. Не слышал? Самоволкой сожглись, только чтобы в твой окаянный вертеп, вашу церковь, не ходить. Ой, Никон, не встречайся с ними Там. Больно злы они на тебя.

Уже новый царь Фёдор Алексеевич, вызволив Никона из ссылки, невольно обрезал себе все пути в прошлое, к родным заповедям, а для Руси духовной – дорогу к миру. Всяким противникам церковных реформ объявлялась суровая война. Вначале казалось, что народ, занятый тяжкими трудами по добыванию хлеба насущного, не примет вызова и с готовностью склонит повинную голову. Но такое странное свойство русского человека, что коли крепко прижимать его, сдирать с него, не спросясь, вековечную шкуру, то он замыкается в себе с затаённой ухмылкой на лице, и всякое новшество тогда, затеянное властями без совета с народом, постепенно уходит в песок, оставляя по себе на поверхности жизни лишь пену, плесень и жалкое уродство задуманного. Покойный Алексей Михайлович, казалось, еще крепко стоял ногами в прошлом, и все домашние мысли его, прочувствованные религиозной душой, были круто замешаны на почве сомнений, тягостных раздумий и колебаний. Полистьев понимал, чтобы поднять Русь на дыбы и встретить её под дых

рогатиной, нужен был молодой отвязный задор, крепкое здоровье, презрение к предкам, нахальство и неуёмная гордыня. Сын Алексея Фёдор был молод и умён, но не крепко здоров. Он, воспитанный Симеоном Полоцким, уже не скорбел по старому, не гордился прошлым великой земли. Фёдор Алексеевич сделал новый шаг к Западу, а за его спиной печальная Русь стала готовить костры самосожжения, собираться к страстям и выискивать меж собой великомученников, уже слыша за спиной неумолимую поступь антихриста, как впоследствии в своём романе определил Петра I Дмитрий Мережковский.

Эта драма страны, её народа глубоко ранила Яромира, сформировала непримиримое отношение к бездушным, сменяющимся как образы калейдоскопа, властным организациям, их жестоким вневременным пассажам. Извинений и покаяний за содеянное он ни от кого не услышал, их не дождался никто, да их и быть не могло. Надменность и спесь не каются, нет такого свойства. Понятно его отношение к церкви как институту. Кроме висевшей на стене Центра небольшой материнской иконы Богородицы, он не был замечен на службах, в явных молениях. Свою душу он стойко сберегал сам. Она светилась, и все близкие, порой отчаявшись, тянулись к нему как к Посвящённому, старались внимать и равняться, ощущая тепло божественной поддержки, да ангельские наставления.

8. Межстоличная провинция на грани 19- 20 веков. Канун третьей Гражданской

Зацвела майская сирень, её куртины покрылись благоуханными гроздьями некоего божественного дара. Дворище наполнилось истомой тепла и ожидания счастья. В эти сиреневые дни будто из глубин души Яромира всегда всплывало ожидание чуда. С годами это чувство не исчезало, приобретая всё новые оттенки. Ожидание чуда не покидало его и в обычные дни, в эти же, казалось, – чудо вот-вот явится, внезапно и без стука. Надежды на возвращение Ольги у Полистьева не исчезали, казалось, она могла бы открыть его дверь в любую минуту. Он желал этого, вспомнил, что прошло ровно девять лет как она впервые нашла его здесь.

Последний год обитания в гриднице этой башни давался ему с трудом. Зимой застудил там поясницу, поднимая тяжелые вёдра и дрова, «сорвал» спину. Однажды пришлось одолжить костыли. Работы в Музее продвигались. Выполненные им с Владом Решетниковым уникальные экспонаты заняли свои места в постоянной экспозиции. Правда, заметил, что на информационных указателях к этим экспонатам их имен, как исполнителей художников-реставраторов отмечено не было. (Что удивительно, – имён этих Мастеров, ны-

не уже признанных, «заслуженных и почётных» также нет). Но, что-то стало меняться, незримо происходить в той, казалось, уже уставшей, «правильной» советской стране. Хлопоча в одном из властных кабинетов, Яромиру намекнули на возможность получения им жилья. Позже предложили несколько вариантов на выбор. Ему захотелось где-нибудь неподалёку с Дворищем. Он свыкся с этим районом Торговой стороны, полюбил его несуетный внутренний, будто потаенный мир. Вечерами прохаживался по его тихим опустевшим улицам, вглядывался в окна первых этажей двухэтажных построек, наблюдал незамысловатую жизнь обитателей, радовался детским голосам. Почти каждый дом тут имел дореволюционную историю, своих ушедших в вечность владельцев. Как не по-доброму большинству из них пришлось с своё время «уйти». На некоторых домах появились скромные таблички ГИОП, вроде – «дом купца имярек, 19 век, памятник регионального значения, охраняется государством». Упоминание владельца, еще и как купца, да так публично было внове. Зачем это, неужели возвращается утраченная некогда гордость за достойных предков? С одной стороны это радовало, но с другой порождало вопросы. Ведь, такое «признание» – это вроде явки с повинной – думал Яромир. Почему собственность не возвращена? Теперь, конечно, наследникам-потомкам. Как можно сдавать в аренду или продавать, выставлять на торги чужую, по-сути, украденную собственность? Почему не принят закон о Реститу-

ции? Ведь, он торжественно принимался одним из первых во всех без исключения странах, стряхнувших прах «коммунизма». Сколько бед принёс стране тот кровавый зигзаг её истории, запаливший и раздувший в стране, уже третью разрушительную Гражданскую войну – снова «брат на брата». Полистьеву вдруг захотелось перенестись в этот провинциальный город еще той России, побывать там накануне разрушительного катаклизма 1917 года. Захотелось увидеть его граждан, понять уклад их жизни, прикоснуться к душам, чаяниям и радостям горожан. Кого просить, думал он, кто смог бы провести меня тут? Однажды белой ночью его просьба была услышана. Прогуливаясь, Яромир ощутил прикосновение теплой ладони к своему плечу.

– Я блаженный Фёдор, столько раз ты был тут рядом с местом моего земного Служения, горнего Успения и погребения у храма Георгия. Я знаю тебя, Яромир, вижу насквозь, радуюсь незамутнённости твоей трепетной, души и отзывчивому сердцу. Пойдем со мной, стану твоим поводырем, и нас никто не увидит». Он продолжил: «Я знаю – мы с тобой «одной крови». Ты, ведь, тоже по-своему блаженный, принявший эти тяжелые испытания во имя высокой миссии. Её ты ощущаешь как цель своей жизни, как приношение Всевышнему. Иначе, кто бы вытерпел все это? С твоими талантами художника, упорством и трудолюбием, – мог бы стать востребованным обеспеченным творцом прекрасного, с заказами не было бы отбоя. Но ты выбрал этот путь. Это тоже

путь к Богу. Был ли мой путь таким же? Я долго раздумывал, оставшись сиротой. Оказался богат, был хорошо образован. Я мог бы успешно продолжить дело отца и на доходы торговли помогать людям. Но однажды мне показалось, что отказавшись от «материи», став простым нищим, блаженным я стану ближе к Богу, заслужу его доверие и право прямоком, без «секретарей и референтов» просить за слабых, обиженных и обделённых. Я сделал это, выдержал сколько мог живой человек из плоти и крови, – дожди и морозы, летнюю жару, моровые вспышки. Меня возвеличила церковь, канонизировала, возвела в круг православных святых. Но это сделали люди. Признал ли меня таким Бог, я не знаю. Хотел бы верить. Теперь я поручитель пред ним за грешных, заблудших, павших духом, творящих свой мирской подвиг. Тогда меня посчитали покровителем новгородской торговли. Да, я как мог способствовал ей. Капиталы нашего Торга росли, многие купцы становились «заморскими», с правом торговли «за морями», как вы говорите ныне – с правом внешнеэкономической торговой деятельности. Таким был и наш новгородский Садко – «заморский гость». Суть успешной торговли – это дешевле купить, успешней, с выгодой дороже продать. Однако, заметил, что привозимые из-за моря товары куплены там весьма дорого, а наше сырьё продается там до обидного дешево. Вроде демпинга. Почти все свечи европейских храмов изготавливались из русского воска, а, ведь, пасеки были и там. Получалось, что основной источ-

ник купеческого дохода это возможность скупать продукцию у наших производителей, конечно крестьян, почти задаром. Может, поэтому наши бедствовали, а в Европе простой люд жил гораздо сытней и краше. Мне это не нравилось, несмотря на немалые купеческие пожертвования церкви. Но я был призван Богом и много сделал для успеха нашего купечества. Помогал им советом, давал прогнозы, отогревал отчаявшиеся души. Нынче об этом никто не помнит, да, и лежу тут в «сырой» земле у храма Георгия на Торгу совсем забытый. Правда, кто-то и вспомнил, просит иногда совета, да ходатайств. А я, к сожалению, не всегда знаю как помочь, мал у меня случился мирской земной опыт. Не знал другого душевного тепла, любви кроме родительской. Жалею теперь. Добросовестно вслушиваюсь в эти просьбы, наполняюсь их трепетом, пытаюсь понять, но пока лишь молчу, мне нечего им сказать, да, боюсь и ошибиться, навредить, направить по ложному пути. Так и с тобой. Мне понравилась твоя Ольга. Знал, что ты любишь её, но просить Всевышнего о её любви к тебе даже нам не дано. Бог наделил каждого из нас чудесным даром – правом личного выбора. Её чувства к тебе – это выбор её сердца, и он неприкосновенен для других, даже святых вроде меня.

Давай начнём с твоей башни. Нынче она увенчана высоким шатром с булавой. Когда-то эту надвратную башню именовали Ярославовой или проездной башней Гостиного двора. Ты, наверное, в своей гриднице чувствуешь мощные

земные токи, это не случайно. Много веков назад здесь тоже была башня с Вечевым колоколом, он возвещал о сборе новгородцев на вечевую площадь близ. Но мы перенесёмся в 19 век, тогда на этом месте сохранялись строения, возведенные в царствование Петра I. Назначение этих построек менялось и в 19 веке. Тогда в примыкающих к башне корпусах располагались уездные приходское мужское и женское училище, столярно-токарная мастерская, учебная переплетная, мастерская «рещицкой» и «выпильной» резьбы по изготовлению наличников и декора деревянных строений. Здесь учили работать также по металлу, изготавливали декоративные ограды, водосточные трубы, оголовки печных труб. Лучшие выпускники получали в подарок комплекты рабочих инструментов. Попечителем училища долгое время был городской голова Григорий Сметанин. Он постоянно оказывал материальную поддержку. Ещё одним из замечательных «окоормителей» этого училища был инспектор училищ – Иван Павлович Можайский. Он похоронен на кладбище Десятинного монастыря, в советское время территорию кладбища выровняли, могилы снесли. Да, это и не удивительно, старожилы шептались, крестясь, что один из его корпусов – «сестринский» помнит расправы над горожанами, не принявшими большевизм. К счастью, Сметанин, прожив долгую жизнь, до революции не дожил. Иначе оказался бы среди тех обречённых. Его не стало 10 января 1900 года в день его рождения, именин и венчания. Он был церков-

ным старостой Софийского и Николо-дворищенского соборов. На свои средства он отремонтировал церковь Параскевы на торгу. Ты видел её из своих окон каждый день. Сметанин родом из новгородских Крестец, после женитьбы переехал в Новгород и всю мощь своего таланта направлял на развитие города и борьбу с бедностью. Был успешным предпринимателем, директором Городского общественного банка. С его избранием городским головой в городе начались разительные перемены, было устроено электрическое освещение в кремле, открыты бесплатная амбулатория, родильный приют. Главное – городской водопровод. Водозабор и насосная водоподъемная станция были возведены тут неподалёку на берегу рядом с Ярославовом дворцом. В тот год он стал Почетным гражданином города. Вся его новгородская жизнь сопровождалась благотворительностью. Он старался это делать незаметно, почти тайно, скрываясь за своими бескорыстными дарами. Среди них и устройство Хутынского шоссе, и приобретение оборудования для того же городского училища, тут и дом трудолюбия с бесплатными столовой, да ночлежкой. К праздникам Рождества, Благовещения и Пасхи он помогал деньгами сотням городским бедняков. Современники считали его образ путеводной звездой для всех будущих руководителей города образцом бескорыстного преданного служения людям. Похоронен Григорий Сметанин на кладбище Антониева монастыря у Рождественского собора. В советский период место погребения утеряно и забыто, что

не удивительно, да, как и его заслуги.

В следующую ночь они продолжили обход этих мест полуторавековой дальности. Оказались среди складов, лавок, развешенных для просушки шкур, рядов деревянных бочек. Гостиный двор, так называли тогда это место. Яромир вспомнил роман Эмиля Золя «Чрево Парижа». Рынок, Торг!

Комплекс сооружений Гостиного двора состоял из торговых, административных зданий, училища, городских присутственных мест (управы). Для управления Гостиным Двором купечество избирало особый наблюдательный совет, ведь, тут было до сотни лавок. В конце 1911 года поднимался вопрос о выделении помещений на 3 и 4-м этажах Воротной башни для размещения коллекции библиотеки и канцелярии Новгородского Общества любителей древности.

Архитектурной доминантой тут был комплекс городских присутственных мест, выходивших на торговую площадь. Здесь заседала Городская дума, а первые этажи занимали торговые лавки. В половине второго этажа размещались помещения Городского общественного банка, рядом примыкала пристройка купеческого клуба. Вблизи располагались ряды «молочной горки». В базарные дни

рядом с воротной башней размещалась «важня» – сенные весы. Тут взвешивали также зерно, муку и масло. В комплекс Гостиного двора входили и ряды торговых лавок между торговой площадью и улицей Большой Михайловской. Яромир видел, как здесь в многочисленных лавках торговали одеж-

дой, пиджаками и брюками, и даже шубами. В центре торговой площади был устроен фонтан с круглым бассейном.

После освобождения города от немецкой оккупации большинство строений Гостиного двора оказались разрушены и восстановлению не подлежали. Были разобраны на кирпичи, на их месте устроен сквер. Это место, где ты любишь бродить ночами.

Следующий раз Фёдор вывел Яромира на главную магистраль Торговой стороны начала 20 века – Большую Московскую улицу. Она сложилась самой оживленной в городе, особенно заметно это было в праздничные вечера. Яромир с Фёдором шли по тротуару из известняковых плит, проезжая часть была булыжного мощения. Стоял конец мая, выходной, кругом гуляли девушки, кавалеры, торговые и чиновные люди, чины городских инспекций, бывшие гимназистки, продавщицы, портняжные мастерицы и прочие гуляки. Фёдор, видя восторг Яромира, добавил, что в масленицу тут было и традиционное катание на тройках, экипажи гуськом вереницей весело двигались по этой главной дороге города, дымились самовары трактиров, предлагались блины с икрой, растегаи, леденцы для ребятишек.

Овощные ряды, выходящие на улицу, входили в состав Дворищенского торгового двора. Они были с кладовыми и подвалами. Тут же рядом мануфактурный магазин, модный галантерейный, где были представлены шляпы, перчатки, вуали, зонты, трости, сорочки, саквояжи и портфели, а также портсигары и

кошельки. Следом аптекарская лавка, затем, посудная с фарфором, фаянсом, хрусталём, металлической эмалированной посудой, керосиновыми лампами и самоварами всех видов и марок. Пройдя дальше, они поравнялись с магазином живых цветов, где могли бы заказать и букеты с бутоньерками. Затем был магазин музыкальных инструментов и нот. Там стояли пианино марок Шредера, Оффенбахера, и конечно, Беккер. Да, как без балалаек и гармоней? Лавка американской компании Зингер торговала швейными машинками. За ней – магазин игрушек и лавка, торгующая велосипедами, граммофонами даже маслобойками. Конечно, и мороженое, на любой вкус. Сорты диковинные: «Пудинг», «Цесаревич», «Шарлот русь», «Порфе».

Как без книжного? Писчебумажный тоже. На улицу выходили рампы контор нескольких страховых агентств. Потрясающий часовой магазин предлагал стенные, бронзовые столовые, наручные золотые и серебряные часы, карманные брелоки, цепочки. Из открытых дверей трактиров вырывались аппетитные ароматы. Особо удивила Яромира лавка окраски и чистки одежды, скатертей, гардин, ковров и мехов.

Знаменитая гостиница Соловьева, где когда-то останавливался и Пушкин, вечером сияла огнями первого в городе электрического освещения. Словно флагманские крейсера, величаво и достойно трудились мужская и женская гимназии. Сколько талантливой молодежи получили тут блестящее образование. Их выпускники с лёгкостью становились

студентами лучших университетов страны. Прославили Россию своими трудами, гениальной музыкой, достойным государственным служением. Самым красивым был дом Эмиля Берга. Внизу располагалась мастерская по изготовлению штампов и печатей из каучука. В соседнем доме – «Старая новгородская аптека», тут продавались кроме лекарств косметические и колониальные товары, минеральные воды, содовые и шипучие лимонады, а также духи, одеколоны в оригинальных флаконах и на вес. Ну, а как без фотографии? Все современные на то время технологии фото дела были тогда и в Новгороде. На углу нашей чудо-улицы и Фёдоровского ручья располагалось полицейское управление, рядом пожарная команда, подчинявшаяся тогда полицейскому ведомству.

Что отличало наполнение той улицы начала 20 века от её же в наши дни? Пожалуй только – отсутствие салонов сотовой связи.

Очередное путешествие Фёдор предложил Яромиру по усадьбам Торговой стороны близ Дворища. Они обошли, кажется, всё, начав с усадьбы Анны Соцкой. Её муж известный в городе нотариус занимал своей конторой первый этаж их дома. Затем усадьба мещанина Александра Агапова. Следом усадьба Григория Сметанина и замечательный дом Ольги Сметаниной, его подарок своей супруге, впоследствии вдове. Осмотрели две усадьбы купца Николая Маринина, в 1910-х в его доме располагался женский пансион. Похоронен Маринин на Рождественском кладбище. В доме Улиты Родио-

новой зашли в книжный магазин, расположенный на первом этаже. На территории её усадьбы размещались хозпостройки и небольшой сад.

Подошли они и к усадьбе с полукаменным двухэтажным домом на углу Московской и Андреевской улиц. В ту пору она принадлежала Федору Щербатскому, профессору Санкт-Петербургского университета, ученому востоковеду, основателю русской школы буддологии. Он не раз посещал Тибет и Монголию, встречался там с Далай-ламой. Много интересного Щербатский узнал там, описал в своей книге, в частности и то, что по представлениям буддистских ученых, жизнь человека в земном воплощении условно состоит из трёх периодов: первый – для отработки кармы прошлой жизни, второй – для свободного мирского творчества жизни и прохождения её уроков, третий – формирует карму следующего земного воплощения, поэтому, он особо ответственный. Так ли это? Мы не знаем, в это можно только верить, ведь, оттуда никто не возвращался. Но много перекликается и с православным мироощущением, недаром к старости многие успешные люди, оставляя дела, удалялись в монастыри, известны усердные духовные подвиги именно старцев.

Большую протяженность по красной линии улицы занимала усадьба купца Кузьмы Гаврилова из села Медведь. Он был одним из крупнейших торговцев льном, много тратил на благотворительность. Этот комплекс сооружений состоял из нескольких строений разной архитектуры. В доме на углу

с современной Ильиной улицей располагалась известная гостиница с рестораном.

Далее, на Ильина улице дошли до дома Игнатовского. Там работала типография, и частная публичная библиотека. Выписывались многие столичные журналы.

Затем Полистьев с Фёдором подошли и к самому высочайшему в ту пору дому города, принадлежащему купцу Павлу Михайловичу Кузнецову. Этот красивейший своей архитектурой и декором дом располагался почти на набережной, из его окон открывался изумительный вид на Волхов и Кремль. Кузнецов происходил из известной купеческой фамилии потомственных почётных граждан Кузнецовых, имевших общее семейное торговое дело. Кузнецовский фарфор стал знаменитым российским достижением. С каждой европейской ярмарки их изделия возвращались неизменно с золотыми медалями. За выдающееся качество этой продукции «высочайше» было позволено на обороте изделий ставить клеймо в виде российского герба. На собрании городского общества 17 декабря 1854 года П. М. Кузнецов был избран новгородским Головой. При Павле Кузнецове городская дума в марте 1857 года приняла много важнейших решений по развитию и обустройству в Новгорода. По окончании этой службы П. М. Кузнецов продолжал общественную работу, участвовал в собраниях купеческого и городского обществ, состоял почётным членом губернского попечительства детских приютов, почётным старшиной Николаев-

ского детского приюта. Павел Михайлович был известным благотворителем, перечислял значительные суммы из собственных средств на нужды города. Пожертвовал 500 рублей на приобретение дома для детского приюта в Новгороде, перечислил 2000 рублей серебром своих денег на городские расходы. На формирование государственного ополчения в 1855 году П. М. Кузнецов внёс в уездное казначейство 500 рублей, оплатил 880 рублей серебром за обмундирование 44 ратников и пожертвовал им икону (список) Знамения Божией Матери. В дни празднования Тысячелетия России и открытия памятника в 1862 году в доме потомственного почётного гражданина П. М. Кузнецова останавливались великий князь Николай. Павлу Михайловичу принадлежали три дома, в том числе и этот, «родовое имение» – каменный трёхэтажный по Ново-Николаевской (Никольской) улице. По торговым оборотам купеческий дом Кузнецовых входил в число ведущих России, а сам Павел Михайлович был записан как «замечательный» купец Новгорода. Похоронен на Рождественском кладбище.

Последнее путешествие Фёдор решил посвятить культурной жизни города.

–Ты, ведь, художник, увидишь, что происходило и в этой сфере», – пояснил он Яромиру.

Они оказались посетителями первых художественных выставок города. Эти мероприятия состоялись в 1911 году,

первая с марта до середины апреля. Плата за посещение составляла 25 копеек. Организована выставка была в помещении Общественного клуба на Козьмодемьянской улице. Весь доход по условиям договора должен был пойти на приобретение книг для библиотеки клуба. Участвовали как профессиональные художники, так и любители. Кроме живописи и фото работы.

Первый художественный кружок в городе образовался самодеятельно в 1903 году. На средства членов снимали небольшую квартиру, ставшую студией, выезжали на пленэры. На выставке было представлено около 260 работ, всего её посетило 1200 человек. Однако, учащейся молодежи было до обидного мало, не порадовали и преподаватели с офицерами. В итоге выставка выручила 150 рублей.

19 июля того же года состоялась вторая выставка картин художника Е. Псковитинова в здании городского училища. В его графических и живописных работах отражены многочисленные памятники старины и храмы города.

«Не могу не сообщить тебе и о судьбе первого Сообщества новгородских художников» – продолжил Федор – «официально оно формировалось уже в советские годы. Так, в октябре 1918 года, опьянённые и обнадёженные романтикой новой «свободы», художники города подали заявление на регистрацию такого Союза. Последовала резолюция на заявлении – «нет препятствий», и просьба прислать на утверждение устав. Однако, уже в период создания его покинули трое

а уже в 1933 году последовали аресты членов. Трудно сказать насколько этот период поспособствовал сплочению художественной общественности города. Со временем, Союз сложился, но избежать нетворческих драм не удавалось всё советское время, как не тебе это знать. Часто, лучшие художники творили «вопреки», порой, впроголодь. А признание приходило у смертного порога, либо уже и без самого мастера. Давай, Яромир заглянем и в театр, – предложил Фёдор. Он создан тоже частной инициативой Николая Богдановского – артиста, антрепренёра, владельца первого новгородского театра».

Полистьев зачарованно вглядывался в эту обыденную жизнь горожан того Новгорода. Она показалась ему неким отлаженным самоорганизующимся социальным устройством какого-то гигантского улья или муравейника, способным жить, работать, радоваться этой жизни. Да, бывало, и ошибаясь, но исправляя эти ошибки, не озлобляясь, уверенно двигаясь в завтра. Устройство, механика и законы этого «улья» – провинциальной цивилизации той России, складывались и совершенствовались столетиями. Любой меценат тут не был распальцованным пацаном с золотой цепью. Эти обеспеченные и властные люди знали, что каждый обездоленный – это тоже его близкий, он тоже Человек и в этой жизни проходит свой урок, а ты, как бы не был успешен, должен достойно пройти свой. И всё, что ты имеешь, накопил, чем удачлив, – всё это дано тебе тоже как испытание твоей

души и сердца. Ты обязан распорядиться этим по-божески. Каждый из них знал, что земной путь у всех одинаково недолог, и ты ляжешь когда-то рядом со своими предками в родную землю. Тебе не должно быть рядом с ними стыдно. И, поэтому, они хотели упокоиться не где-то за морями, а тут: на Рождественском, Петровском кладбищах, в пределах Десятинного или Антониева монастырей. Им было важно, какую оставят о себе память, с каким послужным наследием останутся их потомки, не будет ли и им стыдно за твои дела. Яромир убедился, что справедливость пронизывала и наполняла то общество. Успешный вчерашний крестьянин покупал недвижимость, лавки на главных улицах города. Почти не было голодных и бездомных, для них создавались приюты и бесплатные столовые, предлагались посильные работы. Детей и подростков за счет города учили ремёслам, трудоустраивали. Свободными расцветали предпринимательство и ремесленничество. Не по-разрядке возникали частные кино- и драматические театры, городские цирки. Без помощи государства открывались библиотеки, типографии, частные музеи. Купцы за свой страх и риск не боялись вкладывать личные капиталы в производство. Строили фабрики, закупали новейшее оборудование. В фабричных городках они не забывали про желательность амбулаторий и больниц, для детей рабочих – школы и училища, наиболее способным оплачивали учебу в гимназиях. Для себя Яромир определил то общество, его мироустройство, как Лад. Казалось, ничто не пред-

вещало. Но тучи помалу сгущались. Близился канун большой, с участием России, европейской войны, затем надлома общества, революции, смуты и очередной кровавой Гражданской размолвки. Вновь боги отвернулись тогда от России, её люда, и Вседержитель грозно опустил на плечи её народа свою тяжелую длань.

«Боже, за что? – думал Яромир, – «чем провинились мы в тот раз, выдержим ли подобное испытание снова?»

Этим завершилась последняя совместная «прогулка Яромира и Фёдора. Пришло время расставания.

– Прощай, мой друг Яромир, – будто с сожалением произнёс Фёдор, – «узнав тебя ближе, ты стал мне другом, ведь, мы с тобой оказались очень близки. У каждого из нас свой путь, но когда-то сможем встретиться вновь. Теперь у Бога. Знаю, ты хочешь спросить, почему Спаситель правит столь драматичную судьбу России, сильны ли его столь тяжелые испытания? Скажу честно – не знаю. Лишь прошу пред ним за эту землю, за хрупкие и нежные души её народа. Я люблю этих людей, жалею их, прощаю, стараюсь помочь. Не каждый раз справляюсь. Может, в этом на Земле ты будешь успешней меня, желаю тебе благословения Небес!»

9. Звёздочка Полистьева

Другая, незнакомая Яромиру Ольга, родилась на пасеке хутора близ Изборска. Рядом опушка таинственного леса, озера, журчащие на перекатах лесные речки. Выросла погруженная в волшебное созвучие гула пчелиного роя и пения птиц. В соседней деревне, – почти что этнографический заповедник, живут Сету. Малая народность, кроме русского, помнят и родной говор, южно-эстонский диалект. В отличие от эстонцев исповедуют православие, однако, не забывают и лесных духов. Их праздничные ритуалы славления Матери природы – мистерии, до недавнего времени носили трансный характер, бывало, и с использованием психоделиков. Попадая в эти края, будто оказываешься в сказке. Подобные уголки считаются «местами силы». Кажется, из недр земли, наполняя каждого, бьёт незримый энергетический столб. Может поэтому, сюда стекаются дачники из наших столиц. Многие остаются навсегда, в основном – художники, гончары, кузнецы, мастера творения диковинных пряников, да кого только теперь здесь нет.

В школу Ольга пошла уже в Пскове, жила там у бабушки. Школьницей случайно услышала игру Полистьева на гусях. Тогда, еще подростком поняла сразу – это её. Переубедить никто не смог. Затем музыкальная школа, консерватория и судьба гастролирующего современного гуслиста- гусяря.

Мифология почти всех народов и стран обязана своим существованием не только жрецам, но и художникам, поэтам они подобно жрецам, вступают во взаимодействие с миром непроявленного, вовлекая его силы и энергии в сферу живой реальности. «Вам, когда-то земные, теперь эфирные бо- жества, посвящаю повесть мою...» Именно с ними – древни- ми духами, умершими, дошедшими до нас только в мифоло- гических образах, но оживающими в сознании художника и музыканта общался Яромир.

Русский человек тех времён исповедовался в песне, заго- воре, былине и сказке. В этой исповеди он был глубок, от- зывчив на сиюминутное и вечное. Это позволяло открывать земное и таинственное, что есть добро, что – зло. Вроде, по- стижения смысла жизни, цели своего бытия в бесконечном течении мироздания. Поэтому, каждое прямое обращение к ним Яромира – это посвящение, взывание, и жертвоприно- шение пластикой своих скульптурных творений, орнамента- ми резьбы и плетения, звуками свирели, варгана, гусельных струн, конечно, и словом.

Откуда это было в нём? Конечно, из общения с природой, общения с душами полей, рек и лесов. Оказываясь тут в мае, он вдруг осязал, как под пенье жаворонков неслышно по еще влажному лону земли ступает царевна Весна. Под её легкими ногами пробивается сочная юная трава, распускаются перво- цветы. Чуть позже робко, затем всё смелее и громче запевал ставший когда-то ради прекрасной богини серенькой птич-

кой певец Весны Соловей. Зашумели первой листвою, шепчась меж собою, деревья. Все мелкие твари, букашки и жуки, спавшие долгую зиму в темных дуплах, да под корою деревьев, пробуждаются после долгого сна и выползают поклониться богине. Вышли к ней навстречу и вылезшие из прудовой тины лягушки. Звонко рассмеялась богиня, а под ее смех зажужжали весело пчелы над расцветшим орешником, загудели мохнатые шмели, привлеченные нежным ароматом венка из бело-розовых цветов яблони на челе у бессмертной.

Яромир любил и закатное время, с наступлением вечера смолкали одни певчие птицы, распевались другие. Царевна Весна шла теперь одна, роняя цветы и пробуждая к жизни поле и лес. Громким переливчатым хором стонали от счастья в прудах и болотах лягушки. Вместе с туманом выходили из рек и озер, бежали, смеясь и аукаясь, по влажным лугам простоволосые русалки. Они радовались, пели и кричали, что скоро наступит их «русалья неделя». Хлопаньем в ладоши спугнули водные девы длинноухого зайца, всполошили сонных уток в прибрежных кустах и мчались дальше с визгом и хохотом, празднуя освобождение от зимнего сна. Все звонче и громче неслась влюбленная песнь Соловья. Он пел:

– Каждый год славлю я приход твой, прекрасная царевна Весна. Шелестя серебристо-зеленой одеждой своей, шествуешь ты по расцветшей земле, повсюду рождая желание счастья, улыбкой своею обещая блаженство любви... Прими и мою любовь, заключенную в песне. От твоих волос пах-

нет цветами яблонь и душистой черемухой – от твоего вечно юного тела; дыхание же уст – благовоние распустившихся ландышей!..

Ничего не сказала в ответ божественная дева. Внимание ее в полумраке небес привлекла серебряная ладья, где сидел в сверкающем шлеме и в светлом плаще прекрасный Царь Месяц.

«Венок твой из белых цветов благоухающих яблонь много прекраснее драгоценных корон небесных красавиц, царица Весна. Садись, и уплывем вместе со мною в мой, окруженный столпами облачных башен дворец... Там мы будем счастливы вместе!...»

В эти дни даже сами богини, почувствовав приговор Весны, покорно позволяют себя похищать не только великим богам, но и жалкому в сравнении с ними человечьему племени. Ощущая близость Весны, сильнее бьются сердца у живых, большее ноет душа у тех, кто не имеет сердца вовсе.

Много раз слышал Яромир о чудесных свойствах цветов папоротника, по-преданию распускающихся как раз в Купальскую ночь. Однажды решил непременно увидеть, как расцветает это волшебное растение, а, если удастся, то и овладеть его огненным цветом. Сонная птичка выпорхнула испуганно из мокрых кустов, что-то вроде ежа или мыши пробежало, заставив вздрогнуть от неожиданности. Далеко-далеко, не то Леший, не то филин протяжно и угрожающе кричит: «У-у-у-у!». Лес был уже полон празднично на-

строенной нежитью и нечистью. Вся она, следуя установившемуся уже много тысячелетий обычаю, доходившему еще до тех времен, когда даже кусты и деревья гуляли на Ярилину ночь, собиралась обыкновенно посмотреть, не расцветет ли где огненно-яркой звездой волшебный папоротник. Но особенно русалки из года в год шли Ярилиной ночью в лес, где шептались в шуме вершин и шелесте листьев, обнимая друг друга и души деревьев. Старшие русалки рассказывали сестрам, что собирались обычно в пору весеннего цветения ветвей на лесных полянах, водили там с венками на головах, просвечивая и серебрясь в лунном сиянии, безмолвно-торжественные хороводы. Яромир вдруг понял – здесь нет одного, не звучит музыка. Ему захотелось в эти звуки природы вплести и свою песню. Откуда возникла музыка у людей, где истоки этого загадочного родника? – думал он.

Яромир чувствовал, что доверие к земле у людей издревле было огромным и благодарным, но живая природа была готова и на большее – дать перво-человеку и звуки его будущей речи, затем и музыки. Земля была переполнена звуками, но неодушевленный шум грома, ветра и камнепада нельзя было вокализировать, пропеть вослед. Существовали, правда, и живые хоры – сверчки, тьякали лисицы, всхрапывали кабаны. Озвучить их можно было только прямым подражанием. Должна была возникнуть какая-то музыкальная база, перво-звук, вокруг которого возникнет великая фуга слова, речи и затем – музыки. Это смогли единственные на земле звуки

живой природы, которые при желании можно было вокализировать довольно точно... над землею пели птицы... они как цветы или ветер в листве неназойливо гармонизируют окружающей мир. Кажется, замолкни они и всё вдруг будто оглохнет, лишится неких внутренних связей с миром. Он вслушивался в звоны синиц в пустом осеннем лесу, весенне журчание скворцов, звоны жаворонков, плач над болотом чибисов, – эти звуки были звучанием самой природы. Птицы не просто сопровождали происходящее, но будто называли его имя.

Древнейшее мучительное ожидание весны возрождения жизни растягивалось на два месяца от языческой Масленицы до Юрьева дня, в котором угадывался языческий Ярило.

Яромир, пытаясь сдружиться, слиться с природой, начал с выкликания веснянок, затем с птицепризывными припевами, да «люли лялюшечками» сопровождал Семик, затем троицкие песни, которые постепенно переходили в летние – русальские и купальские.

А как же музыка, почему она такая, а не иная, в чем секрет гармонии звукового ряда? Понимал, что предпочтение одних звуков перед другими пока скрыто в малоизученных звуко-эмоциональных реакциях человека.

Он удивлялся, как строфические конструкции песен певчих птиц, чередование сигнальных и связующих звуков, обязательная завершенность строфы, так похожи на речевые построения человека. Да и музыкальных произведений тоже.

Полистьев представил как древние люди жили вслух, Наверное, как галочья стая, подпевая, наговаривая и пришептывая. Ведь без этого речевого фона скудный первоязык не смог бы превратить себя в гибкую звуко-смысловую систему, речи и музыки. Яромир не сомневался, что пронзительная птичья песня это воистину крик души. Их песни слышались ему говором, разговором, чем-то одухотворенным, человеческим.

«Зимой маленькому Яру подарили новую девятиствольную, сделанную из хорошо просушенных тростинок свирель, скрепленную, правда, желтым воском, а не медью, но певшую с такими переливами, что даже козы первое время поворачивали головы, слушая эту игру. Он сделал сперва несколько трелей, пробуя инструмент, а затем заиграл. Сперва это была тихая протяжная мелодия, в которой слышалось дрожание тростников под дыханием ветра, чувствовался холодный, легкий свет луны. Мало-помалу темп ускорился. Слышался сперва нерешительный, потом частый и смелый бег босых ног по росистой траве, и, наконец, звонкий серебристый смех.»

Конечно, это был сон. Яромир много думал об этом инструменте, был уверен, что человек впервые заиграл именно на свирели. Поэтому, картины того далёкого прошлого не исчезали из его головы и днём.

Что увидел он дальше? – «В той деревне зазимовал бродячий певец и музыкант, знавший так много песен про богов

и героев, что их трудно было переслушать даже в три зимы. Тем не менее мальчик свел с ним тесную дружбу и к весне имел весьма точные сведения об олимпийцах, их отношениях друг к другу и к людям.

Певец этот, по очереди жил то в одном, то в другом доме. Обитатели деревни его охотно кормили, подарили старую, но еще крепкую зимнюю одежду и по вечерам собирались слушать его пение и игру на свирели. Целые дни просиживал Ярик с этим музыкантом, носил ему из родительского дома вкусную еду и без конца слушал рассказы старого бродяги. При помощи нового друга сделал себе новую свирель, пробовал играть даже и на его большой кифаре, а также научился нескольким священным пляскам в честь Ареса, Зевса и юного Аполлона. Однажды его уже самого пригласили играть на празднике нимф.

– Тебе надо будет что-либо сыграть на свирели, а то нимфы смутились и перестали плясать. Сыграй что-нибудь человеческое. Мы любим ваши печальные песни.

– Хорошо.

И он заиграл гимн в честь ночной серебристо-хитонной богини. Этому гимну его обучил в одну зимнюю ночь не в меру напившийся неразбавленного вина его учитель, старый бродяга. Мальчик помнил, как охмелевший певец плакал, глядя на черно-синее небо, где плавал широкий светлый млечно-серебристый диск. Яромир хорошо перенял звуки. И теперь свирель его пела почти так же торжественно, как

некогда у его учителя. Шум голосов совсем прекратился, и весь ушедший в игру Яр не заметил, как обступили его со всех сторон тесной толпой легконогие нимфы. Обнявшись, касаясь друг друга висками и легкими кудрями, стояли, храня молчание, стройные дочери леса, и лишь тихие, но глубокие вздохи подымали порой их матово-белую грудь. Когда он кончил играть, одна из нимф подошла и, заглянув ему в глаза, молча и ласково погладила его по щеке. Другая нимфа села около и потрепала мальчика по колену, мальчик почувствовал теплое дыхание на своем лице, и чья-то небольшая ладонь легко легла к нему на плечо. Перед ним была незнакомая золотистоволосая тонкая нимфа. Наклоненное лицо было прекрасно.

– Ты хорошо играл, человеческий отрок. Дай поцеловать мне твой лоб. И на челе Яра яркой звездой вспыхнул её поцелуй.

Кругом было тихо. Солнце скрылось бесследно. Багряный пожар на горных вершинах угас. Наступила черная ночь. Очертания кустов расплылись в общей, всепроникающей тьме...»

Что знал о первых струнных инструментах Яромир в свои студенческие годы, где впервые они были упомянуты, возвеличены как элемент культа богов? Конечно, на Олимпе. На многих изображениях бога-олимпийца Аполлона в руках у него струнная лира. По одной мифологической легенде её он получил от другого олимпийского бога – Гермеса. Сын Зевса

и горной нимфы Майи, Гермес был вестником богов, богом скотоводов и пастухов, покровителем путников и проводником душ умерших в подземное царство Аида, а также покровителем плутовства и воровства. Он родился в пещере, мать запеленала его и положила в колыбель. Однако младенец рос так невероятно быстро, что не успела мать отвернуться, как он встал на ноги и отправился на поиски приключений. Прибыв в Пиерию, где паслось прекрасное стадо коров Аполлона, Гермес решил украсть их. Чтобы коров не нашли по их следам, Гермес ободрал кору упавшего дуба и привязал ее к копытам коров. Обнаружив пропажу, Аполлон бросился искать стадо, но безрезультатно. Ему пришлось объявить о награде тому, кто задержит вора. Блуждая по дорогам Аркадии в поисках вора, Силен и сатиры слышали приглушенные звуки незнакомой музыки. Нимфа, выйдя из пещеры, сообщила им, что недавно здесь родился на редкость способный ребенок, к которому ее взяли в няни. Она рассказала, что он сам смастерил необыкновенную игрушку из панциря черепахи, натянув на него струны из коровьих жил, а потом стал на ней играть музыку, да так хорошо, что даже усыпил свою мать. На вопрос насторожившихся сатиров, где ребенок взял коровьи жилы, возмущенная нимфа ответила, что недостойно обвинять ребенка в краже. Во время их перебранки появился Аполлон и сразу узнал висящие шкуры. Войдя в пещеру, он разбудил Майю и сердито потребовал, чтобы Гермес вернул украденных коров. Майя указала на мирно спя-

щего ребенка и объявила обвинения Аполлона нелепыми. Но Аполлон не унимался, и испугавшийся Гермес в конце концов признался в краже и пообещал вернуть угнанных коров – кроме двух уже зарезанных. Затем он извлек из-под овечьей шкуры сделанную им первую лиру, и сыграл на ней столь чарующую мелодию, восхваляя в песне благородство, ум и щедрость Аполлона, что тот сразу его простил. Затем Гермес проводил Аполлона до пещеры, где спрятал коров. Восхищенный Аполлон предложил Гермесу своих коров в обмен на лиру. Гермес согласился. Впоследствии Аполлон подарил эту лиру Орфею.

Орфей, самый выдающийся мифический певец и музыкант, столь виртуозно играл на лире, что творил с ее помощью еще и не такие чудеса. Стоило ему пробежаться пальцами по струнам, как вся природа замирала в восхищении: цветы, боясь пропустить хоть одну ноту, вытягивали к Орфею свои прекрасные венчики; кровожадные дикие звери превращались в сущих агнцев и следовали за ним по пятам; и даже стремительные реки, заслушавшись, застывали на месте. Однажды, проплывая вместе с аргонавтами мимо острова сирен, великий певец посрамил сладкоголосых кровожадных птиц своим искусством, и тем самым спас товарищей от неминуемой гибели. Затем божественную лиру Орфея унаследовал его лучший ученик Мусей, а после него – музы Эрато и Терпсихора. После его смерти Зевс поместил Лиру на небо (по просьбе Аполлона и Муз).

Ли́ра символизировала и Аполлона, так как игра на лире порождала душевное равновесие, в отличие от труб Диониса, которые связаны с экстазом и торжеством. По другой версии, Гермес подарил свою лиру (может, уже другую?) близнецам Зету и Амфиону, правителям Фив, а те использовали ее при возведении городских стен: пока силач Зет, сопя от натуги и обливаясь потом, таскал каменные глыбы, его более искусный брат, не любивший особенно утруждать себя, наигрывал на лире, и тяжелые камни, повинувшись чарам волшебной музыки, сами собой укладывались в стену.

Игрой на лире в совершенстве овладевали в ту пору и смертные. Этот чудесный навык, порой позволял особо отчаянным бросать вызов даже богам. Одним из них был Фамирид, родом из Фракии, поэт, в совершенстве владел игрой на кифаре, сам складывал гимны. Его отец – фракийский певец Филаммон, а мать – нимфа Аргиопа. Однажды, в своём искусстве игры и пения он бросил вызов Музам. Времени до состязания оставалось уже немного, и певец ничего так не боялся, как опоздать. Сын Филаммона еще не решил, о чем будет он петь и играть перед своими соперницами. Ему одинаково нравились и таинственные фракийские гимны об Ойносе, Зевсовом сыне, и о страданиях гордого, непреклонного Прометея. Фамирид старался сосредоточиться на обеих темах, но нередко вместо них в его воображении вставало ласковое лицо слегка задумчивой нимфы, заслоняя гигантский образ прикованного к кавказским скалам титана

или скорбного Зевса, принимающего окровавленное сердце безвременно погибшего Героя. Певцу казалось, что он слышит тихий умоляющий шепот в шелесте листьев, в дуновении ветра, в серебристом журчании горных ключей. И порою фракийцу страстно хотелось вернуться в небольшую лощину у подножья геликонских холмов, где ждали его маленькие нежные руки и ненасытные уста опоясанной зелеными травами легкой и стройной наяды. Своим мастерством игры он спорил с Музами, но у богов свой кодекс права, и победить себя, даже Музы, не позволят ни в чём. Так и вышло – наш герой ослеплён, лира разбита. Этот урок Яромир помнил всю свою жизнь.

Позднее лира дала жизнь термину «лирика». Для лирических произведений искусства, воспроизводящих глубокие человеческие переживания, характерны элементы чувственности, эмоциональности, взволнованности и задушевности. В античной поэзии лирическими назывались стихотворные произведения, исполнявшиеся под аккомпанемент лиры. Лирическая поэзия родилась из древних культовых гимнов и народных песен. У греков получили развитие сольная и хоровая лирика. В астрологии божественная семиструнная лира символизировала семь известных в древности планет, а двенадцатиструнная – небесный круг Зодиака, состоящий из 12 знаков. Кроме того, на звездной карте можно отыскать и созвездие Лиры. В эмблематике лира служит популярным символом творческого вдохновения. Золотая ли-

ра – отличительная эмблема поэтов, певцов и военных музыкантов.

В Древней Греции и Древнем Риме словом «лира» в широком смысле обозначался любой инструмент семейства лир, в узком смысле лирой назывался хелис – простейшая и самая лёгкая по весу из лир, с корпусом из панциря черепахи, обтянутого воловьей кожей

Черепаха. Черепаха «Челона» однокоренная с челом (лбом – λύρα) и чёлном-челноком. Может, и поэтому Полистьев выполнил графическое оформление обложки ежегодного университетского альманаха, названным «Чело».

Яромир принял эстафету Несдающихся смертных, своей жизненной траекторией бросил вызов «богам» и властным распорядителям уже современного ему мира. В его руках оружием тоже стали лира, затем и гусли. Эта битва добра и зла бесконечна, но и злу победить тут не удастся пока рождаются Прометеи. Яромир был одним из них. Его гусли – это символ связи поколений через столетия, исконная музыка русской души и вибрация жизни.

Всплеск интереса к этно-культуре в современной России – одна из попыток переоценить многовековое устройство нашего государства, его глубинные смыслы. Гусли – народный, исконно русский инструмент, его звучание моментально погружает слушателя в атмосферу таинства, русского быта, праздника или детской колыбельной. Звонкий, яркий и одновременно нежный, утонченный звук гуслей восхищает и

завораживает с первых минут. На протяжении многих веков именно гусли были символом Руси. Они – древнейший инструмент, неразрывно связанные с былинами, сказаниями и древними летописями. Место и время возникновения гуслей история умалчивает, однако то, что инструмент сопровождал всю древнюю историю Руси – несомненный факт. Например, игрой на гусях в совершенстве владели практически все богатыри из самых древних русских былин – Добрыня Никитич, Садко, Боян, Соловей Будимировичи т. д. Нередко тончайший звук гуслей сравнивают со звучанием натянутой тетивы. Интересно, что в древности тетива называлась «гусли». Кстати, это – одна из первых гипотез появления названия инструмента и даже его строения. Кто знает – не был ли он впервые сделан в боевом походе из подручных средств?

Первое достоверное упоминание русских гуслей датируется еще V веком, в византийских источниках. Первая археологическая находка была обнаружена только в XI веке. А образ гуслияра – бродячего певца, который рассказывает былины и сказания под музыкальное сопровождение, пронизывает всю культуру Древней Руси в целом. Отсюда еще одно название исполнителей – «сказители», то есть те, кто рассказывает музыкальные истории.

В известнейшем памятнике древнерусской литературы XII века «Слове о полку Игореве», рассказывающем о походе Игоря Святославича на половцев, сказитель-Боян, прославлявший подвиги князей своей игрой на гусях. «...Боян же,

братие, не соколовь на стадо лебедей пушаше, а своя вещиа прьсты на живая струны въскладаше; они же сами Князем славу рокотаху.»

Однако, иногда под аккомпанемент гуслей проводились и некоторые религиозные обряды и наставления дохристианской натурфилософии (отсюда идут ее корни), так и ранне-го православного богослужения (частью, которого гусли стали, видимо, по причине своего повсеместного распространения). Интересный момент встречается с образом древнего Мудреца-Сказителя (то есть Великого Гусяря) в "[Голубиной книге](#)" – известнейшем литературном памятнике, сборнике восточно-славянских духовных стихов, созданных в форме диалогов о различных явлениях мира (о географии, естественных науках, этике, космогонических аспектах и т. д.).

Само слово «гусли» имеет интересную этимологию. «Гудебными» изначально именовались не только гусли, а вообще все струнные инструменты. «Гусли» – исконно русское слово, произошедшее от глагола «гудеть». «Гусль» – одна струна, а «гусли» – струнный ряд. Гусяры чаще всего исполняли свои песни на ходу, вопреки распространенному заблуждению, будто они исполняли песни сидя. Традиция «сидячего» исполнения пришла позже, когда игра на гусях стала приравняться к искусству. Этот же звук можно найти в словах «гул» и «гулять». Поэтому «отгулять» – слово, в котором одновременно подразумевается и звук, и действие

(музыка, танцы, развлечения, песни). Нередко гусли сравнивают с лебедями и гусями. В природе птицы летают упорядоченным строем. Также расположены и струны на гусях – в строгом порядке звукоряда. В народе звончатые гусли обычно выполнялись именно в форме треугольника – именно так выглядит и птичий клин. Как лебедь-мать мифологически могла привести к бурям и штормам, так грамотная настройка гуслей от самого низкого звука может создать всплеск музыки и неподражаемое звучание.

Современные инструменты чаще делаются из сосны или кедра. Самые первые гусли – Яворчатые, были изготовлены из ствола явора (белого клена). Такие гусли еще называют крыловидными или звончатыми. Для них актуален диатонический звукоряд. Особенность – тонкий открылок. Этот вид гуслей имеет от 5 до 17 струн, но чаще всего – от 6 до 9. Количество струн зависит от настройки инструмента и необходимого диапазона звучания. Издревле белый клен считался на Руси особенным деревом. Существовало поверье, будто кленами становятся люди, которые были «закляты». Чаще всего в клены «превращали» непослушных детей. Затем музыканты изготавливали из явора гусли, и с помощью музыки «заклятые» рассказывали свои истории. С прагматичной точки зрения клен – один из наиболее крепких видов древесины, отлично подходящий для изготовления столярных элементов, в том числе, инструментов.

Шлемовидные. Изначально считалось, что такие гусли,

которые еще называют псалтырными, древнерусского происхождения. В современности историки пришли к выводу, что свое происхождение шлемовидные гусли берут в западной Европе. Такой инструмент имеет от 10 до 26 струн.

Лирообразные. Они имеют игровое окно. Были в ходу в Древней Руси и Польше в XI—XIII вв. Если на лирообразных гусях играют на ходу, то инструмент упирается в брюшной пресс – именно такая техника исполнения распространена у современных гусяров.

На них можно играть медиатором или пальцами. Безусловное преимущество для новичка – необязательно знать ноты. Простые песни и импровизационные композиции достаточно легко создать на любых гусях за счет мелодичности звучания струн.

Человека, играющего на гусях, сегодня называют гуслист, а не гусяр. Именно это название считается верным для профессиональных музыкантов. Впрочем, применительно к древним сказителям чаще всего используют другой термин – гусяр. Народный певец, аккомпанирующий себе на гусях – это также гусяр. Гуслист – слово закрепившееся уже в XIX веке.

Гусли – это не менее музыкальный инструмент, чем сакральные. Археологическая новгородика по праву гордится, что открыла и возродила целый пласт полузабытой музыкальной культуры – средневековые гусли. В этом, прежде всего, заслуга ученого и подвижника Б.А.Колчина, впервые

обнаружившего в 1967 году и описавшего несколько образцов этого инструмента. Среди находок выделяются две: гусли с надписью «словНша», другие – со скрытой надписью в виде резьбового орнамента.

В слове «словНша» интересна средняя лигатура. Е. Курдаков расшифровывал её как живой путь яви, как музыкальное оглашение живого пути человека позднего палеолита по спасительной траектории вдоль края ледника. Поэтому, вывод такой – гусли своей игрой сопровождали странствия человека по пути живого как сакральное древнее вещание. Словно звуковая нить Ариадны, только вперёд, в безопасное спасительное будущее.

Резьба вторых гуслей легко читается сверху вниз как: Г-А-А, под надписью голова гуся. Расшифровка также раскрывает сакральный смысл и обрядовые функции вещи.

Одно из самых ранних упоминаний о том что гусли были инструментом славянских волхвов находится в Феофановой летописи.

«Слово о полку...» содержит превосходные описания игры на гусях, описан весь комплекс игры на них видна связь руки пальцев со струнами. Так при игре, под пальцами должно быть одновременно или в переборе по 3-5-7 струн, а у Бояна сразу 10 – полный струнный набор больших гуслей.

Сегодня гусли – это свежо и аутентично. Этно-культура и народные музыкальные традиции постепенно возрождаются как в своем изначальном виде, так и в актуальных

аранжировках. Сейчас этот инструмент есть практически во всех народных оркестрах. Такая музыка – тонкая, красивая и душевная – переносит слушателя в сказочное прошлое, объединяет с культурным наследием древности и выступает своеобразным мостом между человеком современности и его предками. Благодаря гуслиям можно наполнить любую композицию тонкими вибрациями русского духа. В сети опубликовано огромное количество каверов на хиты многих исполнителей.

Любой творец – всегда Прометей. Бывает, ценой своей жизни, подвигом души он добывает и, вопреки всему, для нас потомков сберегает этот драгоценный пламенный огонёк. Он должен разгораться на вольном ветру вечности, разносить искорки – частицы этой души, дальше. Зажигать продолжателей, множиться, словно костры усталых путников, в ночной летней степи. Одна из таких искорок Яромира упала однажды в сердце незнакомой ему, ещё одной Ольги, тогда подростка, и не потухла, запалила, взметнувшийся с годами, мощный огненный вихрь исполнителя-гуслияра, новатора. Она впервые случайно услышала его гусли ещё в Пскове, спустя годы – уже в Новгороде. Тогда, не думая об этом, она будто приняла незримую эстафету от Полистьева, добившись тут совершенства. Стала ведущим популяризатором гуслей в неакадемической музыкальной среде, самым популярным гуслияром-вокалистом, признанным мэтрами русского рока и рэпа, профессиональным гуслияром, композитором,

лауреатом всероссийских и международных конкурсов, автором многочисленных музыкальных альбомов.

Яромир не успел узнать, как много их связывало в каких-то мирах. Прежде – имя Ольга. Ведь, ним в сердце он прожил свою жизнь и покинул её. Псков и Изборск, Труворово городище – места, где он бывал, знакомился с местными гуслирами. Там неподалёку, в Псковских Усвятах жила известная исполнительница редких народных песен Ольга Сергеева. Уникальной вокальной интонацией она потрясла современников. Её исполнение не аутентично времени соответствующих текстов, а похоже на утраченный стиль песен более ранних веков – стиль плакальщиц с необычайно красивыми обертонами. Ольга – звёздочка Полистьева, освоила эту сложную технику вокала, вплела песни Сергеевой, её интонации и в свой репертуар поющего гуслира.

Разве случайно один из первых концертных триумфов женщины-гуслиста – его звёздочки Ольги, необычной исполнительской манерой просто взорвал толпы слушателей именно на Ярославовом Дворище, там, где выживая 10 лет, творил Яромир?

Именно здесь на Дворище древних Волхвов, на памятном ристалище Яромира свершилось чудесное «сретенье» традиций и нови. Удивительный вокал и современное трансовое переплетение ритмов со звуками гуслей вспыхнуло этникой волхования, настоящей мистерией, вырвалось за границы академического герметизма, запыленных стеллажей ар-

живов и коллекционной аутентичности. Наполнилось жизнью, словно напитавшись энергией Олимпа, его героических предтеч божественных струн.

Она своей грацией, энергетикой и харизмой, наверняка, не думая об этом, взметнула здесь символический стандарт Яромира, сотворив знамение торжества многих поколений гусяров-сказителей. Это победное сакральное таинство слабой женщины – хранительницы тысячелетней генной памяти поколений, именно здесь на Вечевой площади Дворища символично наметило трещину в теле заматеревшего зла, веками изворотливо менявшего свои личины. Склеить этот победный разлом уже не удастся. Ведь, придут и встанут другие.

10. Яромиров Холм

Яромир чувствовал, что ему оставалось прожить последний малый отрезок, за который он должен додумать и дотворить свою жизнь, найти ответ на главный вопрос – зачем он был выпущен в этот мир. Зачем он тут был. Зачем был наделен талантом видеть, созидать и чувствовать, что должен он совершить напоследок, чтобы исполнить волю Творца перед тем, как явиться на его суд, предъявив добытый земной опыт.

Он познал, как нескончаемые в веках распри разносят в прах каждое мгновение нашей жизни. Разорванная и искаженная история, её лукавые умолчания и подмены, словно разрезанная артерия, по которой кровь не поступает в орган, и поэтому он чахнет, затем отмирает. И только художники, поэты, музыканты, да бескорыстные подвижники были способны соединять времена, вносить примирение во враждующие эпохи, возвещать начало новой истории.

Однажды, набравшись достаточных сил, ему остро захотелось, как когда-то в молодости, вновь побывать под Изборском. Был наслышан о возведенном там энтузиастами в поле Священном Холме. Он решил всыпать в него и горсть земли с могилы своей матери.

С ней они прожили вместе долгую жизнь. Мама была с ним всегда, чтобы с ним не случилось. Первая, почти в мла-

денчестве, новогодняя елка, такой неожиданный её запах в их скромном жилище. К веткам Мария подвешивала на нитках недорогие конфеты. Она работала всю жизнь преодолевая болезни, нужду и одиночество. Вскармливая его, заслоняла от бед, стараясь передать ему свое обожание природы и русского искусства, наполнить таинством родовых преданий и семейных заветов. Когда она состарилась и не могла оставаться одна он перевёз ее к себе в своё жилище и в Центр. Он видел, как с каждым днём она угасает, как слабеют ее движения, путается ум. Вечерами садился у ее изголовья и они молча подолгу смотрели друг на друга словно прощались. Хотели запомнить один другого в этой жизни, чтобы потом в жизни иной встретиться и узнать друг друга. Только она оказалась в его судьбе единственно преданной женщиной. Она превосходила его, была мудрей и духовно богаче, была прозорливой ведуньей, рассказавшей притчу его жизни, которую будто знала наперед, владела тайным ключом к пониманию его судьбы, отомкнула этим ключом его жизнь и теперь когда её жизнь завершалась, поворачивала этот ключ в обратную сторону, замыкая их совместный путь.

Священный Холм куда он высыпет горсть этой земли казался тем местом, той вершиной, тем средоточием, куда сходились силовые линии русской и всемирной истории. Здесь, в чистом поле у Изборска, где покоятся останки русских воинов и ополченцев всех времён, на груду замшелых камней он снесет драгоценную горсть.

Эти теплые камни, издающие едва различимые звуки явятся постаментом для тысяч подобных горстей с его родины. Он верил, будто здесь на Холме совершится чудо, которое напитает вековечные чаяния, бессмертную мечту, божественное предназначение. Вернет веру и непочатые силы, расколдует от тяжких помрачений и унылых печалей, устремит на встречу с небывалыми добром и красотой.

Рядом через поле находится Труворово городище, у подножья которого разлилось Городищенское озеро, а из горы бьют Словенские ключи. Все холмы в округе усыпаны ромашками, колокольчиками и земляникой. Туда, пробираясь по озерам и речкам в заповеданные языческие времена, причалил свой челн Трувор, брат князя Рюрика. Напился из этих ключей, понял – останется здесь навсегда. Сел на княжение в Изборске. Яромир с трудом пробирался по полю сквозь остистые жесткие травы, колючие цепкие бурьяны. Добрался до каменной груды. Земля разбуженная его шагами пахла полынью и чабрецом, а близкие валуны источали остатки дневного тепла и ни на что не похожие каменные запахи. Он пришел к алтарю и принес свой дар. Угодно ли принесенное Господу, не напрасно ли прожил жизнь?

– Что я принес на алтарь – думал Яромир – живую любовь и веру или пустой мертвый прах?

Еще, подумалось ему, что подобные Холмы должны стоять по всей нашей многострадальной земле. Каждый – в зоне видимости других, словно вышки сотовой связи. Мы обяза-

ны слышать сигналы их пульсаций, постоянно быть на «связи», никогда не оказываясь «вне зоны доступа». Это сигналы нашего созидательного прошлого – указатели божественных смыслов, компас ориентиров настоящего и устремленности в будущее. Вначале эти Холмы могут возникнуть даже просто, как идея. Со временем обретут явь.

– Где заложить его в Новгороде, чьими образами и именами наполнить? – задумался Полистьев.

Яромир часто перечитывал «Слово о полку Игореве». Любил этот текст, в разных переводах находил что-то новое. Обратил внимание, что автор «Слова» ничего не говоря о себе, постоянно обращается к Бояну, то споря, то сверяясь с ним. Тот не только пел, но и вещал, взлетая душой в облака. Ввысь. Он мог заглядывать как в прошлое, так и в будущее. При этом его взлетания, движение мысли не отклонялись от тропы Трояна. Этот неявный персонаж являлся символом триединства мира в практике древней солнечно-календарной магии. Века «Трояне язычества» в те времена уже затухали вместе с выбывающими Посвященными, певцами и хранителями. Память о них – это единственное что оставалось о том прекрасном справедливом мироустройстве. Имя Бояна от «буй», буйнить отражает неслучайность состояний этого певца его психический настрой, характерный именно для волхва-шамана. Умению приподниматься над землей, взлетать и, глядя сверху, вещать, предвидеть, пророчествовать.

Исчезли века духовной власти волхвов забывался опыт птицегадания, толкования снов, землеслушания, ворожбы и имя Троян – это еще и ностальгический вздох, восхищенный плач по теряемому невозвратному, но с надеждой, что оно не может не воскреснуть, пусть в новом виде. Великое язычество дотлевало в домашних закутах, в банях, овинах, на лесных полянках, в орнаменте немудреной одежды, символика которого становилась все непонятней, и лишь в самом языке, в песнях и былинах, сказках и поговорках оно было еще достаточно полнокровно и осязаемо. Забывалось и то, что в древности было очевидным. Развитие новой традиции уже в камерном письменном виде шло очень медленно. Статус волхва никак не подменялся статусом летописца или переводчика, толкователя, а сами волхвы, просуществовавшие в крестьянской среде вплоть до 17 века, уже никогда не выходили из «подполья». Яромир догадывался, что творцы и герои отличаются от прочих – это люди прошедшие в неких обстоятельствах внутреннюю перековку, трансформацию души. Курдаков назвал это пересотворением. Как это происходит в реалиях? Пушкин поэтическими средствами провидчески выразил развернутую картину пересотворения плоти для пересотворения духа:

«Перстами легкими как сон
моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещи зеницы,

как у испуганной орлицы,
моих ушей коснулся он
и их наполнил шум и звон...
И внял я неба содроганье
и горный ангелов полет,
и гад морских подземный ход,
и дальней розы прозябанье...

И он мне грудь рассек мечом
и сердце трепетное вынул,
и уголь пылающий огнем
во грудь отверстную подвинул,
как труп в пустыне я лежал...»

Тут пересотворение завершено по всем шаманским канонам, Призванный готов к действию, к бестрепетному, целенаправленному служению Истине Правде Добру:

«Восстань пророк и виждь и внемли,
исполнись волею моею
и, обходя моря и земли,
глаголом жги сердца людей.»

Момент сложнейшей психофизиологической инициации, этот порог души низвергнутой и восставшей преступили в свое время Будда, Диоген, Христос, тот же автор Сло-

ва, Ньютон, Державин, Хлебников, Павел Филонов... Яромир вспомнил тех «иницированных», «пересотворённых» по судьбе и «восставших», – тех кого знал, с кем дружил, чей образ был достоин влиться в мысленно творимый им Холм славы.

Этот свой Холм, прежде всего, он наполнил памятными образами своих друзей. Так случилось, что это выдающееся созвездие, словно специально, сошлось тут в одно время, оказалось в одном провинциальном городе. Художники: Владимир Гребенников, Семён Пустовойтов, Николай Дунин и Георгий Горево́й. Писатель Дмитрий Балашов и поэт, исследователь праязыка Евгений Курдаков. Музыкант, создатель нескольких оркестров народных инструментов, переложивший для них всю музыкальную классику, Виктор Бабанов. Архитектор-реставратор Леонид Красноречьев.

Из предтеч новгородской археологии – художник, философ Николай Рерих, знаток древностей, собиратель коллекций и создатель бесплатного частного музея реликвий на первом этаже своего дома – Василий Передольский.

Он родился в 1833 году в Передольском погосте Лужского уезда Петербургской губернии. Сын дьячка. Учась в гимназии, увлекся новгородской историей, затем поступил на юридический факультет Петербургского университета. Большая часть его жизни связана с Новгородом, где он служил присяжным поверенным. Но не избранная им профессия определила его будущую известность. Смыслом его жизни стало

собрание и изучение древних памятников Новгорода. Одной из главных заслуг Передольского явилось открытие неолитической стоянки в урочище Коломцы вблизи озера Ильмень при впадении реки Малой Глинки (рукав Мсты) в Волхов.

Известный краевед, собрал огромную коллекцию предметов старины.

В.С. Передольский был одним из создателей и первым председателем основанного в 1894 году Новгородского общества любителей древности. Именно он, проведя самостоятельные раскопки, выяснил, что в Новгороде есть прекрасно сохранившийся культурный слой.

Археология XX века привела к открытию уникального исторического источника – берестяных грамот.

Первую коллекцию берестяных грамот он собрал еще в конце XIX века как коллекционер. Найденные или выкупленные у крестьян берестяные грамоты Передольский выставил в первом в городе частном музее, построенном на собственные деньги. Новгородские берестяные грамоты, по его словам, были «письменами предков наших». Однако разобрать что-либо на старых обрывках бересты тогда никто не смог, поэтому историки говорили о мистификации или считали «письмена предков» каракулями безграмотных крестьян. А разыскания Передольского – «русского Шлимана» относили к разряду чудачеств. В советское время эта первая уникальная коллекция берестяных грамот была безвозврат-

но утеряна, вероятно, намеренно уничтожена. Пришлось начинать всё сначала и «первая» находка-сенсация археологов пришла с полувековым опозданием. Руководил первыми, уже советскими археологическими исследованиями член-корр. АН СССР Артемий Арциховский. Его Полистьев тоже предназначил в свой Холм.

Не забыл Яромир ещё одного светоча Новгорода, тоже из краеугольных «камней» своего Холма. Его, общественного деятеля, историка, краеведа, генеалoga, археографа, председателя Новгородского общества любителей древности, первого директора Новгородского губернского архива Михаила Валерьяновича Муравьева, он чтит и помнит всегда. Тот жил ранее рядом с Дворищем, ныне на доме мемориальная доска. Туда несколько раз в день Яромир, проживая в башне, навещался с двумя вёдрами за водой.

Предки М. В. Муравьёва уже в конце XVI века являлись новгородскими городовыми дворянами из рода декабристов Муравьевых и Муравьевых-Апостолов. В наследном имении Малые Теробони (Новгородский уезд, на р. Луге) он активно способствовал развитию сельскохозяйственного общества, вольно-пожарной дружины, обществу Пособия бедным.

7 апреля 1908 года по инициативе М.В. Муравьёва и его сподвижников было возрождено Новгородское общество любителей древности (НОЛД), в котором он дважды занимал должность председателя. В годы революции М.В. Муравьёв на короткое время остаётся не у дел, но уже в феврале

1919 года его принимают на работу в губернский отдел народного образования, а 24 июня того же года его назначают заведующим Новгородским губернским архивом. В должности директора архива Михаил Валерианович состоял до сентября 1921 года, после чего начался период конфликтов с большевистской властью, принципиально стремившейся выселить Муравьёвых из одной комнатки в доме с протекающей крышей их родового имения. Они держались за это жильё, чтобы сохранить там остатки уникальной библиотеки. В 1926 году он с женой были окончательно выселены из разорённых Терёбонь и отправлены в полугодичную ссылку в Нарым. Библиотека утеряна, скорее разграблена. Последние годы жизни М.В. Муравьёв провёл в Ленинграде. В 1927 году им был выпущен путеводитель "Новгород Великий", один из лучших для своего времени. Скончался Муравьёв в 1932 году от сердечного приступа после ареста его жены. Похоронен на Новодевичьем кладбище. Место захоронения в период блокады Ленинграда было распахано под огороды.

В основание своего Холма-пирамиды Полистьев поместил образы новгородцев Сергея Рахманинова и Антония Аренского. Не забыл и Александра Суворова, сколько лет он провёл тут в изгнании в имении своего отца – Кончанском. Следующий ярус заняли:

– уроженец Новгорода генерал-фельдмаршал Иосиф Владимирович Гурко – герой Балканской кампании, команду-

ющий освобождением Велико-Тырново, Плевны, Софии и Пловдива. Останки Гурко и домочадцев выкопаны, разбросаны по саду, могилы разграблены;

– уроженец Боровичского уезда Новгородчины, ученый металлург, математик, изобретатель заводчик, основатель Обуховского и Путиловского заводов Петербурга и Петербургского порта Николай Иванович Путилов. Могила Путилова разграблена;

– уроженец села Селищи Новгородской губернии, гениальный антрепренёр, организатор фантастических балетных «Русских сезонов» в Париже Сергей Павлович Дягилев.

Тут же, рядом нашли своё место:

инженер-строитель мостов в Новгороде и через реку Мсту Казимир Рейхель, заводчик русского фарфора Кузнецов, инициатор и организатор первого новгородского водопровода Сметанин, наш современник, мужественный борец-эколог Инесса Почётова, уроженец Новгорода, с улицы Посольской, математик, астроном, директор Пулковской обсерватории Борис Нумеров. По так называемому «Пулковскому делу» Нумеров был арестован, осужден и расстрелян в тюрьме Орла при отступлении наших войск. Потомки Рейхеля уничтожены в революционном огне 17 года.

Думал Полистьев и том где воздвигнуть этот Холм, где его заслуженное место? Как-то у друзей он увидел факсимильно скопированную книгу конца 17 века, один из её списков – «Ключ разумения» Тихона Макарьевского из собрания руко-

писных книг протоиерея Д.В. Разумовского. В других списках она называлась и «Сказание по нотным гласобежаниям». Тихон, как музыкант, специалист по знаменным распевам, знаток древней крюковой нотной записи, в этой книге выполнил их «перевод» на язык нот «квадратных». Яромиру тогда запомнилась одна гравюра в этой книге – символический ключ. Однажды, прогуливаясь по Дворищу, он поразился своему открытию. Окружье Кремлевской стены, пешеходный мост через Волхов и сооружения Дворища, того места, где прожил он десять трудных лет, если взглянуть сверху, являли собой в природе точную копию того ключа. Была ли тут какая связь, случайно ли это? Ответа не надумал. Но окрепла уверенность, что «бородка» ключа, деталь с его тайным шифром, расположена тут на Дворище не случайно. Ему показалось, что сакральное наполнение этого небольшого пространства как нельзя лучше подходило для «возведения» Холма славы.

К разгадке Ключа-города приблизился Евгений Курдаков. Недаром они жили с Полистьевым рядом, в пространстве «Ключа», оба бродили по этим местам, да и творили почти на параллельных курсах. Курдаков был убежден, что города с незапамятных времен строились, как модели предыдущего жилого пространства, как образы некой Прародины. А Великий Новгород – один из немногих городов сохранивший полную мифостадиальную модель Прародины – и в территориально-архитектурном плане и в сохранившейся сакраль-

ной топонимике.

Вид карты центра древнего Новгорода, его ключевых объектов без натяжки позволяет разглядеть форму ключа, где головка-кольцо это крепостные стены кремля, стержень-шейка это мост через Волхов и дорога по Ярославову дворищу, бородка – это Вечевая площадь, близ ц. Успенья и Воротной башни. Конечно, считал Курдаков, город задумывался не как конкретный ключ, но сакральная форма была именно такой, недаром ключи входят в символические наборы священных металлических женских подвесок из раскопов русских средневековых поселений, может поэтому, и сдача города противнику обязывала выдать от него символический ключ. Выстроить город в те времена без глубокого смыслового плана было невозможно, ведь, это было пространство обитания, как скрытый обряд в соответствии с определенными, нам пока неизвестными канонами. Это проявлялось и в обряде двойного градоуправления (посадник – тысяцкий) и обряде сакрального собирания людей в единое ядро – Вече, и имитационные бои на мостах, и троекратное призвание князей, которые должны были жить вне города на городище, и обряд самоназваний горожан из разных его частей.

Ключ-город создавался строго следуя пути человека от Острога.

По летописным данным Острог находился в юго-восточном углу города на окраине Славенского холма где ныне сто-

ит храм Ильи.

Оттуда условное движение идет по направлению к Детинцу через особую площадку – бородку ключа у храма Успенья, затем поворот у церкви Георгия к Торгу, потом идет Кривой мост, обтекающий Детинец, – это кольцо ключа. Именно в пространстве бородки – тайном шифре города 10 лет прожил Яромир.

Археологическая новгородика также подтверждает факт ключевого восприятия Новгорода. Известняковая пластина из раскопа 1948 года в Неревском конце города имеет символический рисунок ключа.

Исследования Курдакова подтвердили правильность замысла Яромира о выборе места для Холма.

–Так тому и быть! – окончательно решил Полистьев, – здесь на Дворище.

Символические пантеоны в различные эпохи возводились с времен античности, древней Эллады. Конечно, в основном богам. Затем «подтянулись» и властные кумиры. Да, ими, этими властными, правителями и жрецами, формировалась идеология, религиозное представление о мироустройстве. Они выкраивали и предъявляли плебсу список фигурантов очередного пантеона как данность, никого не спросив. Народные поверья часто хранили в памяти других героев, бывало, отверженных и запрещенных. Под разными именами они рассыпаны по страницам сказок, живут в мифах, преданиях, поговорках, в сохранившейся топонимике. Что имеем

мы сегодня? – имена «советских» захоронений у Кремлевской стены, статусные столичные кладбища, «красные» могилы на Марсовом поле и блокадные на питерской Пискаревке, прочих «утвержденных» героев разных времен. Наиболее впечатляющее собрание многовековой истории вождей и героев в бронзе на «срезе» начала 20-го века – это многофигурный памятник-колокол «Тысячелетие России». А что, раньше, глубже этого горизонта не было вождей и героев? А где герои, не угодившие на тот момент власти при отборе персонажей этого монумента? Все подобные мемориалы без исключения – продукты властных решений. Да, также, как и пополняющийся список Почетных граждан разных городов. Как воспринять нахождение тут творцов, жертв гонений, часто, – репрессий и одновременно их гонителей, и палачей? Среди Почетных найдутся тут и прилипалы от власти, и недавние запретители, бывшие функционеры КПСС, ныне без стеснения «авторитетно» повествующие о церковных светочах и догматах. Так быть не должно. Это не памятник-объединитель «красным» и «белым», жертвам непримиримого противостояния, как в Долине Павших под Мадридом. Там-то было по-честному, с оружием в руках они гибли в боях за свои убеждения. Здесь же граница должна пройти по человеческим душам, отсесть добро от зла. Такой памятник – Холм-реквием, должен сложиться по-настоящему народным. И «Почётом» тут будет увенчан только тот, кто его заслужил по-праву. Пусть пока он будет мыслеобразом,

со временем обретет свою плоть, вберёт и другие достойные фигуры настоящего и прошлого. Яромир верил в это. Мы же памятный образ Яромира Полистьева, словно натянутую гусельную струну, благодарно поместим в сердцевину этого Холма-Храма, чтобы наполнить мир вибрациями волшебных звуков его души.